Контингент (Книга 2, Шурави)

Сергей Владимирович Скрипаль
Геннадий Рытченко

SHOUT
SHARE
IT

- Скрипаль Сергей Владимирович & Рытченко Геннадий
  - ○

Скрипаль Сергей Владимирович & Рытченко Геннадий Контингент (Книга 2, Шурави)

Скрипаль Сергей Владимирович, Рытченко Геннадий
Контингент
Книга II. Шурави

Об авторе: Сергей Владимирович Скрипаль, родился 14.02.60 в г. Темиртау Карагандинской области Казахской ССР. По ряду причин переехали с родителями в Ставропольский край, г. Невинномысск. Служил в Афганистане в 1980-81 гг., Кандагар, Шинданд, Газни, Панджшер, Кабул. После армии работал грузчиком, учителем, предпринимателем, директором школы, замом по рекламе в крупной фирме. Сейчас работает в региональной газете "Ставропольская правда" начальником рекламно-издательской службы.

Содержание

Вот и ты, сыночек
Глава 1. Караван
Глава 2. Оберег-ладанка
Глава 3. Комсорг
Глава 4. Станичники
Глава 5. Черепашка
Глава 6. Бурундучок
Глава 7. Восточный базар
Глава 8. Рахматулла
Глава 9. Максуд
Глава 10. Дик
Глава 11. Фатя и Тандем
Глава 12. Невдалый
Глава 13. Сестра
Глава 14. Тварь
Глава 15. Излом
Глава 16. Ночной полет
Глава 17. Очередь
Глава 18. Бача
Глава 19. Афганский сидром

Вот и ты, сыночек

"Во Путивле на забрале
Ярославна рано плачет..."

Сыночек! Сынок родился! Ой, какой же ты маленький!

Страшненький, красненький! Да нет же, нет, самый красивый! Самый лучший из всех людей на белом свете!

Дети горько плачут и кричат, а ты - радостно кричишь и кривишь губочки в улыбке. Счастливой, долгой жизни тебе, сыночек мой! Любимый мой!

* * *

Это птички, сынок, это кошечка. Не бойся, радость моя! Не бойся, погладь ее. Жалей, береги все живое, маленький мой! Заступайся за них. Они слабые и беззащитные перед человеком. Заклинаю тебя! Помни об этом.

* * *

Отпускай, отпускай мамину ручку, сынок. Это детский садик. Это твои товарищи, твои подружки, солнышко мое. Береги друзей, хороший мой, и тебе с ними всегда будет хорошо. Иди к ним, маленький мой!

* * *

Учиться в школе нужно хорошо, сынуля. Не балуйся, не шали, слушай, что будет говорить учитель. Запоминай все, чему учат. Будешь умным, хорошим человеком, золото мое. Какой ты послушный и старательный у меня!

* * *

Повязывай галстук, сыночек мой, вот этот, папин. Он не очень новый, но так тебе идет! Выпускной вечер - последний день в школе. Какой ты взрослый! Красивый! Какая у тебя замечательная девочка, счастье мое!

* * *

Служи с честью, сыночка. Выполняй свой долг. Делай то, чему офицеры учат. Помни, что мы ждем тебя и твои письма. Любим тебя и тревожимся о тебе. Помни, что мы беспокоимся о тебе и днем и ночью, единственный мой!

* * *

Вот и ты, сыночек мой! Как же это, кровиночка моя? Почему ты?! Почему тебя?!

Как возмужал! Как похудел, милый мой! А это что? Морщинки?! Какое солнце тебя сожгло, мальчик мой? Прядь седая в волосах твоих.

* * *

Молчишь, не смотришь на меня? Это я, твоя мама! Сы-но-че-е-к!

Какие красивые цветы принесли твои друзья! Твои любимые - тюльпаны... Только не красные, черные. Как горько мне, любимый мой! Около тебя твои друзья стоят, знакомые и незнакомые люди, скорбно головы опустили, понурились, вспоминают голос твой. Как они любили тебя за веселый добрый характер. Любовь моя!

Что с тобой сделали, сыночек мой! Думала надеть белое свадебное платье девушка твоя, а стоит в черном, траурном. Окаменела от горя и даже плакать не может о тебе, родной мой, только стонет тихонько.

Сколько наград у тебя, сыночек мой! На красных бархатных подушечках несут их твои товарищи. Хорошим солдатом, хорошим товарищем ты был, солнышко мое, если плачут мужчины от того, что нет тебя с ними, если, целуя руки, говорят мне: "Мама!".

Как же ты мог оставить меня одну, сыночек мой! Что же буду здесь одна делать, зачем жить мне теперь? Утешенье мое.

Какой добрый, ласковый ты был. Как старался помочь всем!

Сыночек мой! Закатилось солнце мое! Погас свет в глазах моих! Нет тебя больше со мной. В душе моей тьма черная. Соколик мой. Сломаны крылья твои. Не летать тебе высоко. Не видать тебе синего неба, радость моя. Навсегда оборвали твой веселый смех.

Нет! Нет, не уносите, не засыпайте! Дайте мне еще побыть с сыночком моим.

Оставьте меня! Оставьте, пустите к нему!

Сынок, сынок, сыночек мой!

Не хочу, не могу без тебя. Солнце мое. Радость моя. Счастье мое.

* * *

Отдав последние почести, солдаты разрядили автоматы, надели береты, молча погрузились в автобус, расправив ленты на венках. Вышли друзья с кладбища. Поодаль стояли родные и знакомые. И тогда МАТЬ спросила тихо:

- Что же я теперь? Одна!

И услышала в ответ злорадное:

- Нет, не одна. Мы теперь всегда и везде будем вместе. Мы уже познакомились, а теперь и породнились. Я навсегда останусь с тобой вместе.

- Кто ты? - спросила МАТЬ испуганно.

- Не узнаешь?!

И Черное Горе, криво усмехнувшись, защелкнуло вечный тесный колючий обруч на сердце МАТЕРИ.

Глава 1. Караван

Замполит полка майор Дубов неторопливо обходил территорию части. Торопиться было некуда. Служебные дела закончены, а в комнатке, отведенной ему для жилья командованием гарнизона, Дубова никто не ждал.

Жена сбежала два года назад с молодым старлеем подальше

от опасной близости Афганистана. От ворот части до границы с пылающей в войне страной всего-то двенадцать километров. Так что подальше отсюда в "блестящую" городскую жизнь, где есть кино, театр, танцы, рестораны. Как только вошли наши войска в Афганистан, нового мужа Нины влиятельные родственники поспешно перевели в один из многочисленных военных гарнизонов Подмосковья, кажется, куда-то в сторону Подольска. А там и продвижение по службе ускорят, да и с жильем проблемы снимутся. Конечно, это более интересная партия, чем Дубов. Да жена и не скрывала этого, смеясь говорила:

- Тусклый ты, Дубов. Брошу тебя. Все равно ты все время с солдатами проводишь. Вот и живи с ними!

- Не понимаешь ты меня, Нина, - вздыхал тогда еще капитан Дубов, - Это же дети! Кто о них позаботится ? Тяжело ведь им.

- Дурак ты ! Что других офицеров нет? Тебе больше всех надо? Что это твои дети?

- Так своих-то нет. Хоть этих пожалеть...

Детей не хотела иметь Нина:

- Брось службу. Уедем из этой дыры, я тебе хоть десяток нарожаю. А так... таскаться всю жизнь по гарнизонам... Ни жилья своего, ни жизни нормальной. Да и я все-таки молодая интересная женщина, хочу для себя пожить.

- Что ж, по-своему она права, - размышлял Дубов, глядя на кокетливо смеющуюся жену.

Дубов был старше Нины на пятнадцать лет. У нее - ветер в голове: танцы, шик, блеск. А у него - любовь к ней да служба.

Вечерние тени протянулись от высоких пирамидальных тополей у высокого глинобитного забора части через небольшой пыльный плац и ткнулись в стену одноэтажной старой казармы, в которой была комнатка замполита. Взгляд Дубова упал на щит, укрепленный в металлическую раму, вкопанную толстенными трубами у широкого входа на плац. Рукой самодеятельного художника было намалевано жуткое чудовище в форме солдата Советской Армии, устремившее отрешенный взгляд в недосягаемые патриотические дали, при этом судорожно сжимавшее короткими изуродованными пальчиками автомат. Подпись под этим кошмаром гласила:

- Изучай военное дело, будешь врагов бить смело!

Автором поговорки был сам Дубов, а рисовали солдаты - первогодки. Майор довольно хмыкнул и пошел дальше, сквозь широкие яркие полосы солнечного света и такие же широкие, но прохладные, тополиных теней. Одобрительно поглядел на следующего мутанта с надписью: "Родину - мать учись защищать!", оглянулся, окинув взглядом открытую почти целиком

всю часть.

Она была построена в двадцатые годы большевиками, заброшенными железной рукой советской власти для борьбы с басмачеством. Со временем часть перестраивалась, и теперь в ней проходили курс молодого бойца перед отправкой в Афганистан вчерашние призывники. Впрочем, этих пацанов здесь практически никто не называл бойцами или солдатами, а просто "молодой", "сынок", "щегол" и так далее, тем самым подчеркивая ничтожность не только срока службы, но и самого мальчишки.

Два месяца проходили подготовку новобранцы, принимали присягу, три пули выпускали из автомата по деревянным мишеням и уходили "за речку" такими же сопливыми необстрелянными детьми.

Солдатами они становились позже. Уже там, в снегах высокогорья, на сожженных солнцем безграничных пыльных просторах пустынь, на адских сковородах бетонных блокпостов. Познав, как пахнет кровь, как выглядит друг изнутри, засовывая в разодранный живот его же скользкие кишки. Позже...

А пока молодые бойцы старательно, как и положено первогодкам, бегали по близкой, через дорогу от части, пустыне, выдыхая из легких гражданский никотин, багровели, задыхались, тяжело громыхая необношенными грубыми ботинками и, тихо матерясь, шли в очередной наряд на кухню, чистить картошку.

Дубов вздрогнул от того, что хрипло каркнувший на столбе репродуктор зашипел заезженной пластинкой: "Давным-давно сыпучие барханы двадцатый век изрезал лентами дорог. Но песню грустную верблюжьих караванов в пустынях до сих пор хранит песок...".

Звуки - вступление к одной из песен разнеслись по гарнизону, многократно усиленные мощными динамиками. Музыка хорошо была слышна и в кишлаке, рядом с которым находилась часть, что, не только не беспокоило, но даже нравилось местным жителям - узбекам, выжатым каторжным трудом на хлопчатниках. На радиоузле хранились пластинки с записями песен, популярных в пятидесятые семидесятые годы, их "крутили" по вечерам и целыми днями в праздники и воскресные дни, чтобы хоть как-то отделить их от серых армейских будней.

Дубов проводил взглядом роту солдат, строем прошагавших в столовую на ужин. Воскресенье. У офицеров - вечеринка с танцами, у солдат киношка в клубе, а потом отбой, с короткими посиделками в курилке.

Ах, Нина, Нина...

Когда она уехала, два года назад, Дубов от тоски и отчаяния подал рапорт об отправке в Афган. Смерти искал. Или награды.

Или повышения. Может вернулась бы?!

Просьбу удовлетворили почти мгновенно. Повышение получил, награду тоже, но вот Нина не вернулась. Да и не вернется теперь уже никогда.

Дубов поправил пустой левый рукав гимнастерки и отправился в солдатскую курилку. Любил по вечерам перед отбоем поговорить с мальчишками. По-своему подготавливая их к тому, с чем придется скоро столкнуться каждому из них. Да и... какие ему теперь танцы!?

Завтра мальчишки, начав новый день службы, под руководством инструкторов, жестоких и беспощадных, неоднократно побывавших в Афганистане, будут отрабатывать приемы рукопашного боя, смешно - визгливо выкрикивая на выдохе: "Кий-я-а-а...", нелепо суя руками и ногами Бог весть куда.

А сегодня вечером можно посидеть и тихонько, по-семейному поговорить.

Дубов рассказывал о том, что пережил сам, что видел, чему научился. Пацаны замолкали, слушали с широко открытыми глазами, полными тревоги о будущем.

Говорил майор ровным голосом, негромко, так, как привык говорить в высокогорных засадах, где звук разносится очень далеко, где ложкой орудуешь осторожно, стараясь, не дай Господь, не скребануть о дно котелка или стенку консервной жестянки. Шумнешь - и сам погибнешь и товарищей погубишь. Или спугнешь главную цель засады - караван.

Пустую банку из-под тушенки не отшвыриваешь, а ставишь подальше от себя, аккуратненько, стараясь в расщелинке зажать, чтобы не зацепить случайно.

А для того, чтобы не заморозиться, ворочаешься в снегу, при этом абсолютно бесшумно, нежно, как любимую женщину перекладываешь с руки на руку автомат, норовящий лязгнуть стылым металлом. И мерзнешь..., колеешь от холода..., задыхаешься от мороза.

Дубов внимательно оглядывает солдат. Слушают, боятся слово пропустить. В глазах некоторых недоверие. Как это, мол? В Афгане пустыня, вон, как за воротами части, замерзнешь там, как же! Жара. Пекло. И вдруг - холод, снег. Это те, кто в горах ни разу не были. Другие понимают. Внизу плюс тридцать, вверху - минус десять.

Дубов закуривает новую сигарету, ловко орудуя одной рукой, отказываясь взмахом головы от предлагаемой помощи. Оглядывает поверх голов солдат вчера только изготовленные планшеты, прислоненные к стене казармы, с надписями "Дал присягу - назад ни шагу!" и еще "Помни присягу свою - будь

стойким в бою!".

Про себя думает, что прямо с утра надо из хозвзвода плотника прислать, чтобы приладил у входа в здание перлы солдатской мудрости и продолжает разговор.

Кроме того есть приказ - пропустить караван ни в коем случае нельзя. Он несет груз, который грозит новым горем, смертями, потерями для шурави и мирного афганского народа.

Разведка докладывает - армия выходит на реализацию разведданных, то есть устраивает засаду. И в прежние времена караван - богатая добыча, желанный приз для разбойников. А теперь - цель нападения и уничтожения любой ценой и людей и грузов.

Издревле тянутся караваны по тайным горным тропам ночью, скрываясь днем в тени туберкулезной зелени, в пещерках, ложбинах между сопками. Караван хорошо вооружен - имеет свои зубы и достаточно больно кусается. Ведет караван старый афганец - караван-баши. Не идет, шествует той удивительно легкой походкой, которой, кажется, совсем не свойственно утомление. Сам караван-баши с высоким крючкообразным посохом и цепь ишаков, или верблюдов, или лошадей, навьюченных тяжелой кладью, внешне выглядят также, как выглядели подобные караваны много веков назад. Караванщики одеты в просторные, длинные и очень теплые дубленые шубы. В условиях высокогорья особенно хороши рукава этих шуб. Они спускаются до колен и состоят из сложенных мехом внутрь ромбовидных несшитых между собой полос овчины, похожих на ласты. Такие рукава чудесно защищают от стужи и своим устройством не мешают мгновенно выхватить оружие.

Майор рассказывал то, что было на самом деле, не пугая, а настраивая, предупреждая, подготавливая к тому, что ему было хорошо известно и знакомо.

Потом уже, когда отбой объявляли, и солдаты засыпали в казармах, Дубов возвращался в курилку, закуривал, и, стиснув зубы, застывал допоздна, вспоминая свое участие в войне.

В седловине, между двумя заснеженными вершинами, где с вечера находилась в засаде рота капитана Дубова, было ужасно холодно. Ветер, дувший с яростной силой, казалось, пытался вышвырнуть вон шурави, отморозить все, что выглядывало из одежды. Солдаты зарывались в снег, пытаясь согреться. К счастью, ближе к полуночи ветер переменился, и его ледяные струи проносились над головами солдат.

Обозначив задачи, выставив дозорные посты, Дубов уже под утро задремал. Перед самым рассветом его разбудил рваный лай всех стволов, имеющихся в распоряжении роты. В голове

мелькнуло:

- Началось!

Крутнувшись в берлоге, из-за стылого валуна Дубов выставил автомат в сторону тропы, выстрелил из подствольника в самую гущу людей и животных. Отметил для себя выброс разрыва и, стреляя в хвост каравана, моментально оценил складывающуюся обстановку.

За тридцать секунд боя все смешалось: на тропе мечущиеся бородатые лица в чалмах, плач, рев и стоны раненых, бьющихся людей и лошадей.

Животные падали на тропу и, заваливаясь на бок, тащили в пропасть за собой караванщиков, отчаянно пытающихся удержать от падения вниз лошадей и тюки с грузом, но тщетно. Афганцы, стесненные узостью тропы не могли отступить, скрыться за скалой, из-за которой минуту назад вышли на этот проклятый участок. Не могли пройти вперед, отсеченные плотной стеной огня. Понимая свою обреченность, они выхватывали оружие и бились горячечно, ни на что не надеясь, лишь взывая к аллаху, чтобы тот увидел, как дерутся его верные сыны. Залегали за трупами животных и своих товарищей, пытались вести прицельный огонь и не без успеха.

Дубов увидел как, дернувшись, ткнулся головой в снег рядовой Еременко, а рядом с ним побагровела, подтаивая, морозная белизна под телом Кочурина.

Капитан выкрикивал слова команды, пытаясь уберечь, предостеречь своих солдат, но грохот и рев боя перекрывали его голос, и ему самому казалось, что он не кричит а едва шепчет.

Бой велся жестокий, беспощадный, на полное уничтожение, и люди из каравана, понимая это, пытались подороже продать свои жизни.

Дубов оторвался от прицельной планки автомата, чтобы увидеть солдат, оценить ситуацию и заорал:

- Газарян, назад! Назад! Не высовывайся!

В горячке боя Газарян вскочил на ноги и вел огонь с колена, при этом жутко хохоча. Дубов приподнялся над камнем:

- Га... - не успел докричать.

Ослепило близким разрывом гранаты, как огнем ожгло левую руку. Сознание Дубов потерял не сразу, успел отметить, как внезапно наступило затишье, подумал: "Умираю?!", и впал в забытье.

Очнулся от резкой боли. Перетягивающий левое предплечье бинтом Басыров поглядел на командира ласковыми карими глазами и, успокаивая, сказал:

- Ничыво, ничыво, камандир, каравана - йок, нету...

Дубов услышал как время от времени тишину прерывают одиночные выстрелы и понял что каравана действительно - "йок", раз солдаты достреливают, добивают умирающих и раненых духов, ставят контрольным выстрелом в голову восклицательный знак на мертвых.

- Лыжы, лыжы, - успокаивал Дубова Басыров, - тропа сейчас расчистим, груз забырем. Служба знаем. Искендер уже выртушки вызвал.

Искендер - Александр Ковалев - радист роты. Дубов облегченно, насколько это позволила рана, вздохнул и с изумлением увидел, что на Басырове поверх бушлата наброшена дубленка. Тот, увидев изумление командира, поспешил объяснить:

- С убытых сняли. Стрыляли - разгорячылись. Холодно тепер. А шуба теплый. Мертвый - в пропасть, а шуба живой - на. И тыбе тоже - на, - Басыров заботливо набросил на Дубова широченную овчину.

Дубову стало тепло не только от меха дубленки, но и от заботы солдата. Только где-то в глубине души что-то терзало, заботило неосознанным чувством тревоги. Думать и размышлять мешала слабость. Тепло окунуло Дубова в дрему, а промедол оттягивал сверлящую боль. Он только и прошептал Басырову:

- Тропу расчистите, груз поднимите на площадку, - и уснул.

Вместе с болью промедол погасил тревожную мысль.

Солдаты сбросили трупы вниз и стали подниматься вверх на площадку, волоча за собой тюки и трофейное оружие.

За то время, когда солдаты укладывали своих погибших, опускались на тропу, освобождали, расчищали ее, сбрасывали вниз сообща неподъемные трупы лошадей, туда же, раскачав за руки - за ноги, отправляли начавшие замерзать трупы людей, наконец, пока подняли наверх тюки и оружие, два вертолета, преодолев подлетное время, вынырнули из-за дальней вершины, взяв направление на седловину.

Командир пятьдесят третьего борта передал в полк:

- Я - борт полсотни три. Сигнала нет. Вижу тела наших наверху. Караванщики таскают вьюки с тропы на верх, - и не удержался, - Вот, твари, отсидеться хотят...

И вертушки, коршунами ринувшись с неба, весь свой огонь обрушили на усталых "караванщиков", вереницей ползущих вверх к спасительному гребню.

Рокот вертушек и шквал огня молнией высветили в голове Дубова смысл его тревоги:

- Шубы!

Поздно. Вертушки сделали следующий заход. Пилоты

убедились, что караванщики полностью уничтожены, связались с базой и, сделав разворот, ушли за спецгруппой. Пусть уж они разбираются что произошло на тропе, а заодно и трупы погрузят и уцелевшие вьюки.

Вертушки растворились в круге огромного солнца. Из укрытия выбрался шатающийся от слабости, потерявший шапку, с всклокоченными потными волосами и безумным взглядом, капитан Дубов.

Забыв о боли в раненой руке, он побрел от тела к телу, оскальзываясь на утоптанном снегу, испачканным красными пятнами крови и черными разводами гари, не верящий, не желающий осознать нелепость случившейся трагедии, надеясь на чудо, на то, что ребята уцелели... Становился на колени около каждого погибшего. Ласковым шепотом разговаривал с каждым. Жалел. Приговаривал какие-то нелепые слова оправдания. Просил простить его за то, что остался жив... Закрывал ребятам глаза. Гладил коротко стриженные головы. Накрывал лица подобранными шапками, кусками бушлатов и дубленок... И только когда добрел до тела Басырова, заглянул в его спокойное лицо и застывшие карие глаза, Дубов отчаянно, горестно, страшно завыл.

Так воет старый волк, низко опустив голову у родной, разоренной охотниками норы, оплакивая гибель маленьких, теплых, бестолковых, беспомощных волчат...

* * *

...Веселые голоса возвращающихся с вечеринки офицеров с женами отвлекли майора Дубова от воспоминаний. Он поднялся со скамейки, поглядел на темное окно своей комнатушки и зашагал в казарму.

Сделав знак "Потише" подскочившему дежурному, укоризненно качнул седой головой и, стараясь не скрипеть старыми половицами, прошел в свою комнату.

Постоял, не включая свет, припомнил, как умолял, чуть ли не на коленях, комдива не отправлять его на гражданку, не списывать по инвалидности после ампутации руки. Щелкнул выключателем.

Тусклый свет сорокасвечевой лампочки осветил спартанское жилье. Дубов поправил покосившийся плакатик, висящий над выключателем: "СССР - всему миру пример!", хмыкнул, быстро разделся, погасил свет и улегся узкую жесткую кровать. Полежал на спине, подложив руку под голову, припоминая вечерний разговор с солдатами. И стал засыпать, твердо зная, что не сможет пересилить себя и не придет прощаться с этими мальчишками перед отправкой их в огненную мясорубку

Афганистана.

Глава 2. Оберег-ладанка

Теплый осенний день. Листва опадает с кленов и ясеней, пытается устлать мягким ковром весь парк, печально и убаюкивающе шуршит под ногами. Пряный и острый ее запах дурманит голову, пьянит чем-то приятно - грустным. Изредка взрывается тонкий сучок и осыпает ноги пылью прели. Слабый ветерок пытается проскочить сквознячком меж стволов деревьев, но запутывается в них и утихает, слабо вздохнув. Солнечные лучи смелее пронзают безлиственные кружева ветвей и греют, греют, греют землю.

Под вечер воздух делается прозрачным, в его дыхании уже чувствуется хрустальность будущих морозов, но эта хрустальность еще нежна, едва уловима.

Ветер набирает силу и грудью бросается на деревья, те поскрипывают старыми телами или по-молодому сгибаются и вновь выпрямляются. Уцелевшие листья собираются в маленькие кучки - смерчики - вперемешку с измельченной трухой и неприкаянно носятся по парку, разыскивая свой дом - свое дерево. Вороны шумно опускаются на старый клен, картаво переругиваются и замолкают, как только солнце совсем уже прячется за раскрасневшимся горизонтом...

...Бросить бы все, да провести денек в парке, пусть даже одному. Впрочем, - даже лучше одному. Отдохнуть от всего и всех, надышаться чистым воздухом, насмотреться на бледное, иссиня-зеленоватое небо, а потом... А что потом?! Все! Хватит!!

Вовка тряхнул головой, и чудесное полудремотное видение исчезло, в глаза хлынуло солнце. Много солнца. Слишком много жестокого яркого солнца. Веки привычно дернулись, смахивая слезы, прищуренные глаза осторожно прощупывали опасную чертову пыль и камни.

Пока он дремал, законно причем, был в отдыхающей смене, ничего не изменилось, только разбухший, безобразно яркий шар солнца чуть сместился к горизонту. До ночи еще далеко, до начала смены - минут тридцать. Но не хочется больше спать - опять какая-нибудь мура приснится, выбьет из привычно непривычной колеи войны. А все же, какой парк красивый! Эх! Сейчас бы!.. Все. Все, забыто!!

Вовка потянулся до стона, покрутил головой, разогнал застылость мышц. Закурить, что ли? Нет, не буду. Бросил две недели назад.

Бежали тогда по сопкам долго. Уходили от духов к своим, под прикрытие бетонки, по которой шмыгают целыми днями

машины.

Бег начали всемером, а к финишу пришли втроем. Чуть было пятым не остался в сопках Вовка.

Бежали без оглядки, нечем было огрызнуться. Весь боезапас оставили там, в холмах, вместе со своим взводом, покрошенным из засады пулеметными очередями. Когда залегли после первого шквала, были недоумение и злость, потом ярость и боль, чуть позже - бессилие и страх, а когда патроны закончились, только ужас хлестанул январским морозом. Вскочил первый и понесся назад, к базе, за ним второй, и уже, не помня себя, летел за всеми Вовка, беспокоясь лишь о том, чтобы не бросить, не потерять автомат.

Чем ближе к бетонке, тем слабее ноги, руки, все тело. Добежали до дороги и упали под колеса остановившейся колонны КАМАЗов. Когда очнулся, отдышался, вынул из кармана сигарету, задымил, и тут же отшвырнул ее и закашлялся, с трудом удерживая тошноту. Так и бросил курить солдат Вовка Скатов.

Но не только об автомате думалось Вовке во время безумной пробежки, думал еще о том, чтобы не потерять раскачивающуюся на груди в тяжелом, тягучем, напряженном беге оберег - ладанку, повешенную на шею матерью, глубоко и искренне верующей женщиной. Верующей, что странно пахнущий кусочек дерева спасет и сохранит кровиночку, единственного любимого сына, веру и надежду в этой жизни от гибели. Сумела она передать эту веру в оберег и Вовке.

Что же, как не эта ладанка спасла Великим чудом, когда в ущелье на зажатой скалами дороге караван грузовиков, везущий пацанов и Вовку в их числе, обстреляли душманы? Стреляли в упор, перегородив дорогу подбитой техникой.

Выскочив из горящей машины, обезумев от животного страха, метался необстрелянный пацан Вовка по ущелью. Открытая, доступная как на ладони мишень. Мотался на шее образок - ладанка в такт его бестолковому бегу.

Бросился Вовка под козырек скалы нависший над дорогой. Пули прощелкали злобно отгрызая острые осколки камня, зло ворча, ушли в сторону длинной очередью.

Вжался в горячий камень Вовка, зашептал, сбиваясь, молитву о спасении живота своего и притих. В его затишок заскочил прапорщик. Который на марше командовал танком сопровождения. Он, хрипло матерясь, выплевывая вместе со словами сгустки крови, упал на дымящуюся спину, обдирая бушлат о камни, пытаясь сбить струйки дыма и тлеющие глазки огня.

Пули духов сопровождали отчаянный прыжок и успели

зацепить его под колено правой ноги. Прапорщик втянул ногу под навес, взревел от боли, слепо окинул укрытие взглядом и, не заметив Вовку, сунулся к краю щели. Он подтянул автомат к себе и начал резать, косить радостные фигуры духов, соскальзывающие вниз по стенам ущелья к добыче.

Вовка полностью пришел в себя. Сквозь его затуманенное ужасом сознание дошло, что бьется один прапорщик, со стороны духов плотность огня становится все гуще и гуще.

Почуял Вовка, не столько носом, сколько каким-то звериным чутьем, запах ладанки, встряхнулся, поверил в свою счастливую звезду и пополз к прапорщику. Тот скосил налитые кровью глаза, приказывающе мотанул головой и вновь приник к автомату. Теперь уже он стрелял прицельно, торопливо выбирая мишень и мягко нажимая на спуск. Автомат коротко вздрагивал и тянулся мушкой к следующей фигуре.

Вовка растерянно смотрел перед собой. Танк кособоко свисал порванными гусеницами с подорванной плиты монолита. Ствол уныло ткнулся в стену ущелья. Из открытого люка тянулся черный дым, окутывая труп убитого солдата, тряпкой висевшего руками вниз из отверстия. Три машины "Урал" беспомощно догорали, изредка всплескивая искрами пламени, осклабясь металлическими обугленными конструкциями. Повсюду валялись трупы солдат, обгоревшие, изломанные предсмертной судорогой.

Духи все смелее и смелее отрывались от земли и перебегали подбираясь к горящему танку. Спокойствие раненного прапорщика передалось и Вовке. Он выбрал цель, щелкнул ограничителем, устанавливая режим одиночной стрельбы, повел стволом вокруг головы надвигающейся фигуры, выхватывая взглядом красные камни, серую пыль, черный дым, бледно-болезненные былинки из расщелин, темное, какое-то закопченное лицо бородатого врага, внезапно надвинувшееся в прицел, и нажал на курок.

Расстояние между Вовкой и нападающим было мало, прозвучал выстрел и душман забулькал горлом, сделал два шага, ударился грудью оземь, застыл, как бы пытаясь дотянуться мертвыми руками до слетевшей с бритой головы чалмы.

Тугая волна тошноты подкатила к горлу, выплеснулась горячей струей едва усвоенного завтрака. Слабость разжала руки, автомат с цоканьем упал на камни. Вовка скорчился, захлебываясь рвотой, закашлялся, поперхнувшись густой слюной.

Прапорщик методично простреливал обзор, оглянулся на Вовку, прокричал ему что-то грозное, по- лошадиному, взмахивая головой в сторону наступающего противника и вновь принялся целиться и стрелять.

Вовка пытался подавить приступы тошноты, но вид убитого им духа, чалма подкатившаяся близко с ползающими по ней, хорошо видными вшами, усиливали спазмы желудка. Капли пота стекали по подбородку, тягуче сочно плюхались на колени, на приклад автомата, застилали глаза.

...Вовка устало поднял голову. Прапорщик лежал лицом вниз, раскинув руки. Впитывая кровь, набухал воротник его гимнастерки. Духи в открытую бродили меж горящих машин, пинками переворачивали трупы солдат, ворошили их вещмешки, собирали трофейное оружие. Один из них подошел к шевельнувшемуся шурави, схватил его за волосы и резко потянул голову назад к спине. Вовка узнал это неестественно бледное лицо: Сашка Ситников. Это с ним они сидели во дворе городского военкомата, когда ждали отправки. Всю жизнь росли в одном городе, а вот встретились перед отъездом, но тесно не сдружились, просто вместе держались по закону землячества.

Сашка был ранен в ноги. Резкая боль искривила его лицо, вырвала тяжелый стон. Близко стоящие духи засмеялись, одобрительно кивая своему товарищу. Тот же рад стараться, наступил для большего эффекта на Сашкины окровавленные ноги и еще сильнее потянул назад голову. Изо рта Сашки потекла кровь, он душно заперхал и закрыл глаза. Афганец хлестанул наотмашь ладонью по Сашкиному лицу, выдернул откуда-то из широких одежд кривой нож и быстро полосонул им по лбу русского. Кровь широкой завесой потекла по лицу Сашки, и было странно и страшно видеть бело-красную маску вместо лица. Дух отпустил волосы Сашки, и он с размаху ткнулся лицом в пыль.

Вовка понял, что вот сейчас духи вдребезги расстреляют Сашку. И ему, Вовке, надо быстро что-то сделать, чтобы успеть изменить страшную Сашкину судьбу. Он притянул к себе автомат, быстро прицелился и клацнул пустым звуком - патроны закончились. Вовка потянулся к подсумку - пуст, и в отчаянии закрутил головой. Увидел автомат прапорщика; отложил в сторону свой автомат и пополз к убитому.

В это время дух перевернул стонущего Сашку на спину, схватив за воротник, перетащил к машине, швырнув его спиной к закопченному колесу. Сашка уже пришел в себя, широко раскрыв глаза со слипшимися от крови ресницами, он смотрел на окруживших его врагов. Лихорадочно осматривая их, пытался понять, что же с ним будет, догадывался и не надеялся избежать смерти.

Вовка уже тянул автомат из-под прапорщика, его подсумок со сменой рожков, и видел, как духи обступили полукругом сидящего Сашку. Афганец - видимо, командир - что-то кричал.

тыкая пальцем в пленного, пинал его то в бок, то по раненным ногам. Сашка занемел, застыл и даже не стонал от ударов душмана. В его пустых глазах внезапно загорелась надежда. Он увидел под близким козырьком скалы Вовку, увидел, как тот вытягивает откуда-то из-под себя автомат. Вот сейчас, полоснет огнем Вовка, освободит его, уничтожит его мучителей. Нет, не успел. Пока он выдернул автомат, пока менял пустой магазин, афганец запрокинул цепкими пальцами голову Сашки назад и размашистым движением перерубил ножом шею солдата. Тело Сашки конвульсивно дернулось и съехало на землю под громкий одобрительный хохот душманов. Убийца Сашки гордо прокричал что-то в небо, поднял за волосы голову Сашки и, размахнувшись, забрызгав себя стекающей из горла кровью, швырнул в сторону Вовки, как мяч.

Холод ужаса пробежал по спине Вовки. Он прицелился и стал кромсать, хлестать свинцом удивленные рожи духов... В одну очередь всадил все патроны, расшвырял, разметал гадов. Нашарил второй рожок, вонзил его в ненасытное чрево автомата. Вскочил на ноги в полный рост, с ревом гнева продолжил стрельбу, но залег опять, замолчал. Не в кого стрелять - спрятались духи. Тихо стало кругом, только огонь потрескивает на догорающих машинах. Внимательно стал осматриваться Вовка, ловил, высматривал цель. О, за гусеницей танка мелькнула чалма. Ба-бах! Есть! Вывалился убитый дух. Ага, вон там за камнем что-то шевелится. Ба-бах! Черт, мимо! Увидел-таки Вовка, как высунулся из-за того же танка ствол гранатомета, но не успел среагировать, как вырвалось из гранатомета пламя, и снаряд врезался в навес. Обрушился козырек, засыпал собой прапорщика и Вовку, завалил камнями...

...Очнулся Вовка от холода. Опять казалось ему, что он в осеннем парке, но спит почему-то на скамеечке, неудобно лежать, острые края режут бока. Захотел встать, но не смог. Дернулся что было сил - что-то держит. Дернулся еще раз результат тот же и проснулся, открыл глаза. Сквозь узкие щели между камней виднелся серенький холодный рассвет. Вспомнилось, что завалило его. Почти сутки выбирался Вовка из могилы, расшатывал, раскачивал камни руками, раздавленным автоматом. Вытолкнет один камень, на его место другой сползает. Замирал - засыпал Вовка, приходил в сознание от холода и знакомого запаха ладанки, шептал сухими губами молитву, и опять работал. На следующий день услышал совсем рядом родной русский мат, засипел, заскрипел что-то, пытаясь быть услышанным. Случилось невероятное - услышали, вытащили...

Так как же не верить теперь в оберег-ладанку?! Что же, если

не она спасла его в тот раз?! В который уже раз...

А сегодня дежурство на точке прошло нормально. Погрелись на солнышке недельку и пошли назад. Сменившая их рота ничего нового не принесла из полка. Все то же. Ходят, правда, слухи, что скоро начнется вывод войск с территории Афганистана, но будет ли это точно и когда, никто не знал.

Подходили к кандагарскому гарнизону уже затемно, когда солнце опустилось за высокие гребни гор и лишь едва освещало знакомые очертания аэродрома. Шли узкой тропой, спускаясь по одному с интервалом пять-семь шагов. Размеренное движение успокаивало, клонило в дрему. Внезапно впереди грохнул взрыв, и эхо заметалось разрывом по стенкам ущелья, ведущего тропой к аэродрому. Мгновенно залегли, выставили стволы автоматов солдаты, и только тогда командир прокричал, что тропа заминирована.

Вызванных саперов ждали долго, только перед рассветом пришли. Быстро убрали наспех поставленные духами мины, и рота двинулась вперед.

От долгого сиденья на холодных камнях, от неподвижности захотелось Вовке оправиться, помочиться. Шагнул он чуть в сторону с тропы, на неутоптанную узкую полосу перед каменной стеной, потянулся в предвкушении скорого отдыха. И понял по тонкому звуку натянутой струны, что под ним мина. Замер и громко, спокойно сказал проходящему по тропе за его спиной:

- Я на мине.

От этих страшных трех слов стало тихо на тропе, передние прошли вперед, за поворот, а задние попятились назад.

Стоял Вовка одиноко под темным еще небом, стоял лицом к мрачной скале, с нелепо расстегнутой ширинкой штанов и не смел пошевелиться. В голове металось лихорадочно, что есть какой-то выход, не может вот так, запросто, оборваться жизнь. И вот оно, нашелся ответ, нашелся выход. Потянулся осторожно руками Вовка к вороту куртки, просунул руки к оберегу-ладанке, зашептал что-то онемевшими губами, облегчение почувствовал, вот она - помощь!

Чуть ослабил ногу, выкатился из-под сбитого каблука камешек, чуть глубже нога зарылась в грунт, еще сильнее натянулась струна, еще быстрее, еще горячечнее зашептал молитвы Вовка, но не смог, не убедил Господа солдат. Видать нагрешил тяжко здесь в Афгане. Всхлипнул под ногами громким чихом взрыв, разрывая, разметая мамину кровинушку раба Божьего, Вовку Скатова.

Взметнулся вверх высоко на кожаном шнурке оберег-ладанка, зацепился за выступ скалы, сокрушенно закачался своим

маленьким темным теплым телом, как бы оплакивая свое бессилие: Ай-ай-ай-ай...

Яркая звезда, чиркнула по светлеющему небу Афганистана, ослепляющим хвостом вознеслась высоко в поднебесье и рассыпалась мелким прахом в голубой вышине жемчужными, медленно гаснущими искрами.

Эту звезду увидел рядовой, несущий караульную службу у склада ГСМ, Витька Смирнов.

- Шалят духи, - подумал он.

Глава 3. Комсорг

Дым. Дым. Дым. Густой дым аспидно-черными клубами разливается по земле, окутывает сопки. Жирные хлопья оседают, маслянисто блестят на склонах горушек, забиваются в щели меж камнями, легко проскальзывают под воротник гимнастерки, в ботинки, окрашивают кожу в африканский цвет, лезут в нос, в горло... И никуда не деться от мягкой назойливости сгоревшего мазута.

Наливник горел с самого утра, угрюмо ткнувшись ураловской мордой в пыль дороги. Колеса, оторванные взрывом противотанковой мины, валялись сгоревшие дотла, неподалеку от машины, разбросанные по обе ее стороны.

После взрыва из кабины вылетел водитель, оглушенный грохотом и ослепленный пламенем. Дико вращая головой, он тянул, рвал из кабины автомат, заклинивший в боковых замках. Кровь из мелких порезов от брызнувшего стекла мгновенно окрасила полосами лицо солдата. Наконец автомат выскочил из замков, больно ткнув мушкой в плечо, и водитель побежал назад, к следующей в караване машине. УРАЛ, резко дернувшийся от внезапной остановки, еще урчал двигателем, но вскоре заглох от следующего взрыва - огонь добрался до топливных баков, а затем вспыхнул мазут.

Гасить пламя было некогда, в любую секунду духи могли открыть огонь из засады, что было логично на этой дороге, тянущейся между сопками. Но повезло. Стрельбы не было. Опустились стволы автоматов вниз, вздернутые было в поисках врага. Танк сопровождения развернул башню стволом назад и задом прогрохотал к подорванному УРАЛУ. Уперся крепкой грудью в бок машины и потащил ее от дороги, освобождая путь колонне.

Тронулись. Поехали дальше. До обеда прошли только шестьдесят километров. Осторожничали. Не знали еще этой дороги. Впереди - танк, в танке - саперы. Семнадцать мин сняли на своем пути. Что впереди? Неизвестно. Что позади? А позади -

печально-траурной лентой поднимается черный густой дым, хорошо видный даже на большом расстоянии.

Радист колонны торопливой скороговоркой докладывал ситуацию командованию и, сплюнув черной слюной, на полуслове кинул в передатчик микрофонную трубку и заматерился:

-... Они там водку жрут, а мы здесь... - и по всей форме доложил подошедшему начальнику колонны - молоденькому лейтенанту, год как окончившему училище, о том, что командование недовольно задержкой в продвижении колонны, молодым лейтенантом, им, радистом, и вообще всей ситуацией на участке колонны.

Лейтенант выслушал, как в училище вытянулся в полный рост, набрал полную грудь воздуха - послать подальше все начальство и уже рот открыл, как щелкнул сухой выстрел снайпера, горячая пуля залетела прямо ему в рот и, разбрызгивая желтый мозг, окрашенный красной горячей кровью с белыми осколками черепа, вылетела из черного в полголовы выходного отверстия. Тело лейтенанта дернулось и, загребая неуклюже носками давно не чищенных ботинок афганскую серую пыль, повалилось на радиста. Караван на секунду замер, горохом рассыпались по машинам ожидающие команды солдаты-водители, ощерились дулами автоматов солдаты сопровождения и в направлении выстрела затрещали автоматные очереди. Защелкали, завизжали, затенькали пули о черные камни и, шевельнувшись, вылетело неуклюжей птицей, как крыльями хлопая полами засаленного халата, тело снайпера-душмана. Кувыркнувшись в воздухе, прокатившись по склону горы, набрав скорость, подкатилось по дороге к телу лейтенанта, и увидели солдаты, что снайпер молодой, в возрасте лейтенанта, только что убитого. Тело душмана, подкатившись, легло на руку убитого офицера, распластавшуюся на дороге, и похоже было, что два товарища-одногодка россиянин и афганец, вволю повеселившись, разлеглись на дороге, заснув в пьяном угаре, не рассчитав свои силы. Впечатление было бы полным, если бы не чернеющая от вытекающей крови серая мягкая пыль.

Витька Смирнов - солдат одногодка - чувствовал себя очень плохо. Во-первых, его машина была подорвана, это ее он оставил догорать одну на проклятой дороге. Его до сих пор трясло и знобило после взрыва. Опытные водилы говорили, похлопывая Витьку по плечу, что, мол, повезло тебе, браток, только машину потерял, обычно и шофер с машиной гибнет, если на противотанковую мину нарывается. Во-вторых, обдало лицо брызгами мозга лейтенанта, теплыми и скользкими. Хоть и утерся

платком Витька, но скользнули-таки внутрь под гимнастерку капли, защекотали тошнотой под ложечкой. В-третьих, дух-снайпер катился прямо под ноги Витьке, еле успел он отскочить, но зацепил все же мертвец плотной неживой рукой по ноге. Зацепил, словно за ногу хотел схватить, забрать еще одного врага с собой в черноту смерти. Вот и плохо стало Витьке, хоть и третий это рейс для него, и повидал уже немало. Но за один раз столько получить и увидеть - это уже слишком.

Прапорщик Воронин, среди солдат - Кнут, тонкий, стройный, пробежал в голову колонны к радисту, доложил о гибели командира, выслушал монолог начальника и дал команду вперед.

И опять Витьке не повезло. По воле Кнута посадили его в кунг ГАЗ-66 вместе с санитарами - в помощь им, раз уж колес он лишился, и теперь он трясся в гулкой будке, а в такт тряске подскакивала, стукаясь о рукоятки, голова погибшего лейтенанта на узких подвесных носилках. Санитары накинули на тело мертвеца старое, промасленное одеяло, но от подпрыгивания машины оно сползло, обнажив изуродованную голову. Не мог, не хотел Витька накрыть ее и отвернуться не мог в тесноте кунга. Закурил было, да и так дышать нечем, накурили мед. братья до густоты осязаемой. Хорошо им, - позавидовал Витька, - привычные ко всему.

Чтобы отвлечься от страшной маски изуродованного мертвого лица, Витька порылся в карманах, нащупал пачку старых писем от родителей, но постеснялся достать их, просто коснулся, как погладил рукой. В другом кармане наткнулся на маленький и твердый прямоугольник, потянул на свет. Вспомнил. Нашел как-то в рейде, в горах на выступе скалы кусочек деревяшки. Загадочный, темный, на кожаном шнурке болтался. Запах от этой деревяшки интересный исходил. Долго размышлял Витька, что за запах такой, потом уж припомнил, что в церкви так пахло, в которую заходил однажды тайком, чтобы не увидели однокашники или учителя. Церковь была старая, стояла неподалеку от школы. Каждый день мимо нее проходил. Слышал тихие голоса из открытых дверей, видел огоньки свечей и лампадок, размытые пятна икон. Интересно было зайти, но страх быть увиденным и пристыженным не пускал. Тем более, что с девятого класса стал секретарем комсомола школы, и не по рангу стало заходить в старинные двери божьего храма. Однако вспомнил Витька, что это за деревяшка такая. Ладанка. - Оберег-ладанка называется. Обычно с изображением Бога или святого, носится на шее. Прикрыл глаза Витька, как бы согрелся от кусочка дерева, задремал, но тут же подскочил испуганно, ткнувшись головой в тело лейтенанта от очень уж сильного крена

машины. ГАЗ-66 резко стал. Одновременно застучали частые выстрелы из многих автоматных стволов. Засуетились, заклевали по кунгу пули, вырывая стальными клювами куски жести и досок из и так уже пораненного тела машины. Санитары, а за ними и Витька, вылетели на дорогу. Перед броском из будки краем глаза увидел Витька, как несколько пуль сбросили с носилок тело лейтенанта.

Вечерело. Солнце лишь слегка пробивалось из-за острых зубов гор, по-вечернему раскраснелось небо, натягивая на себя мрачное одеяло ночи. Ближний склон горы, подсвеченный выстрелами, рвал, мял колонну автомобилей, злобно рычал, плюясь свинцом. Люди залегли за машинами, под колесами, отстреливались, били по угадываемому за вспышками врагу. Танк грузно развернул башню и изрыгнул в сторону засады осколочный снаряд, который разнес в щебень несколько скальных обломков, затем другой, третий, пятый... Витька сбился со счета от грохота, от вони сгоревшего пороха, от напряженного поиска мишеней глаза болели, и он стрелял наугад, едва успевая сменять магазин.

Танк, лязгая металлом гусениц, отполз назад, развернулся и пошел в конец колонны, чтобы оттуда достать врага. Набрал скорость, обдавая залегших солдат копотью сгоревшего топлива, заспешил к выбранному месту, но вдруг споткнулся, клюнув стволом на гулко бумкнувшей мине. Наступила мгновенная тишина, такая, которая наступает неизвестно из-за чего в большом скоплении людей, когда каждый из них говорил о своем, и враз замолкли все. Танк стоял большой, темный. Ни один люк не лязгнул в тишине. Поползли струйки дыма. Звериный рык радости донесся сверху, а вместе с ним бой вспыхнул с новой силой. Духи, воспрянувшие с гибелью танка, вновь поверили в свои силы и усилили натиск. Почти все машины уже дымились. Отпор со стороны солдат ослаб. Прапорщик пробежал, прополз вдоль колонны, собирая солдат, оставшихся в живых, расставляя на новые места, показывая каждому свой сектор обстрела, ободряя Витька слышал, как радист, захлебываясь, орал, передавал просьбу поддержать вертушками:

- Ведь задолбят же, задолбят..!

Волна от ужасного взрыва подбросила Витьку, перевернула набок УРАЛ. Санитарный ГАЗ-66 подпрыгнул, как мячик, но все же стал на колеса. Взорванный своими же боеприпасами танк пылал ярким костром. Сквозь рваное "окно" в броне выхлестнулись языки жаркого пламени.

Витька вскочил с земли, бросив автомат, и побежал к санитарной машине. Горячий металл двери обжег руки, но

Витька, не обращая на это внимания, рванул ее на себя, вскочил на место водителя и бросил машину вперед на спасительную дорогу. Он жал и жал на педаль газа, пригибаясь к рулю от рвавших кабину пуль, угадывая не глазами, а чутьем, куда крутануть руль, потом свернул за крутой поворот, ощутив телом, руками, что сбил кого-то и, переехав колесами сбитого душмана, поехал по пустынной серой дороге. Ехал долго, до самого рассвета, до последней капли бензина в баке. Когда машина стала, выскочил из кабины и пошел навстречу поднимающемуся из-за вышек складов ГСМ солнцу. Эти вышки хорошо были знакомы Витьке, почти полгода стоял на них в охранении, пока не пришло его время сесть за руль.

Шел Витька прямо, глубоко в карманы бушлата засунув руки, зажав в кулаке кусочек отполированного временем дерева. Шел к своим. В голове стоял звон, грохот, шум боя, а сердце радостно сжималось - жив я, ЖИВ!

У командира Витька докладывал особистам, что колонна погибла, в живых один он остался, да в кунге брошенной на дороге машины лежит тело погибшего лейтенанта - начальника колонны.

Отпустили Витьку помыться, поесть, отдохнуть. Вышел он на воздух, закурил, поверил ведь сам в то, что наговорил сейчас. Да и как же можно было выжить в том аду? Нет, все он верно сказал, что уж теперь! Совсем собрался идти солдат, да услышал через тонкие стенки командирской палатки хрип и свист рации, и пробивающийся надорванный голос:

-...Ждем вертушки, колонны больше нет... Нас здесь семеро... Нападение отбили... Уйти не на чем, гад один ушел на последней машине!

- Ну и сука, - промелькнуло в голове у Витьки, - Товарищей бросил! - и тут же он чуть не упал оглушенный, ошпаренный, раздавленной одной только мыслью это его колонна хрипит и просит помощи. Это его товарищей добивают духи, а гад, который ушел, это и есть он сам, а докладывает по рации прапорщик Воронин.

Незрячий от страха, отупевший от неожиданности, на мягких подгибающихся ногах пошел Витька в ротную палатку, уже понимая, что натворил и что будет дальше, ожидая, как выстрела, окрика в спину. Не было окрика. Деловито, равнодушно его арестовал дежурный по полку офицер, и два недавних товарища из соседнего взвода отвели его на гауптвахту. Ничем не выразили ни презрения, ни ненависти. Военный суд рассудит. Даже обыскали небрежно.

"Трус - предатель, трус - предатель", - пульсировало в мозгу и

во всем теле арестованного Витьки Смирнова. От этого, да еще от жгучего ощущения, что жизнь его такой ценой была спасена, стонал, плакал, метался Витька.

- Прощения просить! - подсказало сознание детсадовскую да и школьную выручалочку.

- У кого? - рассудил взрослый опыт. - У погибших? Погибающих ребят? У тех, с которыми так горячо спорил о предательстве, по-комсомольски, по-комсорговскому, не оставляя ни единого шанса на прощение?

Заскрипел зубами, сжал кулаки до побелевших пальцев и ощутил боль в правой ладони. Разжал кулак и увидел ладанку-оберег, которую при обыске не заметили.

- У Бога! Помощи и прощения! - развернул кожаный ремешок, вгляделся в изображение: - Нет, почти ничего не видно. Хотя - вот лицо. Нет, это не лицо. Это глаза - суровые, осуждающие. Чьи? Господа? Совести? Прапорщика Воронина, отбившего Витьку у накурившихся анаши "стариков"? Может быть, это его глаза?.. А может, Витькиного соседа через койку, соседа по казарме Илюхи Дюжева, бывшего в той проклятой колонне и, может быть, еще живого?

- А ведь если бы я не сбежал, точно бы живы были хотя бы семеро, огненным стержнем пронзило Витьку. - нет мне пощады! И огонь этот, пройдя через макушку, мозг, сердце, ноги, уйдя в песчаный пол "губы", как-то сразу все сжег, успокоил, оставил только черный пепел внутри...

* * *

- Вашу мать! - бесновался подполковник Макушев. - Кто обыск производил?

- Виноват! Виноват! - растерянно повторял дежурный по полку майор Ковров, время от времени скашивая глаза на стол, на котором лежал образок-ладанка. Сыромятный кожаный шнур в одном месте был разрезан, потому что его никак не могли снять с распухшей шеи удавившегося на нем Витьки Смирнова.

Глава 4. Станичники

-...дружескому афганскому народу, исполняя свой интернациональный долг. И хотя силы, оппозиционные законному правительству Демократической Республики Афганистан, во главе с...

Санька крутнул кремальеру приемнику с московской волны и выключил рацию. Четвертый день долбали их то ли оппозиционные законному правительству силы, то ли дружественный афганский народ.

Это только поначалу казалось, что отправили Саньку

исполнять интернациональный долг. Думалось ему, что встречать его будут хлебом-солью, бананами-апельсинами и чем-то еще экзотическим, что там у них еще есть в непонятной афганской земле, аксакалами-саксаулами, что ли? И мнилось ему, что нести он, Санька, будет не боевую с атаками, стрельбой и смертью службу, а мирную, охранную у какого-нибудь объекта. А так как станичник Санька вообще представления не имел ни о земле Афганистана, ни о пустыне, ни о барханах, ни о кишлаках-дувалах, то чудился ему обычный полевой стан в степи, и в сладких грезах мальчишки-девственника подходила к нему - герою - на пост вечером афганская девчонка, приносила парного молока с краюхой свежего белого хлеба. Только вот черт его знает, есть ли коровы-то хоть у них?! При этом афганочка обязательно смотрела на Саньку громадными темными глазами с восхищением и любовью. А лицом она почему-то была похожа как две капли воды на Ирину - дочь председателя колхоза, смуглую, стройную красавицу. И дальше в грезах Саньки шла такая сладкая чушь, что он сам себя обрывал и оглядывался, краснея, не слыхал ли кто, как губами чмокнул Санька вслух.

Афган обрушился на него в первый же день пребывания на этой адской земле, круша, коверкая, калеча. выворачивая наизнанку все Санькины пять чувств и все его идиотские выдумки. Как рай отличается от ада, черное от белого, ИКАРУС от барбухайки, так же отличалась действительность от его выдумок.

Сашка вздохнул, щелкнул тумблером рации и прислушался к тому, как снаружи палатки поднимается ветер-афганец, песчинками бьющий в брезентовый бок, больше похожий на песчаную бурю, чем на ветер. Ах, как ненавидел его Санька! Этот ветер будил в нем тоску по дому - самую острую и болезненную для солдата.

В такие дни Санька пел казачьи песни, которых много на его родной донской земле поют целыми станицами, которые с детства знает любой пацан станичный. Эти песни, то лихие с присвистом, удалью и притопом, то тихие и грустные пели по вечерам и в Санькиной станице, и доносились из соседней, с противоположного берега Дона. И, казалось, сама душа этой земли выводит красивым многоголосьем нежно-нежно и величаво:

Ох, уж ты, батюшка наш,
Дон Иванович.
Ой, да православный ты, наш Дон,
Да, Дон,
Дон Иванович...

Тихо, не в полный голос - чтобы не растерять нежности, Санька поет эту песню, когда совсем невмочь от шелеста и песчинок, и свирепого воя бури. Кажется ему, Саньке, что неторопливая, величальная песня плавно, как воды Дона, проплывает над пыльно-каменистым Афганистаном, над чахлой, выжженной землей...

Сам Санька не радист, а механик из мехбата, один из тех, кто во время следования колонны автомобилей по дружественной территории помогает поставить машину на колеса, если она случайно попадет на мину или будет также случайно обстреляна. Правда, редко удавалось восстановить машину - не птица Феникс она, из пепла не восстанет.

Дружок - ростовчанин Юрка позволял иногда повертеть ручку настройки приемника - может повезет поймать ростовскую волну. Удача, конечно, редкостная, но возможная, потому что приемник в полку мощный. Да и не всегда это можно было. Война! Рация должна постоянно быть занята военной работой. Поэтому Санька забегал еще и попеть хотя бы немного, потихоньку, хоть так коснуться земли родной - душой.

Санька поет, а Юрка тихонько подтягивает так, как пели их предки - донские казаки, мыслями, сердцем переносясь в родные станицы, родившие их, воспитавшие бесстрашными, ловкими, привившие им любовь к хлебным привольным степям, разнотравью, лошадям, к вольному гордому краю.

Тосковал Санька редко. Обычно, в ротной палатке, на отдыхе брал в руки гитару и пел на потребу публики разные песни веселые, шутливые, даже и похабные приблатненные, прославляющие удаль и ухарство ростовских жиганов откровенно тюремный фольклор. Но когда не было долго писем из дома, когда погибал дружок из автобата или когда поднимался сволочной "афганец", тогда Санька акапелло, то есть без гитары, пел эту свою песню родной земли.

Ой, да растерял наш Дон
Сыновей своих,
Ой, да, растерял, да, ты,
наш Дон,
Да, Дон,
Ясных соколов своих...

Выводил, закрыв глаза, чисто и ясно Санька, и все притихали, понимая, что у него тоска, и, уважая это чувство, слушали. Слушали краснодарец Сашка Куц, ставрополец Димка Соколов, даже хитрый верткий узбек Марат Касымжанов, никогда не унывающий, веселый, и тот притихал, слушал, думал о чем-то своем.

Только один циничный, туповатый, здоровенный Ефим Качин, успевший, по его словам, оттянуть небольшой срок за "хулиганку", не имеющий за душой ничего святого, шипел недовольно:

- Во, блин, развылся! - и, считаясь с волей большинства, выходил из палатки:

- Цыплак! Слюни распустил. Казак сраный. К мамке на колени захотел. Здеся тебе не тама. Здеся тебе Афган, мать твою...

Но когда Санька брал гитару, он был тут как тут. Гоготал и краснел широкой рожей от удовольствия, начинал кому-нибудь рассказывать о своих доармейских похождениях в Донецке, откуда был родом. Поэтому Санька, чувствуя тоску, перестал петь казачьи песни в палатке, а уходил к Юрке, братке, земеле ростовскому. Война быстро знакомит, а тут еще и дух землячества...

- Сань, спой еще, - просил Юрка. - Вот эту, знаешь?

- Не, у нас такую не поют.

- Вот вернемся домой, сначала ко мне поедем. С родителями познакомлю, стол накроем, попоем, заодно и эту выучишь.

- А потом, через Дон, ко мне, - подхватил Санька. - У меня бати нет, только мамка. Но стол тоже накроем, песню споем, на конях поскачем. Эх... А дай-ка, братка, закурить, ох и заломило меня по дому!

Оба затягивались и мечтали:

- В Дону купнемся, а, Юрок, наперегонки, да?!

- Да...

Давно уже обменялись адресами и домой написали:

- Вот, братка у меня появился, приеду, познакомлю...

Ходили упорные слухи о готовящемся выводе войск из Афганистана, и "духи", почувствовав какую-то слабину в позиции советского правительства и поддержку мирового сообщества, стали более дерзкими, совершали глубокие рейды в расположения гарнизонов контингента, выживая, выбивая, вытесняя, вырезая шурави, гоня их со своей земли. Бей неверных!

Санька вздохнул:

- Ну что, Юрок, давай еще по одной закурим, а то я свои в роте оставил.

Юрка потянулся, достал из кармана пачку, поковырялся в ней и сокрушенно покачал головой:

- Сань, нету, кончились. Может, в роту сгоняешь?

Пригибаясь, придерживая на голове панаму, чтобы не унесло, Санька сбегал быстро. Возвращаясь с сигаретами, шел на ветер, закрывал от песчинок лицо локтем и не увидел, что дверь

радиоузла висит на одной петле...

Первым их увидел дежурный офицер, зашедший в кунг радиосвязи примерно через полчаса. Юрка лежал головой на панели радиостанции. Впечатление было, что задремал он, слушая музыку из наушников, если бы не глубокая рана под левой лопаткой, да кровь из перерезанного горла не заливала все вокруг. На полу лежал Санька лицом вниз, своей кровью смешавшись с Юркиной, став кровным братом Юрки после смерти, так и не донеся братке своему выпавшую из руки, раздавленную душманской ногой пачку "Памира".

Взяли у матери на службу веселого казачонка, песенника, конника, ловкого смелого парнишку. Вернули матери ледяной бездушный цинковый "Груз-200". Когда на свежей могиле расправили ленты венков, уложили цветы, с другого берега Дона до убитой горем матери донес ветер, а может Санькина душа тихим шелестом тронула тишину наступившую:

- Ой, да, растерял, да, ты, наш Дон...

Ясных соколов своих...

На место погибших Юрки и Саньки пополнением прибыли молодые и, вскоре освоившись, один из них, занявший Санькино место, с вывертом, ловко подхватил его гитару и, дернув струны, немузыкально заорал:

- Ой, за-гу-за-гу-загулял, загулял

Мальчонка, да парень молодой, молодой...

Тинькнув, закачалась золотой спиралью струна, оборванная тяжелой рукой Ефима Качина, который не прошептал даже, а выдохнул:

- Чтобы я, падло, не видел тебя и не слышал больше, а гитару лапнешь еще раз - удавлю. Понял?!

- Понял, - пролепетал молодой солдат, испуганно глядя на катящиеся по широкому красному лицу Ефима слезы.

В наступившей пронзительной тишине стало слышно, как снаружи бил песчинками в брезент неутомимый ветер-афганец, больше похожий на песчаную бурю, чем на ветер, наводящий тоску по дому, самую острую и болезненную для солдата.

Глава 5. Черепашка

- Ха-ха-ха! - заливались, хлопая друг друга по спинам, как запорожцы, пишущие письмо султану, солдаты старослужащие. Утирали слезы, набегавшие на глаза от неудержимого хохота, и подбадривали Пашку:

- Ну-ну! Висишь ты!..

- Так заметьте, на руках вишу! Ногами уперся, задницу отставил. За балконом. Голый, как Адам... Сейчас, думаю,

сорвусь! В это время ее муж к окну подошел, и в это же время этажом ниже женщина на балкон вышла на звезды посмотреть. Глянула вверх, а там... не звезды над ней висят, а...

- Обожди! - синели от смеха пацаны, валясь друг на друга. - Обожди, дай отсмеяться!

Пашка был незаменимым хохмачем во всем полку. Послушать его истории о "рейдах" по женщинам, собирались многие уставшие от грязи, боли и войны люди. Пашка был в глазах благодарных слушателей героем, не знающим отказа, имеющим оглушительный успех у женщин, гусаром, искателем приключений, попадающим в смешные ситуации и с честью и ловкостью из них выходящий.

В его неотразимости и первенстве не сомневались, как и в этой истории, когда, убегая от мужа одной женщины, он попал в объятия другой.

Смеялись там, где смешно, притихали, когда рассказ шел об интимном, и, конечно, эти байки были великолепной разрядкой для человеческой психики. Смеялись от души, истерически всхлипывая, басили и взвизгивали сорванными голосовыми связками, катались в пыли, не в силах удержаться вертикально, утыкались коротко стриженными головами друг в друга и хохотали, хохотали, хохотали, превращаясь в эти редкие минуты в простых мальчишек, каких полно в каждом дворе и городах их детства, и забывали мальчишки в эти моменты о пройденных тропах войны и о тех дорогах, что далеко не каждому дано будет пройти до конца в Афганистане. Смеялись до колик в боку и, наверное, полопались бы совершенно. А скорее всего не поверили бы, если бы Пашка признался, что на самом-то деле у него была одна-единственная девчонка. Да и то едва-едва целованная.

В городишке, где до армии жил Пашка, каток заливали каждую зиму. Девчонки и мальчишки, парни и девушки, степенные взрослые, сменяя друг друга, весело звенели металлом с утра до вечера. Таким удовольствием, радостью веяло от катающихся, что Пашка, уже будучи студентом техникума, пересилил стыдливость и во что бы то ни стало решил как можно быстрее научиться кататься на коньках. Прежде, пока был жив отец, Пашка вместе с ним сколько-то раз поковылял по льду, но толком кататься не научился. А теперь - зависть взяла. Музыка, огоньки разноцветные, люди красивые. Сказка зимняя! Дух захватывает!

- Да что я, хуже других, что ли! - стиснул зубы Пашка. - Научусь!

На разъезжающихся ногах выбрался на лед и, конечно, со всего маху плашмя упал. Раз, другой, третий. Устав от падений и

ушибов, добрался до ближайшей лавочки и только когда с облегчением шлепнулся на нее, увидел, что рядом с ним, уткнув лицо в белые пушистые варежки. о чем-то плачет девушка.

Нет, страшного ничего, просто больно ударилась, но вот и повод ее, прихрамывающую, до дома проводить. Настя жила у тетки во время учебы. Училась (вот чудо!) в том же техникуме, только не на механическом отделении, где учился Пашка, а на технологическом и курсом младше. Поэтому и не видел Настю Пашка в техникуме, у каждого отделения были свои учебные помещения. Проводил Пашка девушку и ушел домой взволнованный, смущенный, влюбленный.

Встречались до весны. Катались на коньках, ходили в кино, бродили по улицам, вложив ладонь в ладонь, целовались. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы однажды вечером Пашка не обнаружил в почтовом ящике квадратик суровой на ощупь серо-белой бумаги. ПОВЕСТКА кратко, по-военному, гласила, что необходимо явиться такого-то числа, в такой-то кабинет в городской военный комиссариат по вопросу призыва на срочную службу в ряды Советской Армии. Видимо праздничные дни помещали доставить повестку раньше и осталось Пашке на все про все 3 дня.

Изумленно-растерянные глаза Насти: "Тебе... завтра... как же так?"

Слезы матери: "Сынок, да как же я без тебя?!..".

Вот так!

Совершенно неожиданно служить понравилось. Курс молодого бойца проходили в непосредственной близости от границы Афганистана в летном полку в поселке Кокайты, расположенном в пустыне. Покорила экзотика, звучность непривычных названий населенных пунктов Термез, Кушка, Самарканд, расположенных, по расчету Пашки, неподалеку от кишлака и гарнизона. Поразили обилие и дешевизна базаров. Огромные мясистые помидоры, сладчайшие арбузы, дыни, виноград, гранаты - все это было в сказочном, неправдашнем изобилии на местном базарчике и служило прекрасным дополнительным пайком. За свои, правда, деньги, но после солдатской столовой, грязной и неухоженной, с невыносимо гадкой жратвой, этот доппаек был отличным утешением солдата. Были проблемы и посложнее. Старослужащие, "деды", откровенно по-хамски относились к молодым солдатам, грабили, избивали, издевались. Пашка после потасовок с ними размышлял, отчего люди здесь, в армии, такие злые. И внезапно понял, что они от чувства собственной неполноценности лютуют. После КМБ всех отправляют туда, за речку, в чужую воюющую страну и, значит,

оказывают особое доверие, как избранным, а они - остаются, вроде как брак! Найдя такое объяснение, легче стало у Пашки на душе. Даже почувствовал превосходство над "дембелями", скоро уходящими домой, над черпаками, которым еще год трубить здесь, в этом загаженном предвоенном гарнизоне, над стариками, впереди у которых полгода службы на пересылке.

С другой стороны от солдатских казарм белели двухэтажные дома офицерских семей, ДОСы, из которых по вечерам и ночам доносились музыка, пьяные голоса, шум драки, а то и стрельба, когда какой-нибудь запыленный офицер внезапно прилетал с той стороны границы по каким-то военным делам и заставал свою благоверную в не совсем приличной позе и не совсем одну. А бывало, что и совсем не одну и в позе совсем неприличной.

То, что гарнизон приграничный, подтверждали патрули, которые выходили на дежурство вооруженные автоматами и гранатами. На аэродроме, где приходилось работать салагам, таким как Пашка, то и дело взмывали вверх или тяжело плюхались на взлетку самолеты. Приходилось грузить Илы и АНы тяжеленными ящиками с автоматами, патронами, снарядами, бомбами. Разгружали серые самолеты с подпалинами по бокам, какие-то безрадостные, поблекшие, не имеющие привычного авиационного блеска и лоска. Носили солдаты из глубин летающих громадин неподъемные длинные ящики, перетаскивая их вшестером, а то и по восемь человек. Долго не могли понять, что значат таинственные слова летчиков, спускающихся устало на бетон аэродрома:

- Груз 200. "Черный тюльпан"!

Ребята поняли, что это такое, когда уронили один ящик. Доски с одного края разошлись, обнажив цинковый угол. Гробы. Цинковые гробы! Последняя посылка домой!

В груди похолодело. Пашка навсегда запомнил тревожное, долго не покидающее чувство бессилия перед судьбой. И чтобы победить, не поддаться, может быть, даже перехитрить ее, Пашка отыскал в себе дар хохмача и балагура. Позже, уже в Афгане, этот дар развился, даря облегчение не только Пашке, но и всем желающим.

Первую историю, придуманную от начала до конца, Пашка рассказал дня через два подавленным от сознания скорого отправления в Афганистан солдатам из учебной роты. Рассказ получился удачный, повеселевшие бойцы хохотали, смаковали подробности, успокаивались, мечтая совершить подобные подвиги на еще пока далекой гражданке.

Пашка ловил себя на мысли, что подчас и сам начинает верить в свои россказни.

Поддерживать репутацию легкого и веселого человека уже в Афганистане помогала... черепашка. Обычная песчаная черепашка, которых много в пустыне.

Приказ был - сбить со скал, стоящих у входа в ущелье, духов. Скалы торчали, как гнилые обломанные зубы, прикрывающие смрадный рот. Моджахеды установили с обоих сторон по миномету и пулемету и безнаказанно гробили взвод за взводом. Вертушки беспомощно кружились над местом засады. Толстые стены горного монолита только взвизгивали насмешливым хохотом отбитой взрывом щебенки, не пускали вглубь пещер, оберегали от смерти бородатых сынов Аллаха.

Взводом то бежали, то ползли вверх, скатываясь неуклюже по каменистой осыпи сапогами, впиваясь пальцами в серые складки гранита. Медленно, но все же приближались с обратной стороны к засевшим в укрытии душманам. При этом все время помнили, что их маневр прикрывают своими жизнями парни их роты, и неизвестно, сколько их и кто именно еще живы.

Духи почуяли что-то неладное, и на вершине скалы мелькнули одинокие чалмастые головы. Увидели. Открыли огонь. Солдаты старались укрыться. Вжимались в морщины склона, все же продвигаясь к засаде.

Пашка юркнул за камень в тот момент, когда посланная в него пуля жутко хрипнула над головой и с воем унеслась в пустыню. Тут же высунул голову и поймал в прорезь прицельной планки голову духа, который уже выискивал другую цель. Пашка, удерживая рвущееся от усталости сердце, плавно нажал на курок автомата. Так стреляют одиночными выстрелами, но никак не очередями. Вспорхнули дрогнувшей струйкой кусочки свинца. Ударили в выметнувшееся тело душмана, шмякнули его о стену и плавно сбросили вниз.

Пашка метнулся вперед, за остальными ребятами, прячась от усилившегося обстрела. Когда удалось сделать удачную перебежку, укрылся за пригорком. Уронил, меняя, рожок в раскаленном автомате и, потянувшись за ним, вдруг увидел черепашку. Она, скользя и съезжая по склону рядом с Пашкой, царапая беззащитными лапками осыпь, настолько комично была похожа на него самого, что он бессознательно схватил ее и сунул за пазуху, под бронежилет, тут же начисто о ней забыв. В аду боя до черепахи ли?

Одним из первых Пашка добрался до черного провала пещеры, откуда с грохотом и визгом вылетала смерть в головы шурави. Опережая ненамного лейтенанта Гвоздилина, командира взвода, Пашка сдернул кольцо эргэдэшки и швырнул ее под свод пещеры. Гукнул взрыв, вырывая из укрытия рев и вонючую пыль.

Пашка с лейтенантом змеями скользнули вниз, поливая ядом автоматов все пространство пещерки... С их стороны ущелья наступила тишина...

Вскоре затихло и с другой стороны. Колонна натужно ревущих автомобилей, выдыхая соляркой, облегченно втягивалась в ущелье.

Потом, уже на ночевке, Пашка сам обалдел, увидев, как из-под снятого пропотевшего бронежилета на расстеленную для сна шинель вывалилась невзрачная его боевая подруга. Со смехом он подхватил ее на руки и, обыгрывая свою забывчивость, рассказал ребятам, как они встретились.

Позже он понял, чем еще понравилось ему животное. Черепашка разъезжалась лапками так же уморительно, как он сам на давнишнем катке. И накатила тоска, стискивая сердце, наполняя его любовью к маме и Настеньке.

Проведенную боевую операцию командование оценило высоко. Пашка и взводный Гвоздилин получили по ордену Красной Звезды, остальные ребята, кто медаль за БЗ, кто "За Отвагу". Нашли возможность "обмыть" награды. А когда уже крепко подпили, Пашку осенило:

- Мужики, а мы ведь с подружкой на двоих орден-то получили!

Под общий хохот Пашка достал черепашку из патронного цинка, устеленного по дну горной травой и песком. Нашелся кусок синей изоленты, которой приматывались друг к другу пара, а то и три сразу автоматных рожка, для более быстрой их смены в бою. На спинку черепахи под громкие аплодисменты солдат прикрепил изолентой Пашка свой тускло-красный новенький орден. Старший сержант Солодовников Димка, дурачась, подскочил с кружкой спирта в руке, вытянулся по стойке смирно и, чеканя слова, торжественно начал:

- От имени Правительства СССР, за боевые заслуги... - потом сбился. Стоп! А как героя-то зовут?!

Пашка, не задумываясь, выпалил самое дорогое для него имя:

- Настенька! - и густо покраснел.

- Э-э-э, брат, - притихли все. - Это еще кто?

В первый раз сбился и что-то забормотал Пашка. Путаясь, рассказал какую-то историю, но не складно и не смешно, как обычно. Оборвал себя, прикинувшись чрезмерно выпившим, и вышел из ротной палатки. Ребята деликатно промолчали, "доставать" расспросами не стали, забренчали на рассохшейся гитаре, и до отбоя черепашка, получившая награду и имя, забавляла всех, ползая по жести стола, мокрой от пролитого спирта, потешно оскальзываясь на гладком железе и гордо

вскидывая голову.

Полюбил Пашка черепашку Настеньку, как можно полюбить только на войне. Да и остальные баловали ее, как могли. В армии рады любому, даже самому незатейливому развлечению. Когда тоска присасывалась черным мохнатым пауком к самому сердцу, Пашка доставал черепашку, ставил ее на "лед" стола "покататься на катке". Черепаха скользила мягкими коготками, вызывая новые сравнения, шутки, одобрения со стороны товарищей. Ласковели сердца, мягче становились души, светлели лица. Пашкино имя так соблазнительно рифмовалось со словом "черепашка", что иначе как Пашка-черепашка теперь его никто не называл. Ему это нравилось, потому что черепаха носила имя его Настеньки, и это сближало его с далекой девушкой. Да и такое обращение к нему уж гораздо лучше, чем "ишак", как к нелюдимому могучему башкиру Хусаинову или "чурбан", как до сих пор плохо понимающему и говорящему по-русски татарину Кабиру Райимжанову.

- Ну почему "чурбан"?! - возмущался непонятной злобностью солдат Пашка. Ведь хороший же парень Кабир! Вы бы по-татарски как говорили?

Даже раз подрался из-за этого с поваром из офицерской столовой. Кабир так высоко оценил внимание популярного Пашки, что, стараясь отплатить ему взаимностью, усердно ухаживал за черепашкой, за что и было ему одному разрешено выпускать животное на стол в отсутствие хозяина.

Кабир любовался черепашкой и, цокая языком, приговаривал:

- Якши, очень карашо! - и еще что-то говорил он на своем языке ласковое и непонятное.

Оставаясь дежурным, Кабир, выполнив обязательную работу, дожидался возвращения роты, выискивал среди всех Пашку, брал его за руку и, коверкая русские слова, рассказывал о том, что с Настенькой все в порядке, показывал на нее чистенькую, сидящую на столе. Ох, как хорошо и легко становилось на душе у Пашки, когда он, положив ладонь одной руки на теплый панцирь черепахи, другой рукой придерживал листы писем мамы и Насти. А потом писал длинные ответные письма. Туда, в мир и покой.

...Моджахед был немолодым, но крепким. По его оголенному до пояса, волосатому телу перекатывались тугие волны мышц. Пашка стоял против него, чуть расставив ноги и напряженно следил за малейшим движением. Так вратарь перед штрафным ударом чутко ловит движение бьющего по мячу. Но там - игра. А здесь... Оба в руках держали по ножу. У душмана чуть искривленное лезвие кинжала было опущено вниз.

- Это чтобы вспороть меня как овцу, - промелькнуло в

Пашкиной голове, этак вот - сверху донизу.

В руке Пашка сжимал автоматный штык-нож, гораздо короче, чем у духа, и, мало пригодный для рукопашного боя.

Случилось так, что Пашка нос к носу столкнулся с этим душманом, когда и у того и у другого патронов уже не оставалось, и после секундного замешательства оба схватились за ножи.

У душмана было преимущество - он успел полоснуть Пашку по левому боку, настолько сильно, что Пашка почувствовал, как лезвие скользнуло по ребрам. В ответ Пашка машинально выбросил руку вперед, но всего лишь зацепил тупым лезвием штык-ножа запястье душмана, и только слегка оцарапал его. Пашка чувствовал, что дела его плохи, что если не будет помощи, дух исполосует его на ремни. Левый бок наполнился кровью и болью, но в горячке Пашка переставал чувствовать его. С разбухшей разрезанной гимнастерки часто капала кровь, густо напитывая пыль у дувала захваченного кишлака. Рота продолжала бой где-то у окраин, было понятно, что рассчитывать на скорую помощь нельзя. Внезапно Пашку качнуло к теплой глиняной стене дувала, и он невольно прикрыл глаза от накатившей тошноты. Это решило исход боя. Дух гюрзой прыгнул вперед, собираясь одним взмахом перерезать горло шурави, по-видимому, теряющего сознание. Но, когда молния кинжала почти ударила русского солдата, Пашка резко присел, выдохнув от жалящей в мозг боли, и всадил по самую пластмассовую рукоятку штык в напряженное солнечное сплетение духа. Моджахед согнулся в дугу, захрипел, выгнулся в обратную сторону, гортанно прокричал невнятное: "А-а-лля...". Тело духа резко согнулось вперед, и, не выпуская из руки кинжала, душман рухнул к ногам обессилевшего шурави, перевернувшись на бок, широко открывая рот, пытаясь вдохнуть глубже. Пашка осторожно присел на корточки, ощупывая свою рану. Душман лежал в пыли, повернув голову в сторону своего врага, и Пашке казалось, что он продолжает следить за ним приоткрытым пыльно-черным глазом. Пашка наклонился над побежденным, чтобы убедиться в его смерти, но тут же отпрянул назад, хрипя и булькая перерезанными острым кинжалом артериями и гортанью. Дух уронил теперь уже омертвевшую руку с ножом, что-то облегченно прошептав.

Пашка лежал на земле, пытался слабо оттолкнуться от нее спиной, чуть подергиваясь в такт пульсирующим волнам жизни, выходящим из глубокого разреза на горле. При этом он почему-то старался не выгибаться всем телом и не выворачивать ноги. Глупо, но в последние мгновения жизни яркой картинкой

представило сознание, как они с Настенькой ездили однажды в деревню к ее родителям и попали как раз в тот день, когда ее отец резал кабана. Пашку неприятно поразило тогда, как кабан, булькая кровью, сучил ногами, пытался вскочить, но быстро слабеющие мышцы отказывались служить ему... Картинка потускнела и, теряя яркость со скоростью вытекающей крови, угасла. Широко раскрытые глаза невидяще уперлись в выгоревшее небо, легкие послали последнюю каплю кислорода останавливающемуся сердцу...

Кабир дежурил на кухне, когда изрядно поредевшая рота вернулась с операции, и встретить Пашку не мог. Вернувшись из наряда, входя в палатку, Кабир почувствовал неладное. Он вглядывался каждому в лицо и тревожно спрашивал:

- Чырыпашка? Чырыпашка?? - догадываясь, что нет уже больше Пашки, но при этом отказываясь верить в это, продолжая все тише спрашивать у солдат Чырыпашка?!.

Хмуро отводили глаза ребята, не хотелось отвечать растерянному маленькому татарчонку. Убили Пашку.

Поняв невозвратность случившегося, громко закричал Кабир, вспоминая Аллаха, шайтана, Пашку. Проходивший мимо повар, привлеченный вскрикиваниями Кабира, просунул голову в палатку.

- Чо разорался, чурка? Вон твоя черепаха! - и ткнул сытым пальцем в сторону обитого жестью стола, на котором, как на льду Пашкиного катка, трогательно скользила лапками одна-единственная из многих живущих в пустынях Афганистана черепашка Настенька.

Глава 6. "Бурундучок"

Военный гарнизон советских войск в Газни располагался в удивительном месте. Хотя то, что вокруг него находились старинные, как из арабских сказок, глинобитные крепости, в которых дислоцировались воинские части "зеленых", уже не удивляло советских солдат, а вызывало раздражение. До самого города, построенного в древнейшие времена на высокогорье, вела отличная бетонная дорога. С вертолетных площадок хорошо просматривались домишки пригорода. Сам гарнизон был окружен колючей проволочной спиралью, что должно было служить защитой от проникновения врага. Человек, попадающий в кольца этой штуки, оказывался в колючем капкане и выбраться из него мог только при помощи других, разрезавших кусачками слой за слоем опутавшую страдальца проволоку. Если пойманный пытался выпутаться сам, то любое его движение вызывало еще больший натиск ловушки, и острые заржавленные шипы бездушно впивались и рвали тело. Но, увы, это не служило непреодолимой преградой. "Духи", то и дело "таскали" с территории гарнизона солдат и подбрасывали в мешках отсеченные головы казненных. Поэтому приходилось быть предельно осторожными даже у себя "дома", в темное время суток и особенно при переходе в туалеты, построенные по понятным причинам в дальнем углу территории. По правую сторону от гарнизона на небольшой площадке прилепилась бензозаправка. Целый день к ней подъезжали барбухайки, чудовищные подобия мотороллеров с невероятно огромными будками, накачивались топливом и разъезжались, кто в город, кто в сторону далекого Кабула. Руслан частенько сидел в тени, прислонившись спиной к прохладной бетонной стене блока, наблюдая за экзотической жизнью заправки. Двое босоногих пацанят в расшитых тюбетейках с трудом двигали коромысло насоса, собирали деньги за бензин и устало валились в пыль, когда не было клиентов. Толстый хозяин заправочной станции всегда сидел на веранде под брезентовым тентом, пил чай, утирал с лица пот, изредка привставал,

прикладывая руку к сердцу, раскланивался со знатными клиентами и покрикивал на мальчишек.

Практически ежедневно духи из пригорода начинали обстреливать гарнизон минометным огнем, но не очень удачно и прицельно, а так, для острастки, пять-шесть раз пальнут - и сматываются. Продолжалось это до тех пор, пока начальник гарнизона, разъярившись, не повернул башни танков, охранявших советскую часть, стволами на пригород и не объявил через Царандой, что, в случае повторения обстрела, разнесет на хрен весь Газни. Так что теперь было относительно спокойно.

Вместо привычных армейских палаток или фанерных модулей солдаты жили в когда-то шикарном гостинице-блоке, построенном давным-давно англичанами. По оставшимся не разворованным медным ручкам, украшенным узорами, потемневшим от патины, почему-то не отодранным от толстенных дверей, то, по медным светильникам-плафонам, висящим в полной темноте коридоров, то по загаженным настенным фрескам, можно было судить о былом богатстве здания. Гостиница имела контуры буквы "Ш". Продольная линия этой самой буквы тянулась параллельно дороге, а поперечные были вытянуты в сторону близких гор и кишлака - пригорода Газни. В комнатах блока не было ни одного окна, только в коридорах днем четкими прямоугольниками сквозь длинные и узкие бойницы пробивались на выщербленный бетонный пол светлыми пятнами лучи солнца. Все три крыла занимали солдаты вперемешку с офицерами. По вечерам свет подавали с помощью движка, да то ненадолго, если только не объявлялась "тревога". Тянувшийся вдоль всех коридоров по низким потолкам электропровод со временем обвис, оброс паутиной и кусками изоленты цеплялся за лица проходивших. Прослужившие больше года имели и койки, и матрасы, а вновь прибывших размещали в пустых замусоренных прохладных комнатах, в которых спали вповалку на своих же шинелях или бушлатах. В одном из промежутков поперечин буквы "Ш" стояла полевая кухня, тут же под небом раскорячились старые, рассохшиеся длинные армейские столы, за которыми никто не сидел. Получали в алюминиевый котелок жратву и шли в облюбованные уголки, где спокойно можно было поесть, покурить и вздремнуть на сытый желудок.

Руслан попал в Газнийский гарнизон с пересылки в Шинданде. Там комплектовались новые расчеты для зенитных батарей. Находясь в Шинданде, Руслан постоянно ощущал чувство голода. За весь месяц, что провел на пересылке, ему раза четыре досталось по жалкому двадцатиграммовому кусочку сливочного масла, которое он безумно любил. А тут... На одном

из раздолбанных столов стояла разорванная по сгибам картонная коробка, в которой подтаивал 20-килограммовый брус масла. На положенный по рациону кусок белого хлеба каждый отмахивал штык-ножом столько масла, сколько душа пожелает. Руслан остановился в недоумении около скатерти-самобранки, не смея поверить в чудо, а не то что коснуться его. Повар, поняв его состояние, зло сплюнул сквозь щербатые зубы и подбодрил "чижика":

- Бери-бери, жри, сколько хочешь. Еще шесть коробок есть.

Руслан удивленно уставился на худющего повара.

- Дак холодильников-то не держим, чай не баре, - вновь зло сплюнул повар, - ща слопаем маслице - и до белых мух...

В другом промежутке между крыльями здания стояли армейские скамьи и у самого края крыльев блока торчали два врытых металлических столба. Руслан подумал: "Странное место для волейбольной площадки", но скоро понял, что ошибался в своей догадке. По вечерам на столбы натягивались сшитые между собой простыни, на которые киномеханик проецировал фильмы жутко трещащим киноаппаратом. Собирались, рассаживались на скамейках, да и просто на земле, вечером задолго до начала "киносеанса" почти все, кроме, конечно, тех, кто в это время "тащил службу". Смотрели все подряд, что имелось под рукой у киномеханика, по нескольку раз, до следующего почтового вертолета, с которым привозили и почту, и фильмы. Двухсерийный "12 стульев" все уже знали вдоль и поперек, киномеханик каким-то образом "замылил" коробки с лентой и, когда свежих фильмов не было, крутил "Остапа Бендера".

Скоро Руслан привык к жизни в гарнизоне, перезнакомился со всеми и стал присматриваться, приловчаться, как бы поживиться. Размышлял, как бы заработать. Чтобы не дешевыми побрякушками набить свой вещмешок, когда придет нескорый дембель, а что-нибудь посолиднее приобрести.

Однажды поздним вечером, после очередного просмотра "12 стульев" солдаты с батареи Руслана сидели кружком, курили и травили байки.

- Как продали? - непонимающе хлопал ресницами уже успокивающийся Руслан. Танк продали? Да брешете!

- Тьфу! И не в первый раз!

- И за сколько же?

- Та! За пару кувшинов кишмишевки на экипаж. На большее танк не потянет, совершенно спокойно рассказывал танкист - гость батареи.

- Да ну-у-у, - недоверчиво протянул Руслан. - Вас за это расстреляли бы!

- Балда! За что же стрелять-то? Танк - вон он, - танкист ткнул пальцем в темноту, где и правда стояла его машина. - Продавать уметь надо. А тебя Перчик просто надурил. Тут такое продают! А ты, считай, свои деньги просто ему подарил. Сколько? Сто, двести афошек? Ну ладно, не огорчайся, слушай.

И, кое-как успокоившемуся Руслану рассказали, как проделывается несложная и веселая операция с продажей танка.

Танк, подогнанный задом к дувалу, предлагают хозяину как вещь абсолютно необходимую в хозяйстве, с самыми радужными перспективами на развитие этого самого хозяйства. Вспахать там, или, опять же, бельишко на стволе просушить, а то и от дождя или снега укрыться, там же и печка есть. Солдаты получают требуемый натуральный обмен в виде кишмишевки - отвратительного самогона, либо барана, либо то, чем может поступиться хозяин за диковинную покупку. Затем испрашивается разрешение нового хозяина на последнюю ночь в танке, не на улице же ночевать. Афганец любовно примыкает покупку крепкой, чтобы не украли, цепью к глиняной стене дувала и крепко спит, видя во сне те самые радужные перспективы. В это время баран съедается, самогон выпивается, анаша выкуривается. Под утро боевая машина, взревев и взметнув тучи пыли, увозит еще хмельных и сытых танкистов вместе с куском дувала и бренчащей новенькой цепью, давно хранимой хозяином для особого случая. Ищи-свищи...

- Так-то танк! А ты, дурья голова, чего испугался?! Ладно, впредь умнее будешь! Таких как ты Перчик уже человек двести надурил, - танкист хлопнул задумавшегося Руслана по плечу.

Перчик - начальник интендантской службы части - прапорщик. Вообще-то его звали Василий Игнатьевич. Фамилия у него смешная - Перец. И похож он был на перец. Только не на стручковый, а на болгарский, сладкий. Толстенький хохол, на коротких ножках, с румянцем на щеках, очень жизнерадостный, он представлялся : "Прапорщик ПЭРЭЦ". Это он сегодня "нависал" над здоровенным Русланом и говорил страшное, совершенно не вяжущееся с его смешной внешностью:

- Стоять! В глаза смотреть! Отвечать!

Руслану было впору не стоять и отвечать, а провалиться сквозь землю.

- Сколько взял?

- Да вот... - мямлил растерянно Руслан и теребил в руках две засаленные бумажки по сто афгани.

- Да за это... Да тебя... - распалялся праведным гневом воина-интернационалиста Перчик, - на месяц на губу закатать надо. Негодяй!

- Товарищ прапорщик! Фотоаппарат мой. Я...

- Разговорчики! Советский солдат занимается наживой! Сейчас пойдем - я тебя начальнику гарнизона сдам под арест!

- Не надо, товарищ прапорщик! - совершенно сомлел Руслан и просительно-нелепо пробормотал: " Я... я больше не буду, - и чуть не разрыдался совсем по-детски от стыда и страха перед скорой карой за свой поступок, позорящий высокое звание и так далее.

- Не надо! - вроде бы уже остывал Перчик, - а валюту-то куда девать?! вновь добавил грозности прапорщик, с отвращением глядя на деньги, зажатые в потном кулаке солдата.

- Может, себе возьмете, а, товарищ прапорщик? - с робкой надеждой на помилование протянул Руслан.

- Я? Себе?! - Перчик чуть было вновь не взорвался в благородном негодовании. - Да ты... - и вновь смягчился. - Впрочем, ладно. Давай сюда. Пожалею тебя, молодого. Но впредь... Сдам сейчас деньги в кассу полка под отчет. Смотри мне, попадешься еще раз, я тебе... Иди.

- Ну, Перчик! - смеялись солдаты. - Ты ему руки целовать не кинулся? Лопух! Послал бы его подальше, он бы и пошел. Под отчет! Сдохнуть можно! Ничего, мы тебя просветим.

Через месяц просвещенный товарищами Руслан уже спокойно и уверенно продал афганцам свое парадное обмундирование, зимнюю шапку и противогаз. Парадку покупали охотно - полушерстяная одежда, шапку - ясно. А вот на какой ляд афганцам противогаз, так никто и не смог понять до конца войны. Отчитываться за казенные вещи было просто. Парадка в Афгане только и нужна, когда демобилизуешься. Уходишь на дембель - с молодым поделись. Ты ему опыт свой жизненный, он тебе с глубоким уважением парадную форму. Остальное спишут, как утерянное в бою или еще придумай что-нибудь. Тем более, что с Перчиком можно было решить любые интендантские вопросы без занудства, допросов, за небольшую сумму в чеках или афошках. Солдаты им были довольны, он имел от этого свой небольшой доход, и за то прощали его любимый фокус, который он проделывал с неопытными, подлавливая их на торговле с афганцами и до смерти пугая.

Закрывали глаза. Ничего, терпимо. На дембель "упаковаться" Перчик поможет. Если доживешь до дембеля. А повезло, дожил, домой повезешь купленные на вырученные от продажи хорошие импортные вещи. Классные швейцарские часы, шикарный магнитофон, модные джинсы, можно и куртку или плащ из тонкой лайковой кожи. Да мало ли может себе позволить человек с капиталом? Главная задача потом суметь протащить все это

через границу, где пограничники, таможенники, патрули всяческие обобрать норовят. Так вот, чтобы "раскрутиться", да поиметь все это, отчаянные головы продавали все: керосин, бензин, водку, если имелся канал получения, патроны, автоматы, гранаты - все, что в большинстве случаев приводило к печальным последствиям. Арест, суд военного трибунала, дисбат или тюрьма. Веселые надували афганцев, "продавая" танки или батареи парового отопления.

Радиатор, закрепленный в помещении, нагревает обычная горячая вода, поступающая в него по трубам. Откуда это может знать афганец, живущий практически в пустыне? В тех частях, где это можно было, железную "гармошку" наполняли кипятком, закупоривали, и, пока горячая, продавали какому-нибудь бедолаге.

- Смотри! Пробуй! Что, хороша? Забирай, увози. Зимой тепло будет, дрова не нужны. Только смотри, осторожно обращайся!

Если кто-то приходил с жалобой - остыла, ругали:

- Тебя же предупреждали! Вот, взял и сломал!

Меняли и уезжал несчастный, увозя в арбе "шайтан печку".

Шла и другая торговля. Продавали доски от упаковочных снарядных ящиков, брусья от авиационной бомботары и целые ящики. Афганцы с удовольствием брали идеальные первосортные звонкие доски от ящиков из-под НУРСов, ящики из многослойной фанеры из-под другой армейской всячины, куски жести от вертолетных контейнеров.

Вскоре Руслан сам смеялся над своими нелепыми страхами, над новыми неопытными продавцами, которые под грозный окрик Перчика отдавали ему вырученные афошки. Более того, через некоторое время Руслан подружился с прапорщиком и стал помогать ему в некоторых торговых операциях. Однажды Руслан рассказал Перчику, что его так сильно испугало в день знакомства.

Фотоаппарат, который Руслан всучил афганцу, старенький "Вилия-авто", имел одно-единственное достоинство. Встроенный экспонометр. Афганцу так понравилась дергающаяся, как живая, от солнечного света стрелка, что он не увидел невосполнимый недостаток. Объектив фотоаппарата давно уже отломился, и Руслан укрепил его аккуратно пластилином. Во время торга старался не выпускать аппарат из рук. Наконец, когда афганец протянул деньги, Руслан закрыл футляр и отдал камеру. Тут бы скорее исчезнуть, но черт поднес хитрого прапора, который исподтишка следил за торгом.

- Вор у вора дубинку украл, - утирал слезы смеха Перчик. - Ты бы видел себя со стороны! В штаны не наложил? Это тебя Бог

наказал!

Эх, знали бы они, как их обоих вскоре Бог накажет с помощью фотоаппарата!

Подторговывали, и довольно успешно, водкой. В первое время за бутылку можно было получить тысячу афгани. Понемногу Руслан "упаковывался", покупая в кантинах Газни вещи. Выбирал качественные шмотки, торговался с афганцами за каждый афгани, набрал "каламов" - чернильных ручек с золотым пером, парфюмерии мужской и женской, часов и теперь подбирался к трехкассетному монстру "Шарп", сияющему никелем и черным пластиком и стоящему столько, насколько выглядел. Так хотелось домой его привезти! Но дорогой, собака!

Когда Руслан поделился своей мечтой с Перцем, тот предложил:

- Слухай сюда, военный. Я наладил дорожку в соседнюю крепость к "зеленым". Там есть один старший офицер - капитан по-ихнему, так вот он забивал уже вопрос о покупке водки. Предложил поставлять постоянно. Платить будет сразу по восемьсот афошек. Это за оптовые поставки. Но все равно выгодно - пока одну продашь - позеленеешь, а остальные и выжрешь от расстройства, что не продал вторую.

Договорились сегодня же вечером пойти в крепость и взять с собой пробный ящик. Да и что в самом деле сложного? Минут пятнадцать туда, как стемнеет, это с грузом. Полчаса - там, пять минут назад - налегке. Делов-то! Риска - ноль, бабки - пополам! И Руслан "затарился" через своих землячков водкой. Из самой столицы - Кабула привезли.

Пошли, когда уже совсем стемнело. Сумочка - мечта оккупанта. Руслану подумалось, что в нее можно при желании и Перчика упаковать. С красно-синими полосами по бокам, изображением самолетика, надписью "Аэрофлот" и тридцатью бутылками водки внутри.

Прошли через вертолетные площадки, обошли темную громаду танка и через неширокий язык пустыни добрались до ворот крепости. Часовой в воротах обалдело отдал честь входящим в крепость шурави, тем более что они козырнули первыми, в кои-то веки, почти строевым шагом, с тяжелой-то сумкой, промаршировав в ворота. Затем юркнули в прохладу коридора и быстро прошагали к той двери, которую указал прапорщик.

Руслану сразу не понравилось, что кроме покупателя в комнате находился еще один человек. Это еще кто?

Прапорщик показал водку, и офицер, одобрительно поцокав языком, начал отсчитывать деньги. Оба увлеченно следили

глазами за тем, как купюры переходили из руки в руки, а Руслан начал выставлять бутылки на стол. Выставил уже двадцать бутылок, когда его внимание привлек негромкий щелчок. Руслан поднял глаза и обомлел. Прямо на него глядел объектив фотоаппарата. Да что там фотоаппарат! На лацкане цивильного пиджака у незаметного человека была прикреплена пластиковая небольшая карточка - бейдж. Руслан машинально поставил на стол еще две бутылки, пытаясь прочитать надпись на бейдже. Арабская вязь, какие-то иероглифы и ниже по-английски что-то похожее на "Асахи".

Корреспондент!

С идиотской ухмылкой на лице Руслан попятился в угол, где ничего не заметившие покупатель и продавец считали деньги, и, придвинувшись к Перчику, тихо прошептал:

- Дергаем! Быстро!

- Чего ты? - недовольно вскинул голову прапорщик и, проследив в направлении взгляда Руслана, повернулся прямехонько к объективу вторично щелкнувшего аппарата.

Подхватив зачем-то сумку с оставшейся водкой, Руслан уже громко завопил:

- Дергаем!

После секундной заминки, вихрем метя покупателя, Руслан и Перец вылетели из комнаты, печально звякнув сумкой о косяк двери. Выбежали и растерялись. А отснятые кадры?! Руслан, стол с водкой, довольное лицо Перца.

Все решилось за доли секунды.

Корреспондент хорошо спланировал свой репортаж. Первый кадр - русские выгружают водку. Второй - считают деньги. Не хватало третьего, завершающего в панике убегают.

Репортер вылетел с камерой наготове вслед за русскими и как раз в них и уткнулся.

Прапорщик цапнул фотоаппарат, толкнул корреспондента назад в комнату, прямо на выбегающего за остатками своей водки офицера. И пока эти двое барахтались на полу, толкаясь и мешая друг другу, Руслан и прапорщик рванули так, что успели пробежать через двор крепости и пулей пронестись мимо часового. Выбежав из крепости, Руслан отбросил в сторону чертову сумку, бьющую по ногам и, дрожа, сунулся к Перчику, который трясущимися руками пытался отстегнуть футляр, открыть камеру и выдернуть пленку. Получилось бы быстро, может, этим и закончилось. При свете луны не поснимаешь. Но послышались крики преследователей из крепости. Испуганные этими криками Руслан и Перчик переглянулись и кинулись бежать вокруг крепости. Отчего-то подсознание Руслана

заклинила мысль, что камеру нужно вернуть. Или водку? Или забрать остаток денег? Размышлять было некогда, и, вместо того, чтобы отбежать в сторону, оба, как хорошие рысаки, помчались "нарезать" круги. Крепость не имела острых углов. Которые нужно было огибать, поэтому бежали почти как по цирковой арене.

Цирк!

Заморский футляр никак не хотел расстегиваться. Где-то у него должна быть пимпочка, которая то ли отстегивается, то ли откручивается. Прапорщик пальцами скользил по коже футляра, сдирая ногти, и никак не мог эту пимпочку нащупать. Длиннорукий, длинноногий Руслан бестолково вертел головой на бегу, матерился и торопил Перчика.

Что-то завопил за их спинами выбравшийся из крепости и кинувшийся в погоню иностранный корреспондент. Он жалел уже не о сорвавшемся дорогом репортаже, а о дорогостоящем фотоаппарате. Его крики только добавили прыти бегущим фигурам - длинной и коротенькой. Из полосы, освещенной луной, забежали в тень, и Руслан, споткнувшись обо что-то, толкнул под локоть прапорщика. Камера, кувыркаясь, вылетела из рук Перца и приземлилась впереди бегущих, смачно звукнув объективом. Не останавливая бега, Руслан наподдал фотоаппарат носком ботинка. Камера пролетела вперед, и прапорщик подхватил ее.

Поняв, что его драгоценность пострадала, взвыл сзади бегущий корреспондент. Фотоаппарат отозвался ему, весело бренча разбитыми потрошками.

Хрен бы с ней, с камерой, но у нее внутри находилась пленка, кадры из которой могли привести под трибунал. Отлично это понимая и с отчаянием услышав, что в крепости поднялась тревога, под окрики часовых на вышках: "Дриш! Дриш!", Руслан и Перец наддали еще. Этакие залитые лунным светом Пат и Паташон, Тарапунька и Штепсель.

Было бы смешно...

Они совершенно одурели от бега, страха, шума. Тем более, что не отставал потерявший голову от гибели камеры корреспондент.

Наконец-то!

Футляр летучей мышью полетел в репортера, который не поймал его и начал искать в темноте.

Оторвавшись от погони, Руслан и Перец наконец-то сообразили и юркнули в сторону от крепости, затаив рвущееся дыхание, шмыгнули в сторону танка и своего блока. В это время ворота крепости распахнулись, и из них выбежали солдаты - "зеленые" - подгоняемые своим офицером, преследующим восемь бутылок водки, за которые, впрочем, он еще не рассчитался.

Выбежали со света в темноту и завертели головами, куда бежать-то?!

Правильно решив, что шурави побежали в сторону своей части, офицер лихо выкрикнул какую-то команду, на бегу обернувшись к своим солдатам, и со всего маху перелетел через отброшенную Русланом сумку. "Пропахав" в пыли на брюхе метра полтора, он попытался вскочить на ноги, но на него посыпались как кули с мукой бестолково кричащие, добивающие водку в сумке солдаты, верные своему командиру. В отчаянии заверещал офицер, успевший рассмотреть под ногами сорбозов при свете фонарика красно-синий с самолетиком бок сумки. Последний штрих в куча-малу добавил врезавшийся в общий переполох иностранный репортер, продолжавший погоню за фотоаппаратом... Общие вопли и стоны переполошили еще и всех собак крепости. Оплеухи огорченного офицера смогли навести хоть какой-то порядок среди преследователей. При этом досталось и репортеру. Наверное, случайно. В общем, шумок стоял еще тот!

Утихли, добросовестно отслужившие свое собаки. Пропустив раскрасневшихся, растрепанных солдат вовнутрь, со скрипом закрылись ворота крепости.

Руслан с прапорщиком все никак не могли отдышаться, усмирить дрожь в руках и ногах, так что только через полчаса смогли заняться вещичкой, которая могла стать для них поопасней итальянской мины.

- Как думаете, товарищ прапорщик, от лунного света засветится? - растянув в руках гремучую змею пленки, спросил Руслан.

- Хрен ее знает! Ты у нас специалист по фотоделу. Импортная. Может, особая какая! Давай утра дождемся. На солнце уж точно почернеет.

Оба настолько ошалели, что не сообразили просто сжечь пленку. Спичками.

Добравшись до своей крепости, решили ждать утра. Разлеглись на сдвинутых лавках во дворе, отдышались, закурили.

- Товарищ прапорщик! Если бы пленка осталась, что бы было?

- О! Во-первых, жуткий скандал. Может, даже международный. Нас - под трибунал. Тебе - не знаю. Скорее - дисбат. А мне...

Помолчали, покурили.

- Слышь, солдат! Вот послушай! Мой отец долго жил в Сибири, и мне рассказывал, - помолчал Перец, - Бурундучка знаешь?

- Ну, зверек такой пушной. Полоски на спинке, - задремывая,

отозвался Руслан.

- Во. Он чем-то чуть-чуть на белку похож. На зиму орешки запасает. Запасами и доживает до весны. Самое для него страшное - медведь-шатун. То ли люди шатуна из берлоги поднимут, то ли еще чего, только он держится зимой тем, что из-под снега откопает. Сколько-то корешков, ягод. Жрать ему охота, и он, если находит бурундучковы припасы - пирует. Зверек убегает, а медведь грабит все подчистую.

Прапорщик замолчал, потом закурил еще одну сигарету, выпустил клуб дыма и вновь заговорил:

- Когда бурундучок возвращается, конечно, медведя уже и след простыл. Так эта тварюшка, вроде бы безмозглая, а делает вот что. Видит, что ничего не осталось, что до весны не дожить. Умирать медленной смертью не хочет, отыскивает подходящую развилку на дереве и вешается на ней...

- И что? - выдохнул Руслан, не ожидавший такой трагической развязки жизни зверька.

- Да то, что после статьи мне только бы осталось, что подыскать подходящую развилку.

Прапорщик дотянул окурок до конца и, отщелкнув его от себя, закончил:

- У меня дома, в Союзе, мать уже пять лет как парализованная лежит, двое детей, жену года полтора назад как похоронил - рак у нее был... А ты думал, я так хапаю, по натуре гнилой своей?..

- Н-н-не-е-ет, - растерянно-удивленно протянул Руслан.

- Ну, ладно, светает. Пленку прикончим - и айда.

Уже под солнечными лучами поняли, что пленку не спасет и святое провидение. Поделили с таким трудом полученные деньги, пожали руки и побрели каждый в свою комнату.

Глава 7. Восточный базар

Этот афганский кишлак стоит на пересечении многовековых караванных путей, на нем заканчиваются и от него разбегаются дороги, ведущие из Ирана, Пакистана, Туркмении, Таджикистана. С незапамятных времен здесь было людно, шумно, весело, богато так, как бывает только на Востоке. Тонкие ткани, тонкие ароматы, тонкий звон рупий, динаров, юаней придавали неповторимый восточный колорит кишлаку.

Караванщикам он щедро дарил долгожданный отдых, предоставляя прохладу зеленых садов, чистую холодную воду, вкуснейшие душистые лепешки и горячий рассыпчатый плов. На местном базаре шла оживленная торговля товарами со всех концов света. Веселые, красивые, смуглые лица, белозубые улыбки, пестрота одежд, характеров, обычаев.

На Востоке любят заниматься торговлей. Это нелегкое, но почетное и прибыльное занятие, уважаемое всеми. Торг доставляет и продавцу и покупателю наслаждение. Это целое событие, состязание в остроумии, выдержке, ловкости, умении поладить к обоюдному удовольствию сторон и к взаимной выгоде. Здесь отлично знают силу денег, поэтому, умело торгуясь, можно купить и продать абсолютно все: начиная с булавки, продолжая человеком и заканчивая... звездой с неба. Отчего же не продать звезду, если на нее нашелся покупатель? Как он будет ею пользоваться? А это, извините, его проблемы! Он просил продать звезду - ему продали. О лестнице на небо пусть побеспокоится сам или просит Аллаха, чтобы тот сбросил эту звезду вниз.

Поэтому покупалось и продавалось на Востоке все, начиная с глотка чистой воды, стекающей с горных ледников, заканчивая кишлаком, по которому эта вода протекает уже мутным грязным арыком.

Такой простор для торговли и привлекал во все века продавцов и покупателей в места пересечения караванных путей. Много таких мест на Востоке. В одном из них и стоит этот кишлак.

Он же стоял костью в горле у командования контингентом советских войск в Афганистане.

И вот почему.

Пришедшая на эту землю война, как страшная громадная птица Рух черными крыльями разметала богатые мирные караваны, разбросала их по опасным узким горным тропам, превратив жизнь караванщиков в полунищенское существование. Но остались дороги, и остались кишлаки на пересечении тех дорог, и потянулись к ним еще более богатые караваны, но теперь уже военные, с грузом оружия или наркотиков.

Все можно продать и купить, если есть две заинтересованные стороны. Война? Покупай наркотики для солдат-шурави, покупай оружие - бей неверных! Только плати. А платили, принимая военный груз, очень щедро - долларами. К обоюдному удовольствию. Товар доставлен - деньги получены. Доволен и продавец, и покупатель. Утром каравану отправляться в обратный путь, а пока можно отдохнуть, поговорить. На Востоке высоко ценят умного тонкого собеседника. Может, кальян? Музыкантов? Женщину? Может еще что-нибудь угодно купить? Продать? Этот кишлак? Солнце? Небо? Звезду с неба?.. Ха-ха!

А что? Шурави высоко оценивают этот кишлак! Восьмой год пытаются взять боем - и не могут. Нет-нет, можно не беспокоиться. Сюда пройдут только караваны, а шурави сюда хода нет. Аллах акбар! А, кроме того, вокруг кишлака хитроумное

минное поле на два-три километра в радиусе. Много тысяч итальянских, американских и советских мин. Отсюда, из кишлака, замысловатыми тропами, проложенными между минами, разойдется по отрядам моджахетдинов оружие и другой товар, даст возможность уничтожать ненавистных шурави. Вот они и бесятся, пытаются, как только могут, взять кишлак, но мины... да и воины Аллаха не дают. Так что здесь находиться безопасно. Бомбить авиацией не выгодно, они хотят взять центр пересечения дорог, чтобы владеть ситуацией в передвижении караванов. А десантников, которых сюда сбрасывали, всех рано или поздно отправляли на небеса, откуда они спускались, только бестелесными, а их тела в страшных голубых тельняшках позорно корчились под кинжалами правоверных, на колах на рыночной площади, под струями кипящего масла.

Аллах велик и милостив. У русских по этим минам специалистов много, но карты нет! Даже если правоверные барсы из Пешавара сами будут разминировать это поле, которое сами же и начиняли, и то месяц-другой провозятся. У кого карта минных полей? Так ли это важно? Главное, что идут и идут караваны. Везут оружие, которым бьют шурави...

Да, сильнее и сильнее бьют советских солдат. Костью поперек горла стоит кишлак - а вот не взять!

Впрочем, скоро выяснилось, что войти в кишлак совсем не сложно.

К очередной годовщине Великого Октября верховное командование решило сделать подарок советскому народу и высшему руководству СССР. В штаб Турк ВО и ОКСВА из генштаба пришел приказ о взятии кишлака. Причем информация давала понять, что в случае удачи можно рассчитывать на Звезду Героя, дополнительные звезды на погоны и перевод в Союз на заманчивые теплые штабные места-должности.

В лоб не взять, уже пытались не раз, и начались переговоры со старейшинами племен и командирами партизанских отрядов, которые сообщили, что за конкретную, разумеется, немалую, сумму, они готовы увести в горы своих людей и не мешать проходу шурави. А потом видно будет. Других обязательств на себя не брали. Отчего же не продать, если нашелся покупатель? Что он будет делать со своей покупкой? Как войдет туда, если все проходы заминированы, а карты нет?

- А это проблемы покупателя, - сказали продавцы и, забрав деньги, честно ушли в горы.

Очень уж хотелось отличиться, перебраться в Союз покупателю подальше от смерти, поближе к покою.

Нет карты? Разминирование займет три месяца? Да вы что?

Уже октябрь! Весь советский народ ждет подарка! Вы что все там, о...и? Обещайте солдатам отпуск, дембель, что хотите... И вообще, это приказ! А приказы, как известно, обсуждать можно, но опасно!

И погнали командиры, кто нисколько не колеблясь, со словами: "Есть!", кто с матом сквозь мужские скупые слезы, кто с сомнением в голосе: "Надо, ребятки!", кто с угрозой трибунала, солдат и себя на минные поля. Да кто же ответит за все это? Кто же кровью умоется? Молчать!!! Что такое жизнь солдата по сравнению со Звездой?! Ведь жизнь человеческая - это миг, это автограф падающей звезды в августовском небе. А Звезда - она будет светить всю Мою жизнь Мне и Моим близким.

В мощные полевые бинокли командиры видели сквозь жаркое марево, как солдаты, не пригибаясь, не шли, а крались, осторожно ставя ноги на землю, пытаясь попасть в след, который остался от прошедших вперед, аккуратно обходя рваные ямы минных взрывов, раскоряченные, изломанные трупы товарищей. Вздымались огонь и камень прокаленной красной земли. Хорошо было видно в эти бинокли, как тела, невидимыми пальцами гигантского скульптора, капризного и недовольного своей работой, словно глиняные фигурки, раздавливало, разрывало на части и швыряло с размаху оземь.

Следом двинулись сами и видели теперь уже вблизи командира роты, который, надрывая сорванные голосовые связки, катался по пыльной земле, молотя кулаками по своей голове, по дороге, подтягивая к животу остатки оторванной ноги. Другой ротный с развороченными внутренностями хрипел подходящим к нему санитарам : "Нельзя... нельзя сюда... Назад..." Но не услышали, не поняли командира санитары, не услышали страшного хрипа командира - солдат расшвырял взрыв.

Повсюду лежали обезноженные, с рваными ранами на руках, лицах, бились в пыли солдаты, в беспамятстве царапая землю, срывая до корней, до мяса ногти, наползая на другие, злобно и глухо бумкавшие под ними мины...

Такой способ разминирования оказался быстрым и эффективным, и вскоре победным маршем, как было доложено на Верх, полк вошел в кишлак.

Отзвучали звонкие победные рапорты в Москве, порадовался подарку советский народ, нисколько не сомневающийся, что солдаты наши хлеб и лекарство раздают дружественному афганскому народу, каждый получил, что хотел. Прошел праздник Великого Октября Спустились с Трибуны Мавзолея высших рангов военные руководители. Как и было предусмотрено, через две недели остатки изорванного в клочья полка были вынуждены оставить кишлак "под ответным натиском

превосходящих сил противника".

Некому было оказывать сопротивления, да и некем. Договор есть договор. Сделка есть сделка. Продал - купил. Гости вышли - хозяева вернулись.

Торг есть торг. Все можно продать и купить, купить и продать на Востоке, начиная с булавки, продолжая человеком, заканчивая Звездой на небе и не только. Только нужно придти к обоюдному согласию двум уважаемым сторонам. Продавцу и покупателю.

Не желаете ли чего-нибудь купить? Солнце? Небо? Звезду?

Глава 8. Рахматулла

Солнце каплей жидкого золота давно уже переливалось в лохани серо-голубого неба и блеском безжалостных лучей кололо, резало и терзало глаза людей, залегших в углубления складок каменисто стены, поднимающейся вверх от края дороги.

Слезящимися глазами Федор, в который уже раз, проследил размытые пыльные очертания дороги, плавно вытекающей из-за поворота скальных нагромождений и также плавно втягивающейся за следующий поворот.

Удручающе - унылый серо-желтый окружающий ландшафт не увлекал яркими цветовыми пятнами, но и не отвлекал от главной цели засады - дороги.

Федор передвинул пулемет так, чтобы с металла исчезли слепящие солнечные блики, поглядел влево от себя.

В напряженном молчании там у гранатомета залегли двое, ожидая цель. Несколько поодаль еще двое с автоматами в руках как бы невзначай следили за Федором, гранатометчиками и дорогой. Встретившись взглядами, один из них указал в сторону дороги, призывая Федора к максимальному вниманию.

На следующей площадке, на несколько метров выше, группа из пяти человек с "блоупайпами" - английскими ракетами контролировала действия нижних и была готова прикрыть их в случае неудачного проведения операции.

Подставкой для сошек пулемета служил плоский, раскаленный как сковорода у матери на печи, камень, своим видом напоминающий снятый с такой сковороды блин. На секунду промелькнула перед мысленным взором Федора горка промасленных горячих блинов, мать, толкущаяся у черного провала русской печи и почему-то белый узор на голубых наличниках дома напротив. Выскочившая на камень юркая ящерка прогнала видение, вернула к действительности. Она крутнулась на месте, прицелившись заостренной головой в Федора, и замерла, немигающим глазом уставясь на человека. Так был похож ее взгляд на взгляд сурового командира, что даже в

животе у Федора что-то подобралось и напряглось.

Обострившийся слух уловил гул приближающейся колонны. В такого рода операциях Федор был новичком. Роднее и ближе был крик:

- Держи колею! Колею держи, мать твою...

Не имея опыта Федор не мог на слух определить, большая ли колонна. Первым из-за поворота вынырнул БТР, проехал до середины сектора обстрела и остановился. Следом подтянулись ГАЗ-66 с красным крестом на боку, "Урал" с огромной цистерной. Именно в кабине такой машины Федор не раз слышал крик командира про колею. За этими машинами втягивались еще, но какие, рассматривать было некогда.

На плечо Федора легла крепкая ладонь непонятно когда подобравшегося командира, призывая к вниманию, и указательный палец с серебряным перстнем, отдавая безмолвный приказ, ткнул по направлению к санитарной машине.

Федор, не выпуская из рук пулемет, о плечо отер лицо и, смахнув накопившиеся слезы, направил, тщательно прицеливаясь, ствол в бензобак машины с красными крестами.

БТР фыркнул облаком дыма, пошел было вперед, но от удара "блоупайпа", отшвырнутый взрывом, подпрыгнул и ткнулся в скалистую стену, перекрывая дорогу вперед. В ту же секунду Федор нажал на курок, послав первые пули точно в бак машины. Ствол пулемета, дернувшись вверх, рванул очередью брезент кузова, оставляя в нем большие дыры.

Гранатометчики слева отрезали путь к отступлению остальным машинам, подорвав удачными выстрелами замыкающую "техничку" на базе работяги ГАЗ-66. На зажатую в тесном коридоре, беззащитную колонну сыпался дождь пуль и осколков. Растерянная, робкая стрельба застигнутых врасплох бойцов колонны не остановила радостной ярости нападающих, увлеченных беспомощностью врага.

Захваченный общим подъемом атаки Федор всаживал одну за другой короткие очереди в дымящиеся машины, мелькающие фигуры отстреливающихся, бил в головы, руки, ноги, - лишь бы достать, попасть, уложить.

В охоте на людей пулемет слишком неуклюжий, неманевренный. Отбросив его, Федор подхватил автомат и, опустившись ниже по склону, теперь уже из него бил по попавшим в засаду, хорошо видимым, пытающимся спрятаться за искореженными машинами.

С остервенелой радостью Федор всадил очередь в человека с забинтованной головой, на корточках выползающего из-под брезента горящей санитарки. Каким-то сатанинским озарением

Федор почувствовал, что если и есть в санитарной машине живые, то лежат они на дне кузова. Больше спрятаться негде. Боковым зрением увидел, как его группа обрушивается на дорогу, заторопился, откинул сдвоенный пустой магазин и на бегу зашарил привычно в поисках подсумка. Сплюнул бешено, не нащупав ничего, кроме тонкой материи рубахи и штанов, подбежал к уничтоженной колонне. Отметил, что у распластанного тела белобрысого младшего сержанта в поджатой под грудь руке стиснут автомат, пинком перевернул тело и хищно - радостно оскалился, увидев лифчик, полный гранат и магазинов, правда к автомату другого калибра, АКС-74. Ничего! Забросив свой автомат за спину, вывернул из руки убитого оружие, щелканул затвором и побежал к кабине бензовоза, уцелевшего только потому, что одной из целей засады был захват горючего.

Федор распахнул дверцу со стороны водителя, одновременно уловив движение и нажимая на курок, направляя очередь в испуганные белые глаза, погасив удивленный вскрик.

Пули откинули голову солдата, и солнце осветило изуродованное, залитое кровью лицо солдата через опущенное стекло.

Кто это? Кто же это?! Знал... Знакомое лицо..., - отбросив назойливый вопрос, Федор огляделся. Колонна умерла. Его группа подтягивалась к бензовозу, и Федор повернулся к ним. Навстречу, раздвинув остальных, выступил командир. Белозубо улыбаясь, одобрительно цокая языком, пожал руку, обнял за плечи и отошел, давая возможность остальным поздравить нового бойца отряда. Моджахеды подходили, пожимали руку, похлопывали по плечам, по спине, на чужом языке нахваливая воинскую доблесть Федора.

Он стоял, смущенно улыбаясь, стянутой с головы черной тюбетейкой утирал пот с лица, довольный собой.

Внезапный вскрик боли, смешанной с удивлением, заставил группу резко обернуться:

- Фе-е-е-дь-ка-а-а..!

Фе-е-дь-ка...-, уже не вскрикнул, а удивленно прохрипел раненый, единственный уцелевший солдат из растерзанной колонны, протягивая руку к группе.

- Это он меня!? - промелькнуло в голове. - Да нет, - отстранился от зова. - Я же не Федька - я Рахматулла.

- Я - Рахматулла!!! - громко, на все ущелье, на весь мир по-русски крикнул бывший советский солдат Федор Булыгин.

Направившийся к раненому моджахед обернулся и, улыбаясь, закивал головой:

- Рахматулло, Рахматулло...

- Рахматулло, - одобрительно закивали товарищи, готовясь совершить намаз, восхвалявший имя Аллаха и верных его сынов.

Федор вынул из-за пояса штанов платок, расстелил его на земле, отер лицо сухими ладонями, становясь коленями на платок и вместе со всеми забормотал молитву.

... Федор попал в плен одному из воинских подразделений Хекматияра год назад.

Машину, за рулем которой сидел Федор, командир отправил в договорный кишлак в сопровождении семи солдат и нового замполита. Нужно было отвезти керосин, хлеб, медикаменты - откуп за спокойствие на этом направлении.

Замполит - восторженный молодой лейтенант Щукин суетился и радовался по-щенячьи. В кишлаке, перед собравшимися стариками и воровато шмыгающими вокруг машины детьми, он произнес торжественную речь о дружбе между двумя великими народами, об укреплении социалистического лагеря на Востоке.

Переводил флегматичный туркмен Шарипов, и замполиту казалось, что не то он переводит, потому что, слушая пламенные слова Щукина, длиннобородые афганцы восторга не проявили и не шевельнулись до тех пор, пока лейтенант не приказал разгружать "Урал".

Федор сидел в кабине и с отвращением слушал речь замполита, кривя губы от слов "социализм", "партия", "дружба народов". Уже повидавший многое на этой войне он про себя размышлял: "Подожди, необстрелянный, скоро увидишь "дружбу народов". Скоро поймешь, как духи стремятся к победе социализма". И припомнил Федор достижения социализма у себя дома: ворюгу и хама председателя колхоза, всевластность партийных работников района, угодливое заискивание матери перед руководством и ее слезы после отказа в материале для ремонта дырявой крыши.

Они умнее нас, - думал об афганцах Федор. - А может просто не такие забитые. Это у христиан - "подставь другую щеку", они же ни левую ни правую подставлять не будут, и не подставляют!

Тем временем откуда-то из-за дувалов налетела толпа женщин и проворно смела с машины все, что привезли шурави. Самый старый из афганцев что-то говорил в ответ замполиту, оба прикладывали ладонь к сердцу, раз по пятнадцать сказали друг другу: "Ташакур".

Солдаты давно уже сидели в машине, и Федор с раздражением посигналил замполиту чуть не целующему от умиления руки старейшине.

Ехали по начавшим сгущаться сумеркам. Замполит тарахтел без умолку, то выговаривая Федору, то размышляя вслух:

- Что ты дергаешься? Тут, понимаешь, политический момент! Это политика, идеология, а ты сигналишь, торопишь. Социализм в Афганистане это...

- Знаю я твой социализм, - думал Федор, - насмотрелся в колхозе...

- Социальная справедливость.., - разливался соловьем замполит.

- И справедливость эту знаем, - помнил Федор, как вышибли из комсомола, а потом и из техникума за "чуждое" увлечение каратэ.

Гордость за исполненную работу переполняла замполита и выражалась в трескучих высокопарных словах. Только прикусив язык, оттого что Федор направил колесо в выбоину, Щукин ненадолго замолк. Но так понравилось лейтенанту крепить дружбу народов, что, увидев бахчу, он приказал Федору остановить машину. На бахче два пацаненка помогали старику перетаскивать в старую рассохшуюся арбу черные арбузы.

Замполит выскочил из кабины, захватив буханку белого хлеба, позвал Шарипова и, переступая через рассыпанные по всей бахче арбузы, направился к старику. Афганцы застыли на месте, всем своим видом показывая смиренность.

Солнце уже только краем освещало зазубренность гор, колючее поле бахчи и острые башенки вышек ГСМ вдали, почти у самого въезда на кандагарский аэродром.

Шарипов вернулся к машине:

- Лейтенант приказал к нему идти, хочет бачам помогать.

Солдаты, ругаясь, перелезали через борт, нащупывая выступы носками ботинок, лениво сползали, шлепая подошвами в пыль придорожной полосы.

Федор сказал Шарипову:

- "Литер" про меня спросит, скажешь - двигатель проверяю.

Открыл капот, для вида поковырялся и, постелив куртку под передние колеса, улегся на легком сквознячке, закурил, поглядывая на работу солдат и беседующего с дедом замполита.

- Во -во. Точно как у нас в колхозе. Кто у руководства, тот никогда работать не будет, тот все больше языком... Вот и принесем им свой социализм. Деды пахать будут, а толстожопые - указывать. Не. Только без меня.

Отбросил щелчком окурок, потянулся, вылез из-под машины, чертя задницей дорожку в пыли. Встряхнул куртку и открыл дверцу, чтобы ее в кабину кинуть. Поднял глаза и обомлел. Ему в грудь направил его же автомат серии ТО No 2551, душман. Федор

за доли секунды понял, что не в состоянии что-то предпринять еще и потому, что неслышно сзади подошел еще один дух и лезвием поперек горла Федора положил кинжал.

Сколько прошло времени? Секунда? Час? Сто лет?

Дух выскользнул из машины, заломил руки Федора за спину, скрутил веревкой, толкнул его на землю, туда же на легкий сквознячок.

Федор неуклюже упал у колеса, деранувшись щекой о бетон.

- Закричать?! Мелькнула мысль, и Федор даже напрягся, но шею опять кольнуло лезвие. Дух уселся ему на спину, пяткой надавливая на затылок, заставляя Федора ткнуться всем лицом в дорогу. Успев только чуть повернуть голову в сторону бахчи, Федор хорошо видел работающих солдат, составленные в пирамиду автоматы.

- Пикну только, и голову отрежут, - метались мысли, - а пацаны и так дернуться не успеют.

С надеждой увидел, как лейтенант, наговорившись, сделал первые шаги к оружию. Федор отчетливо видел, как крутобокий, тяжелый, словно чугунная гиря арбуз, взлетевший из рук Шарипова вверх, чтобы упасть в объятия Женьки Савельева, вдруг с шумом лопнул, осыпая на миг оцепеневших солдат, сахаристой темно-красной мякотью и мелкими черными косточками. Второй винтовочный выстрел с борта машины точно, как арбуз, разнес голову замполита, и тот ткнулся в тряпицу, окровавив булку хлеба, лежащую на ней. Бойцы даже не двинулись с места, только вздрогнули от выстрелов, и тут же короткие хищные очереди, откуда-то из-за пределов бахчи, покорежив, поломав, уложили их на месте.

Дух слез со спины Федора, жестами приказал сесть в машину и ехать туда, куда он укажет. Прокричал что-то странно ухмыльнувшемуся старику, подождал, пока пятеро духов, собрав оружие, тенями метнулись в кузов машины, и приказал двигаться. Повинуясь, Федор нажал на педаль акселератора, и машина, выдохнув печально двигателем, развернулась на широкой бетонке и пошла, сначала по дороге, потом, свернув в пыль пустыни, не зажигая фар, большим черным пятном растворилась на фоне гор...

... Первые дни Федора страшно били. В день давали воду в мятом медном кувшине и кусок сухой лепешки. Отупевший от голода, жажды и побоев Федор решил совсем не пить и не есть, чтобы быстрее умереть. Его вытащили из ямы, явно чтобы наказать за отказ от еды. Видимо, для мучений он нужен был живым.

Федор стиснул зубы, расставил ноги, набычился. Он решил

сопротивляться и хотя бы одного душка да завалить. Спровоцировать, чтобы наверняка накинулись все и забили насмерть. Так, как забили старослужащие, отбив внутренности за сопротивление, молодого солдатика из роты Федора, и остальных "чижиков" заставили смотреть, добиваясь покорности, обещая всем такую же расправу, если посмеют донести или осмелятся сопротивляться им, "дедам".

Чем же духи лучше? Эти точно накинутся все. Ну и пусть! Все к черту! Уж сразу подохнуть, чем в мучениях.

Пока, раскачиваясь, так размышлял, духи, увидев непокорность и оценив непримиримую позу шурави, загудели, и в их голосах Федор почувствовал вроде бы даже одобрение. Понял вдруг, догадался, что толпой уже пинать не будут.

От окружавших его мужчин отделился крепкий с обнаженным торсом афганец. Подошел к Федору, взглядом оценил его и, обернувшись к своим, что-то сказал.

Федор чувствовал, что отощал здорово, что после почти недельных побоев ослаб. Кости и мышцы ныли, но многолетние доармейские тренировки каратэ помогли собраться и сконцентрировать внимание. Он взглянул на душмана, ухмыляющегося в лицо, и азарт предстоящего боя захлестнул Федора.

Глумишься, вражина! - подумалось ему.

И подхватила, понесла Федора веселящая злость, даря ему особую легкость в теле, силу мышц.

Афганец подскочил к Федору и резко, коротко ударил кулаком в подбородок. От сильного удара в ушах застучало тяжелым прессом, из рассеченного места тягуче закапала кровь. Но тренированный организм отреагировал почти мгновенно. Носком левой ноги Федор подцепил не успевшего отскочить духа под щиколотку, а стопой правой нанес удар в колено. Припав на колено, рубанул ребром ладони по горлу падающего противника и отошел мгновенно назад, оценивая совершенное. Афганец рухнул в пыль, захрипел и потерял сознание.

Федор напрягал подгибающиеся ноги, уткнувшись плывущим взглядом в землю, тяжело дышал.

Окружавшие место поединка афганцы неодобрительно заворчали. И не понимающий языка Федор опять почувствовал, догадался, что неодобрение относится не к нему, а к побежденному.

От напряжения драки подташнивало и сосало под ложечкой. Федор глубоко вздохнул носом и тремя резкими выдохами через рот вытолкнул из себя воздух, утихомиривая сердце и восстанавливая дыхание. Приподнял голову, мутным глазом

оглядел окружающих, ожидая продолжения.

Поверженный его противник пришел в себя, тяжело поднялся, встряхивая головой, оглянулся на Федора и пробормотал что-то, но без угрозы, почти беззлобно.

Моджахеды посовещались и вытолкнули на вытоптанный пятачок еще одного бойца. Этот дух был покрепче с виду и, видимо, опытнее. Он не кинулся на Федора, а медленными кругами стал обходить его, выбирая слабину в позиции шурави. Нужно было брать инициативу нападения на себя. Федор выждал, когда солнце оказалось у него за спиной и ослепило духа, резким выпадом левой ноги отвлек противника и тут же правой нанес сокрушительный удар в голову. Но усталость взяла свое, поэтому, когда дух, уже падая, даже не ударил, а по инерции просто пнул Федора, оба они шмякнулись в пыль.

Короткий красивый поединок изможденного пленного, его мужество, воля к сопротивлению настолько понравились, что моджахеды зааплодировали.

Федора больше не били. Вечером ему вместе с лепешкой и кувшином воды принесли в пиале вареный рис с какой-то овощной подливой и старую, но чистую и еще крепкую одежду: шаровары, рубаху и тапочки без задников. Держали его в той же глубокой яме, хотя

и бросили одеяло.

Теперь можно было укрыться днем от сжигающего солнца, а вечером - от холода.

- За своего что ли признали, - размышлял Федор. - Да нет, скорее готовят к чему-то. Может, как бойцовую собаку, будут заставлять для потехи драться? Черт с ними, там посмотрим...

И странное дело, когда Федор поел, переоделся в чистую легкую одежду, сбросив солдатское изодранное обмундирование и, укрывшись одеялом, перебрал в памяти события дня, он с изумлением понял, что испытывает чувство уважения и даже благодарности к своим врагам. Могли изуродовать, истерзать, но не стали. Могли за своих побитых мучениям подвергнуть, отдать им на расправу - не отдали. Плохо, скудно, но покормили, переодели. Как? Почему? Враги ведь! Сам видел трупы замученных шурави. Постой, почему шурави? Советских солдат! Сам-то ты кто?!

В большом смятении в эту ночь заснул Федор. И, видимо, этими мыслями навеяло ему сон, в котором увидел он себя. Истерзанного, с обрезанными ушами, корчащегося в луже собственной крови от боли, разрывающей его внутренности. Он страшно кричал, а духи, хохоча, под его вой глубже и глубже втискивали в него остро заточенный кол. И во сне этом духи на

понятном для Федора языке кричали ему:

- Терпи, шурави, за свой СССР, за партию и правительство терпи, героем умрешь! Дома узнают - может матери крышу хаты починят!

И закричал во сне, мучительно завыл Федор:

- Нет! Нет, не хочу! Да подождите же вы!!!

Проснулся от ужаса, от крика своего, вскочил на ноги, сдирал с головы одеяло, не до конца еще проснувшись, не понимая, сон это или явь. Не спал уже до утра. А действительно, за что геройствовать? За Родину? За народ? Так войну эту не народ начал, не Родина. Наоборот, горьким горем для Родины и народа стала эта страшная война. За партию? За правительство? За победу социализма на афганской земле принять смерть мучительную? Не нашел ответов на эти вопросы Федор.

А вот позже получил он ответы...

Посетил отряд Хекматияр с сотней своих бойцов. В конце посещения приказал командир привести к Хекматияру Федора.

Привезли Федора в полутемную пещеру. Огонь очага освещал людей, сидящих на ковре. На почетном возвышении сидел Хекматияр. Федор вглядывался в его жесткое, почти европейское лицо, традиционно бородатое. Он хмуро посмотрел на шурави, что-то сказал командиру и жестом приказал увести пленного.

Через несколько дней Федору разрешили днем ходить по лагерю, хотя ночью все равно возвращали в яму. Теперь с ним стал общаться ежедневно мулла, постоянно находящийся в отряде. Мулла читал Коран, заставляя Федора внимательно слушать. Федор, конечно, ни черта не понимал, но слушать приходилось. Однажды Федор задремал под равномерный нараспев голос священника и вскочил от оглушительной пощечины. Да как же понять, ведь кроме нескольких слов, чего хватало для общения с афганцами, теперь было крайне мало. А что знал Федор? "Дриш!" - стой, "шурави контрол" - проверка, "чан афгани" сколько стоит, "шароп" - водка, "риш машин" - электробритва и тому подобные слова из лексикона оккупантов.

Проводил занятия с ним и оставшийся из свиты Хекматияра переводчик и командир отряда. Объясняли шурави, что принимал он участие в войне неправедной, что афганцы никогда, никому и ни за что не покорятся. Как в прошлом веке не покорились колонизаторам - англичанам. "Инглезе", презрительно выговаривал командир отряда.

Страшно после этих бесед становилось Федору. Со школьной парты впитал он мысль о Великой Отечественной войне, что война эта была войной его народа, священной войной против вероломных захватчиков.

Это священная война моего народа, - говорил командир отряда. - Шурави захватчики, оккупанты.

Страшно было Федору от того, что соглашался мысленно с доводами, что сам так думал, от того, что понял, жутью обдало ощущение - готов к предательству, к войне на стороне этого народа, против своего. Пытался остаться советским солдатом, человеком. Возражал, что солдаты исполняют приказ, их заставляют гибнуть.

- За что? - прищуривался прошедший специальную подготовку у американских психологов переводчик.

И, оставив, сокрушенного, растерянного Федора, обратился к командиру:

- Дальше сами. Теперь все получится. Я приказ выполнил.

Теперь уже Федора заинтересовал этот народ, который мощь советского оружия уже который год не могла поставить на колени.

Месяца через два Федор стал отмечать, что понимает отрывки разговоров афганцев, сам пытался называть окружающие его вещи, сначала вызывая смех, а потом помощь в освоении языка. Оброс Федор густой черной курчавой бородой, загорел, изменился внешне. Изменилось и отношение к нему. Кормили теперь Федора тем же, что ели бойцы отряда. Рис, лепешки, чай. Реже помидоры, виноград. Когда из кишлака приводили барана, куски вареного мяса из большого котла доставались всем поровну. Изменился Федор и внутренне. Чаще и чаще в мыслях считал себя своим среди этих людей. О том, что эти люди сражаются против его товарищей - советских солдат, старался не думать. Близко сошелся с Рахматуллой, тем афганцем, с которым бился в первом поединке. Обучал Рахматуллу приемам каратэ, а взамен получал знание языка, обычаев этого народа. В долгих беседах узнал от Рахматуллы об операциях, в которых участвовал и участвует его отряд, о расстрелах пленных, в которых и сам принимал участие. "Это война", - пожимал плечами Рахматулла. - не мы ее начали и не на вашей земле..."

- А мы их скотами считаем, зверьем, дикарями, - мучался в раздумьях Федор. - А ведь, действительно, это мы вломились в их жизнь, вот они в ответ и отнимают наши жизни...

Это еще не было предательством. Окончательно отказался Федор от своего народа, своей земли и поднял оружие против шурави из-за Рахматуллы.

Накануне дня, когда Рахматуллу убили, они долго разговаривали с Федором.

Стань до конца нашим, будь с нами. Прими нашу веру. Направь оружие против неверных, неправедных людей, -

предложил Рахматулла.

- Своих убивать? - встрепенулся, даже вскочил на ноги Федор.

- Ты пойми, что твоих убивают твои. Будут еще воевать, - будут еще убивать. Остановят войну, выведут войска - сколько жизней сохранят и вам, и нам. И ты, убивая своих, только поможешь войну остановить. Убьешь десять Аллах простит. Это не ваш Христос. Будешь мне братом - можешь четыре жены иметь, почет, богатство. Ты американские доллары дома заработаешь?

Глубоко задумался Федор. Вот же мучение...

Знал по рассказам и сам видел, как гнали советские офицеры солдат на минные поля по приказу высших офицерских чинов. Шепотом пересказывали ему, как попавших в окружение солдат уничтожили вместе с группировкой моджахедов. Тысячами гибли из-за неграмотных военных приказов. Неужели в этой войне правы только афганцы? Неужели...

И не смог найти, чем возразить на свои же вопросы Федор. Понял, что убедили его, привели к выводу, что ни гроша не стоит жизнь солдата СССР в этой войне для советского правительства. В том числе и его единственная драгоценная жизнь.

Наутро, провожая отряд, сказал Рахматулле, что принял решение, а какое, вечером скажет. Догадался Рахматулла, улыбаясь, как брата обнял Федора и ушел с отрядом. Вернулся отряд поздним вечером, понеся большие потери. Не вернулся Рахматулла.

Резко изменилось отношение к Федору. Вместо приветливых улыбок - хмурые лица, тяжелые взгляды. Шурави - советский... И...

Совершилась в этот вечер еще одна потеря. Не стало на свете советского военнопленного, русского солдата Федора Булыгина.

После обряда обрезания и трижды произнесенной священной калемы - Ла илях илля миах ва Мухаммед расул Аллах - превозмогая боль после отсечения крайней плоти, пировал изменник Родины, предатель, принявший магометанскую веру и вместе с ней новое имя - Рахматулла, наутро поднявший оружие против ненавистных шурави.

Глава 9. Максуд

Плюс на минус будет ноль...

Это боевое задание состояло из плюсов, рядом с которыми немедленно, как бдительные часовые, вырастали минусы.

Разрабатывали операцию штабисты из генерального управления, тщательно анализируя донесения разведки, сведения, выжатые из пленных моджахеддинов и их командиров, знания опытных офицеров, изучавших Афганистан еще задолго до

войны, находившихся там в качестве военных советчиков. Готовый вариант утверждали на самом высоком уровне, чуть ли не на Верховном Совете СССР, что страшно раздражало и бесило профессиональных военных, разведчиков и контрразведчиков. Но что поделать? Партия наш рулевой... везде и всюду. Поэтому, для подстраховки, во избежание утечки информации, в итоговых документах указали чуть другое время проведения операции, да и страну приложения огромных трудов перенесли чуть восточнее. Но так или иначе, операция была готова. Ее важность состояла в том, что появилась возможность ликвидировать Максуда - командира одного из крупных соединений душманов.

Врага можно ненавидеть, но недооценивать нельзя. Максуд - талантливый военачальник. Когда-то, еще в середине семидесятых годов он был одним из лучших иностранных слушателей фрунзенской академии, готовившей, как известно, не специалистов по засолке грибов и капусты. Вот и научили! Действия его боевиков отличали смелость, слаженность, дерзость, жестокость и, увы, редкая удачливость. Увы, так как эта самая удачливость приводила к большим потерям советских войск, находящихся в радиусе его контроля, порой даже к, практически, полной их блокаде. Кстати сказать, командиром этой части советского контингента тоже был выпускник той самой академии и даже того же самого года выпуска. Так что бывшие однокашники противостояли друг другу крепко и долго. Максуд, обладая аналитическим умом, вкупе с восточной дьявольской хитростью, сумел установить жесткую дисциплину среди своих людей, карая виновных по законам Шариата, не давал возможности шурави проводить никаких активных действий, вывел в зоне своего действия даже само понятие "договорный кишлак". Пленных русских брал редко, но если такое происходило, очень быстро заставлял их перейти на свою сторону, принять ислам и воевать против неверных. Так что уничтожить Максуда было очень желательно, но очень трудно. Базовое местонахождение его сил было расположено в небольшом городке, неподалеку от границы с Пакистаном Прямо из Пешевара он получал свежие силы, оружие, деньги, туда же переправлял раненых, пленных, перебежчиков. По донесениям советской разведки, в городке постоянно находились около трех тысяч духов, великолепно обустроившихся и готовых отдать свои жизни за Максуда, как отдали бы их с радостью за Пророка.

Разрушить городок авиацией советское командование не хотело, и крупное боевое соединение моджахедов чувствовало себя в нем как у Аллаха за пазухой. Максуд создал и отладил свою внутреннюю службу безопасности, разведку, контрразведку,

не жалея долларов, рублей, марок, чеков, наркотиков. Популярность его была чрезвычайно высока. К нему тянулись люди со всего Афганистана, давали клятву на Коране и вступали в войско под зеленое Знамя Ислама.

Вот этого сильного, умного и опасного врага и решено было ликвидировать.

Для выполнения разработанного плана отозвали из отпуска, из дома отдыха "Сосновый", что под Туапсе, спецгруппу, состоящую только из офицеров. Только вчера ребята обмывали новые армейские звания, окунали в стаканы с водкой майорские звезды, а заодно с ними и ордена Красной Звезды, полученные за успешное выполнение одной из предыдущих операций. Пошумели, конечно, немного, погусарили, отбив у офицеров из системы МВД, также отдыхающих на побережье, девчонок. Каждый из спецгруппы прошел подготовку еще ту, и саперную, и снайперскую, и рукопашную, и парашютную, и... В общем - спецы хоть куда. Да и опыт боевой немаленький за плечами. Так что еще ночью, довольно сильно хмельных, их привезли в адлерский аэропорт, подбросили до Москвы, оттуда прямиком в Ашхабад, и теперь офицеры досыпали в более-менее приличной гостинице, расположенной внутри большого военного городка, в самом центре столицы Туркмении.

- Кде мои маленькие прюки? Та черт пы вас попрал! - как все прибалты, Ян Роозма ругался, не повышая голоса, старательно выговаривая русские слова.

- Что потерял, Ян? - поднял от подушки заспанное лицо Игорь Красников и тут же со стоном уронил голову на подушку. - Вот блин, мутит чтой-то. Наверное, после перелетов...

- Маленькие прюки. Кому они мокут пыть нушны? - "бушевал" Ян.

- О-о-о, чтоб вас! Заткнитесь! - со своей постели простонал Лешка Уфимцев, - чего это вы с утра разорались? Теперь может месяц спокойно поспать не придется, - и, накрыв голову подушкой, перевернулся на другой бок.

Ян сердито переворачивал вещи, развешенные на спинках стульев и недоумевающе сопел.

- Па-а-адъем! - вытирая полотенцем голову, мокрую после душа, прокричал старший в этой операции Женька Панин. - Сейчас на завтрак, потом последний инструктаж. В двенадцать ноль-ноль вылетаем в Кабул.

Панин еще рано утром был в штабе, где получил пакет с точным описанием операции, прочел бумаги и тут же их сжег, согласно инструкции, вложенной в конверт.

- Всем ясно? - громко спросил Панин, - Я же сказал, подъем!

Вставайте, мужики, сегодня последний день в Союзе, - помолчал и добавил: - А может, завтра вообще последний.

- Тьфу-тьфу, еще накаркаешь, спичку тебе в язык, - слетел окончательно сон с Лешки Уфимцева. - Не, мужики, пошумим малость... у меня предчувствие такое...

Среди этой четверки черный юмор был делом обычным и воспринимался с одобрением. Темы смерти, гибели не были запретны в разговорах. Готовили их ко всему, к ситуациям неучтенным и непредусмотренным. За риск, за готовность жертвовать собой, за то, что решались вопросы, от которых зависели порой тысячи жизней, группе предоставлялись особые привилегии. После удачных операций отдыхали в Союзе на морских побережьях, в горах. Начальство закрывало глаза на достаточно вольное поведение этих офицеров. Пусть. Может, в последний раз. Тем более, что, конечно, случались и неудачные операции. В таких случаях слез не было. Только окончив их, третьим тостом, молчаливым, с комком в горле, стоя выпивали водки.

Женька Панин сильно переживал провал предыдущей операции, считал ошибку своей, хотя и понимал, что группа подготовки сработала неудачно. Ориентиры не сработали. В итоге вместо намеченного договорного кишлака его спецгруппа вышла на кишлак, в котором их встретили плотным огнем. Немедленно уйти не получилось. Вертолетам нужно время для перелета, группе - для перехода в место посадки машин. Да потеряли время, выясняя ситуацию.

- В кишлаке безоткатки!

- Откуда?! Быть не может!

- Безоткатные орудия и сотня духов... Нас встречают. Быстрее вертушки.

- Да какие духи? Вы что там, пьяные?

- Все, связь кончаю. Уходим.

- Ку-у-уда?! Не уходить! А задание?!

И так дальше и дальше. Женька понимал, что время уходит, и ситуация для них складывается крайне сложно. Но тот, по другой конец связи, все тянул и тянул, предлагая подождать, пока не свяжется с Москвой. Женька уже открытым текстом материл тупоголового офицера, в ответ тот огрызнулся и заявил, что группа находится в семнадцати километрах от границы Афгана на территории Пакистана.

Откровенно говоря, никакой границы там нет, пустыня да камни. Присутствует та самая граница только на географической карте. Результат ошибки невыполненное задание. А кроме того...

Пришлось принимать бой и уходить, срочно уходить. Краем

глаза Женька видел, как остальные четверо едва заметно приподнимались из-за камней, посылали короткие автоматные очереди и уходили дальше в пустыню. Женька молил Бога, чтобы успеть дойти до первого скального коридора. А там... Духи наступали быстро, уверенно. Еще бы, человек сорок бросились в погоню. Но ребята из спецгруппы не были напуганы этим. Все верно. Так и надо. Один к десяти. Не этому ли их и обучали? Бою с противником, превышающем в силе вдесятеро. Все нормалек! Уже у самого узкого входа в спасительное ущельице грянул разрыв гранаты, посланный духами из гранатомета. Женька оглянулся. Духи еще были далековато. Неподалеку от Женьки в пыли лежал Николай. Нехорошо лежал. Ноги носками ботинок чертили круги на земле, руки обхватили живот с развороченными осколком внутренностями. Эх, Коля, Коля, какого ж ты.., ну зачем же ты бронежилет-то бросил! Женька бросился к нему, еще на бегу понимая, что все кончено.

Николай еще был в сознании, глубокими глазами он смотрел в голубое небо и что-то шептал пузырящимися кровью губами наклонившемуся над ним командиру. Женька прислушался.

- Женя, вперед. Уходите...

Женька вынул из лифчика гранату, выдернул чеку и сунул, зажал запал в ладони раненого. Николай благодарно улыбнулся и слабо кивнул, впадая в беспамятство. Женька забрал оружие и кинулся в ущелье.

Минут через десять за спинами группы раздался хлопок. По времени выходило, что Николай дождался духов и разжал ладонь, когда они были возле него.

Никто из ребят не оглянулся. Шли быстро, переходя на бег. До места встречи с вертолетом еще часа три хода. Каждый поставил в уме черную зарубку. Все. Нет больше Коляна. Вечная ему память!

Ян все еще возился в поисках пропавшей вещи, когда из ванной вышел Лешка Уфимцев:

- Эй, горячий эстонский парень! В ванной твои трусы, на веревке висят. Кому они нужны, твои маленькие прюки?! - подмигнул ребятам, поддразнивая Яна, - "Что это ты трусы теряешь? Перепил вчера? Ничего - завтра душки похмелят. "Старым Таллинном"!

- Пошел потальше! - улыбнулся Ян, - Сам пьянчушка.

В двенадцать ноль-ноль, без всяких проволочек вертолет МИ-8 поднялся в жаркое небо, сопровождаемый двумя двадцатьчетверками. Звено взяло курс на Афганистан, а там в район Баглана, откуда и начнется операция.

Сидели внутри раскаленной вертушки, напялив на головы

шлемы с переговорными устройствами. Игорь Красников нетерпеливо крутился на узкой алюминиевой скамье:

- Эй, Ян, - сквозь треск и помехи в наушниках позвал Игорь.

Ян степенно повернул голову.

- Лыжи-то подбери!

Роозма выступал в команде ЦСКА по биатлону, поэтому невзрачная шутка здесь, над прожаренной пустыней, смешит. Тем более, что у Яна невероятный, сорок восьмой размер обуви.

Мужики рассмеялись. Даже пилоты, обернувшись через плечо, заулыбались.

Что ж, шутка - хорошее начало. Немалый плюс.

Ян откинулся к борту, прикрыл глаза. Биатлон, снег, лыжи. Зимний Таллинн. Кривые улочки, башни, ратуша в аккуратных снеговых шапках. Приятно вспомнить. Особенно здесь, сейчас. Даже потянулся Ян сладко от приятных воспоминаний.

- Не тянись, долговязый! - не успокаивается Игорек. - Вертолет разорвешь!

Не успели отсмеяться, как в машину ударил снаряд. Вот, мать их... Только-только границу пересекли. Вон, еще и речку видно. От взрыва вертушку сильно тряхнуло, но не это оказалось роковым. Следующим снарядом напрочь отсекло хвостовую балку, и зависшее тело вертолета начало неумолимо падать вниз, еле удерживаемое несущим винтом в горизонтальном положении. Сидящих внутри, ухватившихся руками, кто за что успел, начало вертеть на сатанинской карусели.

Вот тебе и минус! Минус на плюс.

Женька, крепко вцепившись в скобу, выступающую из стенки вертолета, крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть сквозь иллюминатор мелькания приближающейся земли. Не от страха. От отвращения перед любым вращением, которое он приобрел в подростковом возрасте.

Перед его домом на детской площадке была установлена этакая гадость, сваренная из металлических труб в виде буквы "Ф", крутящаяся на подшипниках. На всю жизнь проклял эту вертушку Женька. Секрет ее действия очень простой. Руками нужно взяться за верхние перекладины, а на нижние встать ногами, оттолкнуться от земли, как при катании на самокате. Тогда эта дрянь начинала вращаться. Как регулировать скорость вращения от плавного до безумного, становилось понятно почти сразу. Нужно было только-то оттопыривать зад или выпрямляться вертикально. А вот как остановить эту гениально простую штуку? Да если тебя от вращения тошнить начинает?! В общем, Женька спрыгнул с нее, получив сильный удар по ногам нижней перекладиной, и в ближайших кустах сирени с полчаса поливал

траву маминым вкусным обедом, а каруселька - удивительно нехорошими словами. Если бы не соседская девчонка, которая так ему нравилась, ни за что не залез бы Женька на эту штуковину! А так хотелось покрасоваться в мощном вихре вращения. Покрасовался! Ох, как смеялась Светка, когда он бледный, взъерошенный выбирался из кустов...

Так что Женька почувствовал себя отвратительно после первых же оборотов искалеченного вертолета. Глаза зажмурить можно, а вот желудок не зажмуришь.

Лешка Уфимцев, не смея отцепить руки от лебедки, для того чтобы хоть лицо прикрыть, с ужасом видел помутневшие глаза командира, его побледневшее лицо и судорожно глотательные движения кадыка. И боялся он не того, что вот, сейчас они могут разбиться. Не о смерти думал Лешка, когда в него полетели брызги завтрака, щедрого завтрака, который для них устроили в Ашхабаде.

То, что осталось от вертолета, достаточно жестко брякнулось на бархан. Замычал, мотая головой, прикусивший язык Ян, хахнули невольным выдохом остальные. Первым из рваного бока вертолета пулей вылетел Женька, следом выбрались остальные.

- Целы? Живы? - приходя в себя, чуть покачиваясь, пересчитывая взглядом, начиная с оттирающегося песком Игоря, спросил Женька. - Что с летунами?

Подбежали к кабине, переступив через тело бортача, вылетевшее через треснувший фонарь, и, увидев раздавленные лица пилотов, потянули шлемы с голов.

То, что люди мертвы, они поняли сразу. Опыт. Горький.

Следом за упавшим вертолетом сели сопровождающие. В густой туче пыли группа погрузилась в один из них, и он тут же сорвался с земли. Уже в иллюминаторы офицеры увидели, как на месте падения вспух черный взрыв, и вторая вертушка, сделав прощальный разворот над местом гибели экипажа, ушла на прочесывание границы. Пока летели, Женька связался со штабом, и оттуда поступил приказ вылетать на место высадки сразу.

Пока Женька переговаривался, Игорек мрачно пошутил:

- Блин! Говорил же тебе, Ян, не потягивайся! Какой вертолет разорвал!

Никто не поддержал. Хорошо, что не разбились. Хорошо, что не рвануло топливо в баках, не сдетонировали боеприпасы. Что ж. Плюс!

...Последние метры до укрытия преодолели глубокой ночью, крадучись. Спустились с вершины скалы до позиции. Обосновались, замаскировались. Подготовили оружие, о котором заботились больше, чем о себе. В бинокли можно было

рассмотреть дома, дувалы, вооруженные посты, патрули.

Разведчики проделали ювелирную работу, выбрав и подготовив место для снайперов, с которого по ориентирам они смогли определить дом с открытой террасой во дворе Максуда. Увидеть все это можно было только с этой точки склона, открытого для свободного обзора и обстрела со стороны моджахедов. Женька подумал, что для него навсегда останется загадкой, как разведчики искали это место, как оборудовали его, обустроили прикрытие из камня. Ведь работали-то прямо под носом у духов. Сколькими жизнями за это заплатили?!

Решающим было утро.

По данным Максуд должен после утреннего намаза на террасе собрать командиров отрядов на совещание. Так открыто он действовал крайне редко. Шанс выдался из-за того, что собирались практически все командиры, и упускать такую возможность было нельзя. Поэтому снайперы проверяли свою готовность еще и еще раз. Повторяли приметы Максуда в уме, настраивали оптику оружия, твердо помня давнишние наставления инструкторов. Стрелять только в шейные позвонки, в худшем случае - в голову. Выстрел в сердце -шанс на выживание, что недопустимо.

...Отзвенели голоса муэдзинов с точеных высоких минаретов. Правоверные мусульмане, завершив намаз, занялись делами земными.

Четыре пары внимательных глаз с помощью мощной оптики вели неотрывное наблюдение за террасой в абсолютной тишине. Очередность ведения стрельбы определена еще на базе, и все четверо теперь составляли единый организм, тонко улавливая любое, самое малейшее движение, чутко реагируя на дыхание товарища по засаде, казалось, даже на мысли. Женька удовлетворенно оценил спокойствие, царившее в его группе. А что волноваться?! После выстрелов, по сигналу радиомаячка, через десять минут придут вертолеты. Вся проблема - забраться на вершину этой скалы, что за спиной, с которой спустились ночью, перевалить через гряду и бегом в вертолет. Вот и все!

Стоп! Вот они. Хорошо видны. Женька чуть повел стволом в сторону дверного проема, откуда выходили люди. Не он. Не он. Тоже не он. Максуд! Не спешить. Убедиться. Да. Он. Прицел. Дыхание. Курок. Выстрел.

Четыре выстрела прозвучали как один долгий. Перерыв между первым и тремя остальными - доли секунды.

Первым стрелял Ян, стрелял на поражение, остальные - для контроля.

Максуд дернулся и, обезглавленный, повалился на доски

террасы.

Уходить. Быстро. Женька нажал на кнопку радиомаяка, словно дал старт. Через девять минут сорок пять секунд там, за грядой, будет ждать вертолет. Быстрее!

Снайперская винтовка имеет особое устройство. Ее выстрел звучит как хлопок в ладоши и доносится как бы с неба. Очень трудно определить по звуку, откуда именно пришла смерть.

Но направление выстрела духи определили мгновенно. Да и движение группы по отвесной стене скалы под яркими лучами солнца явно не маскировало.

Загремели выстрелы. Обернувшийся Женька увидел, что невесть откуда взявшиеся моджахеды черным муравейником устремились из городка прямо к склону, который вел к месту недавней засады.

В четырех человек, быстро, по-пластунски поднимающихся вверх, видных как на ладони, попасть достаточно легко. Тем более, что стреляет весь город! Но обошлось.

Склон в течение двух минут был накрыт свинцовым ковром Плотность смертоносного потока была такая, что попадания в камни превращали их в клуб пыли и визжащих осколков. Может, эти облачка и спасли. Может - скорость. Может - Матерь Божья! Успели, перевалились через вершину.

Женька тряхнул головой, показалось или правда кто-то застонал? Все нормально. Все здесь. Вот они, красавцы. Через минуту... Да вот они, вертушки!

Заходя на боевые развороты, два вертолета обрушили лавину огня на наступающих духов, на город. Сами достаточно уязвимые, отвлекали внимание на себя от снизившегося над вершиной третьей восьмерки.

- Проворней, мужики, - проревел Женька. - Один, другой.. Где Игорь?

Лешка Уфимцев сунулся было назад из вертолета, но Женька толканул его широкой ладонью в грудь, облегченно вздохнув. К вертолету, потягивая ногу, спешил Игорь, весь в крови, волоча за собой разбитую винтовку.

Ввалившись в чрево вертолета, задвинули хлопком дверь, и машина поднялась в воздух. Следом за ней потянулись и другие вертолеты, оставляя за скалой разъяренного врага.

- Уф-ф-ф!

Можно выдохнуть, прикрыв глаза, смахнуть пот и пыль.

- Игорь! - позвал Женька. - Что с тобой, Игорек? Ранен?

- Сучьи дети! - стонал Игорь, - Падлюки! Чтоб их хряк поймал! - Еле разжимая губы, ругался раненый. - Вот ведь... Ну нет, чтобы в сердце! Что я теперь девчонкам скажу! Ведь засмеют!

Облегченно вздохнули: "Значит, жив, бродяга!", и тут же повалились от хохота. Ненадолго передыхали и опять хохотали, всхлипывая от изнеможения и вновь ржали, выворачивая челюсти, всю дорогу до базы перевязывая зад Игоря, едва ли не в лохмотья иссеченный острыми, как бритва, осколками камней.

... Нежаркие уже лучи вечернего солнца ласково гладили тела офицеров. Что-то озабоченно шептали набегающие на песок пляжа волны Черного моря.

От административного здания "Соснового" отделилась фигура Женьки.

- Какие-то неприятности, - лениво процедил Лешка. - По походке вижу.

- Какие? - подал голос с соседнего лежака дочерна загоревший Ян, - фместо отной накраты тве татут? А ты леши, леши, - обратился он к лежащему на животе Игорю и с наслаждением отмщения добавил; - Сакорай свою сатницу!

- О, у него задница теперь знаменитая, - сразу подключился Лешка, - видел девчонку, что его лечит? Она его героическую задницу как зеницу ока бережет. Холит и лелеет! Завидуй, Ян!

- Ну, почему как? - попробовал возмутиться и перевернуться на бок Игорь, но заохал и остался лежать на животе. - Как дела, командир?

Женька с размаху бросился на песок:

- С чего начать, с хорошего или с плохого?

- Тавай с хорошеко! Что в плюсе?

- Отпуск по десять суток с поездкой на родину. Ну и всем по медали "За боевые заслуги".

- ???

- По медали? - вытянулись лица. - За Максуда?!

Игорь, схватившись за зад, горестно и комично застонал.

- А вот это как раз минус. Умный Максуд, ай, умный! Недооценили мы его. Он уже месяц как в Пакистане. Совещание проводил один из его двойников... Ну а плюс на минус будет?!.

Офицеры промолчали, отвернувшись к кроваво-алому закату за линией моря.

Глава 10. "Дик"

"Ди-и-и-ик!" - отвратительно завизжали сдавленное мышечным спазмом Димкино горло и намертво зажатые тормоза "Москвича".

Выскочившая на середину дороги собака метнулась было в сторону от несущегося на нее верещащего металла, но замерла в растерянности прямо по середине дороги. За тысячные доли секунды Димка успел крутнуть руль вправо, и перелетевший через бордюр "Москвич" с размаху уткнулся в толстенный тополь, сдирая с него старую кору смятым вдрызг носом легковушки.

... - Ди-и-и-ик! - весело кричал на весь парк восьмилетний Димка неуклюжему толстому щенку, отбегая от него на два-три шага и млея от того, насколько забавно и старательно, переваливаясь с боку на бок, путаясь в коротких лапах, щенок бежит к нему, радостно тявкая.

- Ах, ты, звереныш мой! - и Димка подхватывал на руки, целуя смешного толстячка в крошечный нос и бархатные ушки. С хохотом уворачивался от мокрого красного лоскутка язычка, когда песик пытался благодарно лизнуть его лицо.

С переполненным любовью сердцем отпускал собачку, опять отбегал и подзывал, будоража звонким голосом раззолоченный осенними листьями, горьковатый от дыма костров, пронизанный солнечными лучами городской парк. Щенок недоуменно вскидывал голову, разыскивая куда же делся этот - веселый, пахнущий молоком, находил Димку и, торопливо виляя куцым хвостиком, бежал к нему, к его ласковым теплым рукам.

- Дик! - и умный, послушный пес, заслуживший уже не одну награду на выставках собак, старательно выполнял команды своего хозяина и проводника Димки.

На занятиях по собаководству в клубе кинологов хвалили

Дика. Было за что. Собачью азбуку "сидеть", "лежать", "ползи" и прочее понятливый пёс выполнял даже не по слову и жесту, а по намёку на жест. Складывалось впечатление, что человек и собака читают мысли друг друга.

Инструктор служебного собаководства, по окончании Диком "высшей собачьей школы", серьезно поговорил с Димкой. Пообещал дать характеристику и рекомендации для службы в погранвойсках.

Димка, довольный безмерно, что не придется расставаться с собакой, с удовольствием слушал инструктора, который говорил:

- Димка, с таким псом служить легко. Буду у военкома - замолвлю за тебя. Обещаю. Погранвойска - это тебе не стройбат. Это для мужчин. Да, Дик ? - и ласково трепал уши собаки.

- Звереныш мой ! - целовал в холодный нос Дика Димка.

Не обманул, не подвел надежд Димки инструктор. Замолвил. Рекомендации и характеристики были переданы в военкомат. На одиннадцатое ноября пришла повестка. Долгий путь в общем вагоне солдатского эшелона скрашивался для Димки общением с собакой. Когда прибыли в часть - выяснилось, что это не пограничная застава, как надеялся Димка, а обыкновенный учебный центр, в котором готовят саперов. Солдат - саперов и собак - саперов. На занятиях в поле по разминированию, пожилой прапорщик - инструктор показывал, как, откуда, с какой стороны лучше подойти к мине, что с ней делать дальше и все время повторял:

- Учтите. Основную часть работы за вас делает собака. Она идет первая. Она находит мину. Смотрите на нее, слушайте ее, повинуйтесь ей. Вот этой штуковине, - прапорщик поднимал над головой, чтобы всем было видно, плоскую смертельную тарелку,- по фигу, кто или что, включило ее механизм: нога солдата, лапа собаки или колесо БТРа. Она в любом случае выполнит свою задачу. Отсюда вытекает - собака спасла вашу жизнь. Вы - жизнь многих других людей.

Прошло полгода. Теперь уже Дик с Димкой служили в полку под Кабулом. Выходы на разминирования превратились в серую рутинную необходимость. Дик чутко шел впереди Димки на длинном поводке, то и дело аккуратно тыкаясь носом к земле, к бетонному покрытию дороги, к продавленной колесами многотонных грузовиков колее. Учуяв, пес садился рядом с обнаруженной миной и ждал, когда Димка подойдет и начнет свою работу.

Однажды работали у договорного кишлака. Духи перед уходом в горы оставили после себя на подходах к селению сотни мин. Работали третьи сутки. Димка с Диком уже подбирались к

первым дувалам, когда обнаружилась очередная мина. Дик устало сел, обозначая место, а Димка аккуратно стал прощупывать контуры снаряда. Уже стал снимать первый слой почвы, когда Дик потянул его за штаны. Димка замер, понимая,что пес не напрасно волнуется. Оглянулся на собаку, ожидая увидеть, что Дик укажет новое место. Но Дик упорно тянул хозяина от обнаруженной мины, а потом снова подошел к этому месту и сел. Димка удивился:

- Дик, ты что, устал ? Ну отойди, отойди. Сейчас эту вытянем и отдохнем вот там, в тенечке.

Дик все также сидел, чуть тыкаясь носом в разрытый песок. Димка подтолкнул собаку и начал пальцами нащупывать взрыватель, как Дик вдруг коротко рыкнул и довольно ощутимо куснул его за ногу.

- Дик ! Сидеть ! - рассердился Димка, - Ты что, офонарел что ли ?

Дик оббежал вокруг заминированного места, сел напротив хозяина, лизнул его в нос и опять ткнулся носом в образовавшуюся лунку. И вдруг Димка понял в чем дело. Он даже похолодел от догадки. Очень осторожно Димка просунул пальцы под мину и легким касанием нащупал под ней другую, но уже не противопехотную, а противотанковую. Расчет духов был коварен и прост. "Ну, ладно, нарвался на противопехотную мину солдатик. Ну, убило его, ну еще одного - двух рядом стоящих-идущих, а вот если сдетонирует противопехотная, а от нее противотанковая - тут уж от всей души дров наломает. Тем более, что мины эти у самого входа в кишлак заложены. Пока шурави все предыдущие мины поснимают, ясное дело, устанут, внимание притупится, а тут, нате вам, подарочек с азиатской хитростью - изюминкой, ешьте гости дорогие. Только не обляпайтесь!"так рассуждал Димка, проворно обезвреживая мины. Закончил. Притянул к себе Дика, прижал его большую голову к своей груди, погладил, пошептал в ухо ласковые слова, попросил прощение за свою тупость. Дик вывернулся из рук хозяина, совсем по щенячьи взвизгнул, лизнул Димку в нос и бросился в тесную улочку кишлака как раз в тот момент, когда из-за дувала раздался выстрел. Димка охнул, схватился за правую руку и сунулся носом в землю, пытаясь

левой рукой стянуть с плеча автомат. Но тот только больно ткнулся мушкой в затылок. Второй выстрел грянул почти сразу и винтовочная пуля впилась в бедро левой ноги. Димка увидел, как Дик лишь не секунду выскочил из улочки, затем круто развернулся, взвихрив смерчик пыли, и исчез снова. Через несколько секунда Димка услышал еще один выстрел, крик ужаса

и боли, а затем хрип и стоны. В замершем в тишине кишлаке уже три дня как остались только старики, уже не способные держать оружие, дети, еще не способные направить его против шурави, женщины, благодаря которым могли выжить те самые старики и дети. После ухода моджахедов, с их согласия, старейшины сдали кишлак русским, сделав его договорным, чем купили себе покой на некоторое время, пока ушедший отряд не вернется назад, набравшись сил для борьбы с неверными. Поэтому в кишлаке стояла тишина. Люди попрятались за глинобитными стенами домов - ждали, когда войдут советские войска.

Одиночные выстрелы не смогли привлечь пристального внимания работающих саперов, тем более, что Димка в ответ не выстрелил.

Димка уже терял сознание, когда увидел рядом с собой окровавленную морду Дика.

- Ты что, ранен? - обеспокоено зашептал Димка, погружаясь в липкий обморочный сон, но все же ощупывая слабой рукой тело пса.

Уже ночью Дик помогал очнувшемуся Димке выбраться с разминированного поля, через которое они столько дней пробирались к кишлаку. Дик волочил хозяина за рукав, тянул за ворот гимнастерки, подставлял холку для опоры. Димка смутно помнил, как тянул за собой раненую ногу и руку, слабо передвигал вперед здоровое колено, опирался на него и валился вперед, тем самым чуть продвигаясь к маячившему далеко-далеко огню костерка. Дик, обессилев, жарко, тяжело дыша, ложился рядом, заглядывал в Димкины глаза, лизал его щеки, вскакивал, обнюхивал предстоящий путь и вновь тащил за собой Димку.

Близко к утру человек с псом добрались на расстояние слабого крика к расположению роты саперов. Дик, радостно залаяв, кинулся к часовому, обалдевшему от неожиданности, отбивающемуся от зубов собаки, которая тянула его куда-то в предутреннюю темень. Откуда-то выскочил командир роты и позвал:

- Дик. Дик, где хозяин? Веди!

Дик рванул назад, к Димке, с неохотой возвращаясь к кинувшимся за ним людям, словно досадуя на них за то, что ни черта не видят они в темноте, не говоря уже о том, что и нюхать-то не умеют, что доступно любому щенку.

Димка слышал, что к нему приближаются люди вслед за примчавшимся Диком. Когда Димку осторожно уложили на шинели и понесли к расположению роты, он тихо позвал:

- Дик! За мной!

Пес радостно взвился свечой вверх и принялся совершать

круг радости, взметывая под собой песчаную пыль. Димка с любовью смотрел на пса сквозь заслезившиеся то ли от боли, то ли от нежности к Дику глаза.

Взрыв!

- Ди-и-и-ик! - закричал Димка, больно ударяясь оземь, брошенный солдатами, кинувшимися на землю. Увидел Димка, как в середине внезапно выросшего уродливого в своей безжалостности куста кувыркнулось рвущееся на куски тело его любимца...

...После госпиталя Димка изменился. Он стал угрюмым и злобным. На предложение медицинской комиссии о возможной комиссации пробурчал только, что хотел бы остаться служить, но по-возможности в других частях. Желательно, в не очень известных, особого назначения.

Димка ожесточился. Против кого? Конечно против афганцев, умело подсказала пропаганда. Ведь мы несли на их землю только добро! Мы хотели им как хорошим друзьям помочь построить социализм!! Выйти в космос!!! Вместе строили бы будущее человечества - коммунизм. Был бы мир и добрососедские отношения...

А они враги! Это они, все они виноваты в том, что погиб Дик. Что идет война. Что гибнут хорошие ребята. Они - звери. Они пытают, издеваются, мучают! Нет! Звери хорошие и добрые. Духи хуже самых жестоких, самых лютых зверей! Их надо уничтожать!

Просьбу о переводе в осназ удовлетворили, и вскоре Димка оказался в роте капитана Багирова, гордо носящего кличку Смерть. Очень скоро рядом с той страшной кличкой зазвучала не менее весомо и гордо другая - Звереныш.

Угли ненависти димкина душа просила залить кровью врагов. И Димка, ослепленный мстительностью, вместе с другими бойцами стрелял, колол, резал, взрывал.

- Радуйся, Звереныш, погуляем завтра! - потирал руки Багиров, раскладывая карту, - вот этот кишлак завтра берем. Прячут и поддерживают группировку Максуда, гады! Ох и отомстим за ребят наших, за пса твоего отыграемся.

Назавтра, когда взятый кишлак уже горел, объятый пламенем со всех сторон, выгоняли на центральную площадь оставшихся в живых жителей, не оказавших во время боя никакого сопротивления, потому и выживших. Заставляли их же разложить трупы стариков и детей, женщин и моджахедов прямо на дороге, отгоняли к дувалам и Смерть, командовавший из БТРа, трогал машину с места, направляя колеса прямо на головы уже мертвых людей. Головы лопались под тяжестью подпрыгивающей на препятствиях, но неуклонно двигающейся вперед боевой машины.

Смерть, развернувшись в конце страшного ряда, направлял БТР на тела и уже кромсал руки, ноги, грудные клетки погибших.

- Не распускать нюни! - рычал проявлявшим слабость, - смотрите сюда! Всем смотреть! Пашку вспомните! А Гришаню-то помните? Это же они, твари, его живого пополам распилили. Что, забыли?! Мы к ним с добром, а они нашим уши обрезают! А-а-а-а... - уже хрипел Смерть, захлебываясь садистской злобой и утюжа окровавленными колесами остатки трупов рычал, - Кто мявкнет, своей рукой уложу предателя. Вместе с этими уложу, - кивал в сторону искромсанных тел, - Уложу ведь, а?! И скажу, шо так и було! А меня грохнут - Звереныш уложит. Да, Димон?! - и жутко хохотал, обнажая белые крепкие зубы.

Димка согласно кивал головой.

Впрочем, "мявкать" никто не собирался. В команду подбирались конкретные люди для конкретной работы, были единодушны, исполнительны, управляемы. Знали на что шли.

Смертники под командой Смерти сеяли смерть.

Перед дембелем Димка подал рапорт на сверхсрочную службу и собирался оставаться в Афганистане до полной победы социализма, но тяжелое ранение уложило его в госпиталь. Несмотря на его просьбы, его - таки комиссовали и отправили в санаторий для адаптапции и реабилитации.

Димка ожил, появилось желание что-то делать. Остались, правда, вспышки бешенного гнева при разговорах о неправедности той войны. В таких случаях Димку выручала... скорость. На подаренном отцом "москвичонке" он выезжал за город и на пустынных участках трассы "отыгрывался" на машине.

Вот и сегодня после работы, сцепившись с сотрудником, Димка распсиховался. Сотрудник со знающим видом стал доказывать, что советские солдаты тоже зверствовали в Афганистане, что так нельзя было. Поэтому душманов поддержала вся страна. "Знаток, мать твою! - заводился Димка, - и в армии-то не служил!"

Взбеленился Димка, почувствовал - нужно остыть, иначе беда будет, хотя и понимал, что прав этот чертов пацан, а смириться с этим не мог.

Долго носился за городом Димка, вспоминал Дика, Смерть, войну, мины, убитых друзей и афганцев.

В город въезжал уже успокоившись. Приветливо горели фонари на проспекте, машин было мало. Вечер-то поздний. Димка расслабился.

Именно в это время на середину дороги выбежала собака как две капли воды похожая на Дика. Димка помертвел, поэтому и не осталось времени для плавного торможения.

- Ди-и-и-ик! - разметалось, разнеслось среди жилых домов и рассыпалось осколками лобового стекла около толстого придорожного тополя.

Глава 11. Фатя и Тандем

Как только Жорка не вредил Федору!

Если за целый день не устроит никакой каверзы, хотя бы просто не обругает, считает - день прошел зря.

Эта неприязнь началась с первого дня знакомства. Черт его знает с чего! Скорее всего из-за детской стычки с деревенскими мальчишками.

Жорик - Георгий - истинно городской житель. Для него понятен шум широких проспектов, тишина и вдумчивость библиотек, грохот динамиков и безумство разноцветных прожекторов дискотек, парадность и праздничность концертных залов. Он легко разбирался в смысле и сущности классических произведений, любил таинственную узнаваемость любимых с детства музеев, с восьмого класса посвятил себя экзотическому спорту - каратэ и древневосточной философии. Выросший в интеллигентной семье, с детства получивший хорошее воспитание и знакомство с манерами высшего света, он с некоторой долей презрения относился к явлению, которое в России с незапамятных времен пренебрежительно называют "деревенщина". Георгий хорошо помнил те времена, когда он, городской мальчик, в черных шортиках, белой рубашечке, с обязательной бабочкой на тонкой шее, на чем непременно настаивал отец, появился в деревне у бабушки - маминой мамы. Помнил недоумение деревенских пацанов при появлении этакого бобочки на пыльной площадке перед сельпо, куда он бездумно - радостно побежал за страстно любимыми им ирисками "Золотой ключик". Мальчишки с величайшей радостью искатали его по земле, разбили нос, изорвали белую рубашечку, но особенно их раздразнила та самая бабочка, которую они с большим трудом сорвали-таки с него и прицепили на шею старого лохматого кобеля, напуганного не меньше самого Жорика и сбежавшего с места побоища с визгом и позорным лаем. К удивлению самого Жорика, он не убежал. Стоял в кругу разлохмаченных деревенских мальчишек, сжимая кулаки так, что ноготки впились в ладошки, хлюпая окровавленным носом. На шум драки и собачий визг из магазина выскочила толстая продавщица - тетя Зина, но не успела и рта раскрыть, чтобы разразиться басовитой руганью, как через дорогу быстро просеменила бабушка, раздвинула рукой уже испуганных ребятишек, схватила Жорика за локоть и потащила его домой, по дороге успев дать

подзатыльник одному-другому обидчику Георгия. Жорик хотел было подло - под защитой бабушки, - сунуть зуботычину кому-нибудь из них, но потом гордо вывернулся из крепкой бабушкиной руки, повернулся к пацанам и срывающимся от подступивших слез голосом тоненько выкрикнул:

- Мы еще встретимся... - и заплакал от переполнявшей его обиды.

Федор прожил всю свою 18-летнюю жизнь среди простых нравов сельского быта. С детства занятый тяжелым трудом, воспитывался в рачительной, прижимистой крестьянской семье тракториста и доярки больше по дедовским, чем по книжным законам. Дедовы законы гласили, что своя рубаха ближе к телу. Не такая уж древняя память о барах и помещиках хоть царского, хоть советского времени учила не делиться с чужими, - пусть сами зарабатывают, - крепко удерживать свое.

Крепкий сельский "бычок" сразу не понравился Жорику.

В минуты прощания перед посадкой в воинский эшелон мама благословила Жорика и, тайком от всех, надела ему на шею древнего серебра фамильный дворянский прабабкин крестик. Отец же скупо - сдержанно, высоко держа породистую седую голову, крепко пожал руку, и оба ушли, не опускаясь до того, чтобы показывать людям горечь расставания.

Георгий, с тоненьким оранжевым польским рюкзачком на спине, направился к вагону и стал невольным свидетелем того, как Федора провожал отец.

Не стесняясь никого, мужик в новом "спинжаку", полосатых брюках, заправленных в сапоги, хватая сопровождавшего офицера за рукав кителя, искательно заглядывал ему в глаза и упрашивал оставить сына служить где-нибудь поближе, с простой хитрецой повышая майора до звания полковника:

- Товарищ полковник, он у нас один. А хозяин, и-и-и! И за скотиной горазд посмотреть, и на комбайну тамошним летом вымпел и грамоту получил. Да вот, товарищ полковник, посмотрите! - и мужик торопливо зашарил в кармане пиджака огромной заскорузлой ладонью, но, увидев, что офицер уходит дальше, заторопился следом, махнув рукой на неубедительную грамоту. Следом шагал здоровенный детина и противно тянул, смущаясь и стесняясь:

- Ну, фатить, батя! Ну, фатя!

Жорик презрительно усмехнулся и забрался в вагон. В окно видел, как отец с сыном, когда офицер все же ушел, едва-едва затолкали в вагон чудовищных размеров фанерный, еще времен гражданской войны, чемоданище.

В дороге выяснилось, что в чемодане продукты, запасливо

уложенные материнской рукой своему "чадушке" в дорогу.

И "чадушко" весь путь до Ташкента чавкало, сопело, отдувалось, благоухая салом с луком и чесноком. Говорить ему было некогда. Только и ответил на вопрос, как его зовут:

- Федюнька!

А в ответ на предложение присоединиться к трапезе да поделиться деревенскими харчами, промолчал и через некоторое время опять засопел и зачавкал. Так, ни с кем и не поделившись, один и умял постепенно все содержимое.

Пацаны отнеслись к этому снисходительно-презрительно, только и отгоняя жующего Федора, подсаживающегося послушать песни под гитару:

- Вали отсюда, жлоб! Гляди, обожрешься и до места не доедешь! - В общем-то его не трогали - армия исправит...

Жорик, не понимающий такой жадности, полыхал благородным гневом:

- Боров! Сколько же он жрет! Да это же животное, а не человек!

Федор благодушно отрыгивал домашней колбасой, почесывал голову и в ответ только и говорил:

- Ну, фатит, ребя! Ну, фатя!

От этого искаженного "хватит" и получил свое прозвище. Никто не звал его по имени, только "Фатя".

Впрочем, самого Федора такая отстраненность и пренебрежение не смущали. Он даже не обижался, отчего создалось впечатление, что он еще и туповатый.

Когда попали в учебный полк, прошли курс молодого бойца, распределились по ротам, Жорик и Фатя попали в один взвод. Тут и Жорик получил свое прозвище. Перед отбоем болтали в курилке о гражданской жизни, об увлечениях. Жорик рассказывал о каратэ, чем давно интересовались в роте. Видели в первую неделю службы, как к Жорику пристали двое "черпаков", которых он уложил очень быстро и толково. На подмогу побежденным кинулись еще трое, но Жорик, умело уходя с линии атаки, ударами ног уложил и этих, праведным гневом дышащих борцов за армейскую иерархию.

Жорик увлекался и переходил еще к одному виду спорта, которым стал заниматься последний год перед призывом - велосипед.

Вот я и Фатя, как тандем. Только там на одном велике два гонщика ногами усердно крутят в одну сторону, а у нас Фатя в другую педали вертит!

Грохнули, посмеялись и Жору прозвали "Тандем".

Зная об отношении Георгия к Федору, их армейские

товарищи получили повод к бесконечным армейским розыгрышам, подначиваниям, грубым, порой очень злым шуткам, как бы действительно усадив их вдвоем на один велосипед, только спинами друг к другу, и заставляли на потеху вертеть педали - кто кого.

Хотя подыгрывать Георгий не собирался, получалось что-то вроде соревнования. Выведет Фатю из себя Тандем или нет.

Советчикам не было числа, и каждый изгалялся как мог.

Самыми мягкими солдатскими шуточками были налитые водой или мочой сапоги, гуталин в тюбике вместо зубной пасты, вынос крепко спящего Фати из казармы к туалету прямо вместе с койкой, портянка на лице храпящего Федора. Так что расползающаяся из вещмешка после прибытия в Афганистан пустынная нечисть в виде скорпионов, каракуртов и прочих тварей была просто милой усмешкой.

Ненормальность таких развлечений была вызвана грубым армейским бытом, войной, не терпящей сентиментальностей, непривычными условиями пустыни. Для многих эти развлечения были средством для отвлечения от тягот, у других - на большее не хватало интеллекта. Но все же, после первого рейда, донимания жестокого характера прекратились, все-таки автоматы всегда под боком.

Жора не принимал участия в этих развлечениях, но всегда интересовался душевным состоянием Фати, который с равнодушным спокойствием вне палатки вытряхивал вещмешок, отмывал сапоги и, начищая их гуталином из тюбика из-под зубной пасты, гудел добродушно:

Да фатить вам, робя!

- Ну, Фатя! - взвивался Георгий. - Ничего его не берет!

Георгий уже понимал, что Федор - натура цельная, с крепкими нервами, но никак не мог успокоиться и все думал, чем бы пронять этого "бычка".

Большим знатоком и любителем издевательских выдумок был Гусь. Именно он придумывал новые пакости, сам их подготавливал и сам же их исполнял. В общем-то Ванька Гусев был труслив, но, чуя поддержку со стороны авторитетного Тандема, старался услужить ему, понимая, чего добивается Георгий. Фатя же ни на йоту не менял своего добродушного настроения. Как все крупные люди он обладал редким спокойствием. Жорик знал такую породу людей и ждал, когда же переполнится чаша терпения Федора, и во что, в какой ураган выльется его гнев. Жорик с замиранием сердечным понимал, что это будет что-то грандиозное, и желал только одного, чтобы это свершилось при нем. Страшно хотелось вступить в единоборство

с Федором, ощутить его натиск и огромную физическую силу, чтобы, как надеялся Георгий, в полной мере ощутить вкус победы. А то, что Федор был необычайно силен, знали все. Он мог совершенно спокойно взвалить на свои крутые плечи "Утес" и тащить его в гору, да что там, с колена мог лупить из него очередями, только чуть краснея от натуги. Георгий, благодаря неприязни к Федору, тоже приналег на физо, подкачал и без того неслабые мышцы, но все же до "Утеса" было далеко.

В одном из рейдов случилось так, что Фатя и Тандем оказались в паре на прочесывании ущельица, ведущего к кишлаку. Через который недавно проскочил отряд духов. Георгий знал, что Федор хороший боец. Он одним из первых в роте получил медаль "За отвагу", чем подхлестнул Георгия, зацепив его гордость, и меньше, чем через месяц Георгия представили к награде "За боевые заслуги", которая досталась ценой огромного напряжения и риска.

* * *

Когда вошли в устье ущельица, Федор вопросительно глянул на Георгия, признавая в нем лидера. Георгий хотел было послать Федора вперед, но передумал и только махнул рукой: "Прикрывай!", сам пошел впереди, пристально поглядывая на обступавшие с обеих сторон камни. Федор крался следом, то и дело резко оборачиваясь назад, сторожко водя стволом автомата по пройденному пути. Дошли уже до середины, уже слышали журчание неширокой горной речушки, как Георгий не то услышал, не то почувствовал движение сверху, мгновенно отпрыгнул назад от шуршащего звука, толканул в грудь Фатю и, уже падая, засадил длинную очередь в источник тревоги. Фатя лежал рядом с Георгием, сосредоточенно разглядывая сквозь прицельную планку то место, куда стрелял Жорик, и удивление читалось на его лице. От какой опасности его оттолкнули? Георгий понял, что это была просто-напросто осыпь. Может, ящерица пробежала да своей лапкой камешек стронула, тот - другой, чуть поближе, тот - следующий. Вот тебе и источник шума!

Ладно, пошли! - проворчал Георгий, толкая Федора в плечо и не совсем справедливо добавил, - Что разлегся?

Фатя засопел, хотел сказать что-то, но промолчал. Пошли дальше.

Дошли до кишлака. Остальных пар не было, вот-вот должны были появиться. Георгий и Федор присели за большим валуном в тенечке. Сели так, что Георгий мог видеть кишлачок, а спиной к нему сидел Федор, разглядывая ущелье, из которого они только что вышли. Георгий, давясь, жевал безвкусную галетину,

размышляя, хлебануть воды или еще потерпеть. Фляга почти пуста, и так не хотелось брать воду из мутной речушки. Решил, что можно потерпеть. Сонный кишлачок, струящийся жарким маревом, нагонял сон. До еды ли здесь, по такому пеклу?

А вот Федор снял с плеч вещмешок, аккуратно развернул его, вынул банку тушенки, вскрыл ее двумя короткими рывками штык-ножа, отломив кусок черного хлеба и, продолжая наблюдение, принялся аппетитно жевать. Георгий представил, что там, в банке, на две трети жира и немного волоконец мяса, и его аж передернуло от отвращения. Хотел было поддеть, обозвать пообидней напарника, но сдержался, скрипнув зубами от нахлынувшей неприязни. Только покосился на блестящий от жира подбородок, да подумал: "Свинья..."

Сидели молча.

У Фати, как всегда, рот был набит едой, поэтому он крикнуть не смог, а, увидев стволы автоматов, невесть откуда выскользнувших троих духов, направленные на них, подскочил и, удивительно проворно метнувшись, даже не думая схватить автомат, принял в грудь очередь, собой прикрыв спину Георгия...

Духам не повезло. Казалось - вот она, добыча. Осталось вон того - одного, шлепнуть или взять в плен, на потеху. Но с горы ударили две двойки и уложили сынов Аллаха.

* * *

Нести Федора было тяжело, но Георгий никому не позволял помочь и тащил сам через бурную речонку, по кривым улочкам кишлака, донес до площадки, с которой их роту должны были забрать вертушки. Осторожно положил Федора на землю, устроив его голову себе на колени. Задыхаясь от жара и тяжести, разговаривал с булькающим кровью Федором:

- Федор. Федюня, как ты? Не молчи, прошу тебя, не молчи! Ты прости меня, Фатя! Прости!

Только на несколько минут Жорик отдал от себя Федора, пока санитар раздирал на том гимнастерку и обматывал его грудь бинтами, моментально набухающими кровью, густой и черной.

И в вертолете не отпускал от себя Георгий, сам, погрузил Федора на носилки, прикрыл его лицо краем серой простыни и, неожиданно, как в деревне у бабушки, заплакал от переполнявшего его страдания.

Побрел Жорик к своей палатке после построения. Навстречу ему Гусь понесся и торопливо зачастил, торопясь порадовать Георгия:

Цел? Слышали мы, досталось вам. Фатю бинтуют? Выживет. Сельские крепкие. Жалко. Прикол отложить придется. Я такое отмочил... Теперь-то он не выдержит, сломается. Ему письмо

пришло. Я конверт вскрыл, письмо в клочки разодрал и назад склеил. Представляешь, он - тупой - куски будет складывать! Во поржем!

Смысл слов плохо доходил до Георгия. Он машинально взял конверт, аккуратно надорвал его сбоку и высыпал клочки письма в ладонь. Ветер лениво выдул, понес кусочки бумаги, лишь самый большой клок Георгий успел ухватить.

Зазубренным лезвием по сердцу полоснули строчки, написанные неуклюжей, загрубевшей рукой: "сыночек дорогой... и Машутка плачет... "Ждем тебя, Федюнька, деньки считаем... вроде уже фатить..."

Жора медленно поднял голову и молча, как волк, тяжелой серой тенью кинулся на глупо ухмыляющегося Гуся...

Глава 12. "Невдалый"

Задиристый, белобрысый, маленького роста Игорь был первым забиякой и драчуном во всей школе. Стонали учителя, завуч, директор, побитые и униженные ученики. Усталая мать Матрена Карповна, старая, седая, неграмотная уборщица в школе только и слышала от педагогических работников: "А ваш...", "А Игорь...", при этом она съеживалась, становилась еще меньше ростом и худенькой ладошкой прикладывалась к сердцу. Директор беспомощно разводил руками. В колонию - мал, да и драки обычные, мальчишеские, неуголовного характера. Считались с тем, что мать растит Игоря одна, да и уборщицы в дефиците. Тем более, что Матрена Карповна, чтобы хоть как-то реабилитировать себя и своего сына со все большим старанием наводила порядок в школьных туалетах и коридорах, натирая до блеска старые стены и битый кафель с раннего утра до поздней ночи.

Дома Игорь получал нагоняй. Мать, пряча раздрызганные ботинки в шкаф, наказывала домашним арестом и горько вздыхала, хватаясь за больное сердце: "Невдалый, был бы отец, ужо всыпал бы ума через задницу. Сладу с тобой никакого! Вот вышибут из школы дурака, куда пойдешь?!" - и тихонько плакала при этом.

- А чо? В ПТУ, ясное дело, - зыркая исподлобья глазами, огрызался Игорь, дожидаясь того момента, когда мать уйдет на кухню или на рынок за жалкими продуктами, чтобы своим, давно уже подобранным ключом от шкафа, достать ботинки и умчаться на улицу к дружкам, с которыми и покурить, и подраться, и деньжат у киношки "Октябрь" у тех, кто потрусливей, натрясти.

В ПТУ.... Как светлого дня ждали, когда закончит он восьмой класс. Все сделали для того, чтобы не остался в девятом, к тому

же и на второй год оставался дважды в пятом и седьмом.

На одногодичном обучении в ПТУ Игорь развернулся во всей полноте своей натуры. Теперь уже стонали мастера, весь курс, район, в котором находилось ПТУ, и появилась непременная спутница - финка в рукаве засаленного пиджака. Игорь изменил внешность: оброс длинными волосами, стал носить широченные клеши, украшенные по вырезам разноцветными маленькими лампочками, включающимися вечером от батарейки в кармане. Стал выпивать - когда сколько. "Под настроение, - как он сам говорил. - А чо?".

Однажды случилась страшная драка с соседним ПТУ.

...До суда дело не дошло. Военный комиссар в разговоре со следователем пообещал через неделю забрать пацана по призыву и посодействовать тому, чтобы попал Игорь в самую горячую точку...

- Невдалый, - горько плакала Матрена Карповна. - Не посадили, так ведь убьют дурака-то, достукался, дубина!.. - и нежно гладила сухими пальцами затылок с непокорными коротко остриженными волосами.

- А чо! - вскидывался Игорь. - И в тюрьме люди сидят. А в Афгане орден заработаю, в люди выбьюсь, небось все и простят.

...Связанному Игорю не выкололи глаза. Он видел, как духи, радостно гогоча, подбадривали выкриками молодого, лет шестнадцати мальчишку, когда он отрезал Шурке Сычеву половой орган и ему же, еще живому, засовывал его в разжатый тем же кинжалом рот, полный крови и каши из битых зубов. Потом самый старший из банды, взявшей в тяжелом бою блокпост, притащил ржавую двуручную пилу, перепилившую многие кубы сушняка и досок в зимние холода, что согревали наших солдат, вырываясь ясными языками огня из тесной буржуйки.

- Сожгут, суки! - подумалось Игорю, - вот щас, дров напилят и сожгут к... матери, - и прикрыл истерзанные виденным глаза.

Но нет, не собирались духи ни пилить, ни тратить столь драгоценное для Афганистана топливо. Они, начиная с линии ягодиц, распили на две части извивающегося под навалившимися на него горячими вражьими телами Гришу Скобина. Стонали мученической смертью погибавшие ребята, потихоньку с ума сходил все видевший, крепко связанный за локти, обгадившийся от ужаса Игорь.

Из обрывочных знаний афганского языка, да по ломаному русскому, догадывался Игорь сквозь горячечный красный гул, что обращается этот гадский голос к нему:

- Смотри, шурави, смотри внимательно, расскажешь, что видел. Аллах тебя выбрал, живой останешься, всем расскажешь,

что видел. Скажи, чтобы убирались с нашей земли, другим - страшнее смерть сделаем. Не мы, так наши дети! - и духи при этом горделиво цокая языками, тыкали пальцами в молодого парня, чудовищно окровавленного, с широкой улыбкой. На груди молодого духа висело два ожерелья. Одно, видимо, надетое на шею матерью "на удачу, бей неверных!" - цветного бисера, другое... Другое... На другом были нанизаны как сушеные грибы - уши. Человеческие уши. И не было секрета чьи, потому что в ожерелье тут же были добавлены новые, кровавыми бисеринками сочащиеся.

Вдалеке уже раздавалось раздраженное тарахтенье вертушек, запоздало пришедших на помощь вырезанному блокпосту в приграничном с Пакистаном кишлачке. Мощно рвались на окраинах погибающего селения первые снаряды НУРСЫ, когда молодой душман наклонился над Игорем, разрывая на нем штаны для бесчестья мужского, для надругательства. Ярко взметнулся разрыв за близким дувалом, как раз тогда, когда Игорь нащупал за спиной у края бетона блокпоста невесть откуда попавшую гранату и сжал ее слабой обескровленной рукой. Дух, торопясь завершить дело, чтобы успеть за уходившими старшими товарищами, наклонился опять над Игорем, и цветной бисер и сушеные раковины ушей ткнулись солдату в лицо, и ударил Игорь слабой рукой с гранатой прямо в висок афганскому мальчишке, разом обмякшему и обнявшему шурави. Игорь еще успел дернуть кольцо и швырнуть в спины духов, но подвела неловкость стянутых локтей, да мешавшее тело то ли убитого, то ли без сознания лежавшего на нем. Упала спасительная граната рядом с ногами Игоря... ВЗРЫВ... Забытье...

Обе ноги и левую руку отняли в госпитале. Долго проходил курс реабилитации и привыкания к новому способу передвижения - на красивом, блестящем никелем, кресле с маленьким электрическим моторчиком, включая пальцами рычажки на правом подлокотнике из мягкой кожи.

Чин чином доставили к матери, наградили обещанным орденом Красной Звезды за солдатский подвиг и... забыли. Да ладно только о нем - об Игоре забыли. Наверное в спешке, забыли оставить то замечательное заграничное чудо с блестящими колесами. Теперь Игорь передвигался на тележке, что притащила соседка - тетка Марья, раньше отчаянно ругавшая соседского мальчишку за его проделки и проказы. Теперь же, потихонечку причитавшая и плачущая, достала из глубин кладовки и притащила наследство, оставшееся от мужа - забулдыги и пьяницы железнодорожника Степана, давно уже умершего деревянную тележку. Обучался Игорь ремнями пристегивать

культышки ног и с помощью деревянного "утюжка" отталкиваться от ставшей вдруг близкой земли. Вся сложность была еще в том, что управляться нужно было одной рукой, перебрасывая руку то влево, то вправо, делая при этом одинаковой силы толчки, чтобы не юлить, не дергаться по асфальту, а ехать "прилично", ровно.

На два-три вечера приглашали в родную школу пионеры. Но Игорь, начиная рассказывать, за что получил орден, волновался, впадал в истерику и невменяемо кричал в торжественный зал, потрясая истертым "утюжком":

- Вы... Вас... Долг, вашу мать...

И приглашения прекратились, тем более, что в последний раз в школе Игорь запустил в портрет Горбачева "утюжком", прорвав его наискосок, чем вызвал неслыханный переполох в маленьком городке и скандал в райкоме своими словами, обращенными к очередному генсеку:

- Может быть и ты меня туда не посылал?..

Металась почерневшая от горя мать, выручающая, забирающая сына из вытрезвителя:

- Невдалый, опять дел натворил...

- А чо! Я ветеран, заслужил!

Игорь опускался и спивался.

Тихо сидя на своей тележке, ждал в углу пивной, пока оставят на столах недопитые кружки, подкатывал ловко к столикам и сливал недопитки в одну. Бывало, какой жальчивый мужик наливал стакан портюхи, бывало и водка перепадала. Насосавшись, вкривь и вкось, словом "неприлично", как он сам называл свою пьяную "походку", катился Игорь по тротуару и громким треснувшим голосом орал:

- На два отрезка разрезал жизнь мою.

Холодной острой бритвой Гиндукуш..., - или еще чаще:

- Батальонная разведка, мы скучаем очень редко,

Что ни день, то снова поиск, снова бой...

Его не трогали - калека - и, сочувственно смотрели вслед. Дома мать отстегивала его бесчувственное тело, легко поднимала укороченного своего ребенка и, плача, укачивала его на коленях, сидя на старой металлической кровати.

Вызывающий отвращение и брезгливость видом и запахом Игорь перекочевал на железнодорожный вокзал. Собирал бутылки, опять же допивал из них, сдавал приемщику со служебного входа, для скорости, не по двенадцать, а по десять копеек, покупал дешевого вина и напивался, глуша, заливая страшную, не утихающую боль души, притупляя картину пыток, сотворенных над его товарищами и над ним, вечно стоящую перед глазами.

Если день был удачным, хмель притуплял, глушил воспоминания. Если охмелеть не удавалось, Игорь не покидал вокзал, пока не получалось "настрелять", выпросить мелочи на "бормотуху".

...Из подошедшей электрички вывалила "компаха" и, брякая награбленными в ночных вагонах медяками, цепочками и заклепками на кожаных штанах и куртках, направилась к зданию вокзала. Парни были не местные, и для них это было развлечением, полнотой жизни, удальством и ухарством. Молодые, лет по пятнадцать-шестнадцать, с волосами-гребнями на прыщавых выбритых головах, они никого и ничего не боялись, уверенная в своей силе стая шакалов, которая иногда нападает на льва.

Для Игоря день был неудачным. До самой ночи не удалось захмелеть. Так, жалкие полстакана "Осеннего сада" обломились у Сереги-грузчика. И покатил Игорь навстречу приехавшим парням.

- Эй, молодые! - крикнул он, торопясь догнать уходивших в вокзал парней. Да погодите, пацаны! - еще громче закричал Игорь.

Они обернулись удивленно и радостно гогоча, кольцом обступили сидящего на тележке Игоря.

- Гля! - радостно заорал один из них, - Обрубок! - повел глазами на друзей, чувствуют ли весь юмор ситуации, - Он еще и говорить умеет!

Компания заржала. Затлели огоньки папирос, по обезлюдевшему перрону потянулся приторный запах анаши. Игорь жадно сглотнул слюну:

- Пацаны, дайте косячок, так, догнаться разочек по старой памяти! - сквозь пропитое сознание рвалась гордость, но давило его ожидание возможного скорого кайфа.

- Пош-ш-шел ты! - надвинулся на него главарь компании. - Кто тут тебе молодой, а?! Где ты тут, обрубок вонючий, пацанов увидел?

Глубоко затянулся из "штакетины" главарь и, нагнувшись, выпустив струйку маслянистого дыма прямо в лицо Игоря уже спокойным, но с глубоким глумлением в голосе спросил:

- Мослы-то свои где кинул?

- Там, где ты, ссыкун, был бы тише воды, ниже травы, - все же выплеснулась ярость инвалида.

- Ссыкун, говоришь? Может быть ты и прав.

- Во, дает! - зашлась в кривляющемся хохоте компания, - А ну, Дюдя, опохмели его!

Главарь ухмыльнулся, не торопясь выпрямился, расстегнул молнию кожаных обтягивающих штанов, и Игорь почувствовал, не

сразу поняв, что в лицо бьет вялая струя мерзкой мочи, норовя попасть ему в сжатые губы, в глаза.

- Га-га-га! - разнеслось радостно по ночному перрону.

- Вот ты и догнался, обрубок! - глумилась кодла. - Не борзей, урод, вежливо разговаривать с людями надо. Чо, мама не учила, что ли?! А то ссыкун, ссыкун...

Главарь, застегнув ширинку, наклонился к Игорю и негромко сказал:

- А теперь вали отсюда, козлина, если вообще когда-нибудь догоняться хочешь.

На доли секунды яркой ослепляющей вспышкой, осветившей небольшую площадку в афганских горах, со зверски замученными офицерами и солдатами блокпоста, с твердым шероховатым бетоном под спиной, с ребристой гранатой, зажатой в слабой ладони, полыхнуло Игорю в глаза свесившееся с шеи главаря бисерное ожерелье, повешенное на его шею "для понта", черт его знает, чьей сучьей рукой... На доли секунды... Но этого хватило для того, чтобы Игорь увесистым новеньким "утюжком" сильно двинул подонка в висок.

На допросе у следователя парни, подрастерявшие гонор, дали показания, где, как, каким образом раздобыли бензин. Фотографии заживо сожженного Игоря, подвешенного проволокой через толстую ветку огромного тополя в привокзальной лесополосе за уцелевшую руку, произвели на них сильное впечатление. И все же основную часть вины они пытались переложить на мертвого главаря Дюдю, анашу, неприязнь к бродягам и нищим, и постоянно подчеркивали свое несовершеннолетие. Когда следователь пытался вызвать в них хоть какие-то человеческие чувства и сказал, что Игорь был искалечен в афганской войне, один из кодлы как-то буднично сказал то, что частенько слышал от других:

- А чо! Мы его туда не посылали!

...Пронзительно-хриплыми волнами плыл над городом голос Розенбаума:

- В Афганистане, в "Черном тюльпане"...

Под скорбное сопровождение тех слов несли короткое изуродованное Афганом и кодлой тело воина-интернационалиста Игоря Мухина в маленьком, несерьезном каком-то, трагедии закрытом гробу. Перед гробом несли несколько алых подушечек с наградами, а за гробом, еле передвигая ноги, вцепившись друг в друга птичьими с синими венами руками, шли две соседки - мать, Матрена Карповна, и соседка тетка Марья...

Глава 13. Сестра

Елена Федоровна потеряла зрение лет восемь тому назад в результате аварии на химическом заводе. Долгое лечение не только не дало пользы, но и подорвало и без того слабое сердце. Малейшее переживание могло свести ее в могилу моментально, а вот приятные маленькие волнения врачи даже рекомендовали. Положительные эмоции в жизни нужны и полезны любому человеку.

Поэтому перед входной дверью в квартиру Ирина вытерла слезы, постаралась успокоиться и, загремев ключами, пошла в прихожую. Почти не фальшивя, с радостными интонациями крикнула в комнату:

- Мама, это я!

- А, доченька! Поздновато что-то ты сегодня. Все в порядке?

- Да. От Севушки письмо пришло. Держи. Сейчас прочитаю

Глядя в пустоту незрячими глазами, Елена Федоровна приняла в протянутые дрожащие руки конверт. У слепых людей взамен утерянного зрения обостряются все остальные чувства, и, пока Ира умывалась, приводила себя в порядок, мама ощупывала, гладила чуткими ладонями плотный прямоугольник, вдыхала исходящий от конверта еле уловимый запах гуталина, табака, внутренне сожалея: "Вот ведь, сынок, а обещал, что курить не будет!", солдатской кирзы, грубого шинельного сукна и еще чего-то, от чего в сознании возникало слово "армия".

Севушка - Всеволод - младший сын Елены Федоровны, призванный год назад осенью в армию. Ира, читая письма, говорила, что приходят они из Германии, из местечка, название которого трудно запоминалось. То ли Нейстрелиц, то ли Нейштрелиц. Письма подчеркивали и настаивали на этом месте службы, и Елена Федоровна верила, что все так и есть. Письма приходили, как и обещал Сева, всегда пунктуальный, точный, один раз в месяц. Это тоже было связано с опасением за жизнь матери. Нельзя было ее волновать. Она чуть не умерла, едва спасли в кардиоцентре, когда полгода назад письма не было почти два месяца.

Ира вошла в комнату, взяла у матери конверт, распечатала и начала читать. Текст был рядовой, обычный. Что в основном интересует и может порадовать мать? Жив ли, здоров? Как кормят? Не обижают ли? И письма пытались радовать, рассказывать о том, что была хорошая солдатская банька, шло подробное описание солдатского харча, с длинным перечислением продуктов, которые на ту пору встречались не во всех магазинах - Германия все же!, о том, что ребята хорошие, дружные, командиры внимательные и заботливые...

Смеркалось, в комнате стало темней, и Ирина включила

яркий верхний свет.

Чтение писем стало традицией, почти обрядом в этой маленькой семье. Елена Федоровна слушала внимательно, старалась запомнить текст письма, радовалась за сына. Некоторые места прочитывались дважды. Привычно, в только одному Севе присущем стиле, шло описание солдатской жизни.

Продолжили чтение, и Ирина радостно вскрикнула:

- Ма! Севе присвоили звание сержанта!

В другом месте письма расхваливалась посылка, которую месяц назад мать отправила Севе. Но "присылать больше не надо, ничего не надо, потому что у нас здесь все есть..."

- Ну вот, видишь, - радовалась Елена Федоровна, - а Кузнецова говорила, что ее сыну в Германию посылки не доходят! Вот заглянет, я ее порадую. Ты не знаешь, Ирочка, она не заболела? То часто заходила, а то вот уже почти полгода нет.

- Я уж говорила, мам, - отвела глаза Ирина, - она к дочери на Север уехала пожить, пока Генка в армии.

Письмо оканчивалось обычными поцелуями, пожеланиями здоровья, приветами друзьям и знакомым.

Пока читали, за окном совсем стемнело. Осенний ветер постукивал сучьями старых тополей за окном. Поужинали. Ирина прибрала, помогла матери умыться, уложила ее в постель:

- Мам, ты спи, я не надолго.

Что ж, дочь взрослая, нужно устраивать личную жизнь.

Ира вышла из дому, дошла до неподалеку от них расположенной воинской части и стала ждать. Через проходную проскочил рядовой, подбежал к девушке:

- Привет!

- Привет! Принес?

- Да, бери, только быстро, а то сюда дежурный по части идет.

- Все, удачи, я побежал, - у КПП обернулся и крикнул; - Ир, ты, если что, приходи еще, поможем. Да, и еще. Сержант может быть заместителем командира взвода, и вилок солдатам не дают, все ложками лопаем. Ну, пока, - махнул рукой и скрылся в ярком прямоугольнике проходной.

Ира вернулась домой, заглянула к проснувшейся матери:

- Мам, я дома, спи.

- Ирочка, ты письмо Севушке напиши.

- Да, мама, прямо сейчас и сяду.

Пока Ира приготовила место на кухонном столе, переоделась в домашнее, Елена Федоровна заснула. Ирина заглянула в комнату матери, чтобы выключить свет и посмотрела в лицо спящей. Подумала о том, что врачи не дают больше года при таком сердце, даже если уход будет идеальный и лекарства самые

современные. Сильно сдала мама. Если бы знала, почему Кузнецова перестала заходить!

Поправляя одеяло, увидела конверт с письмом, зажатый в руке матери. Елена Федоровна улыбнулась во сне и губы, едва шевельнувшись, позвали тихонько-тихонько:

- Севушка!..

Ира прошла на кухню, села за стол. Развернула тетрадку с вложенным в нее солдатским конвертом без марки, принесенную ею из военной части. Выдернула аккуратно двойной листочек и, вздохнув, начала писать:

"Дорогая мамочка и сестренка моя, с солдатским приветом к вам ваш сын и брат Всеволод Авдеев!"

И дальше текст письма сообщал в только одному Севе присущем стиле, что служба идет хорошо, что он теперь уже годок, что недавно его назначили заместителем командира взвода, а в прошлые выходные замполит возил их на автобусе в Дрезден на экскурсию. Ирина старательно описывала Цвингер-дрезденскую галерею, о которой специально читала в читальном зале Краевой библиотеки.

Письмо ладилось, и только дойдя до места: "вот хохма-то, давно хотел вам написать, что в столовой и первое и второе едим ложкой, а в Дрездене зашли в гаштет - это кафе у немцев так называется - а там вилки и ножи, так я...", Ира остановилась, дала передохнуть уставшим пальцам и глазам. Вспомнилось ей, как сама-то, старше брата на два года, водила его, пятилетнего мальчишечку, за руку в парк гулять, кататься на аттракционах. Какой белоголовый, хороший, послушный мальчишка был Сева. Как хорошо они дружили и любили друг друга, прямо как в сказке про братца Иванушку и сестрицу Аленушку. Вспомнился совсем пацан, стриженный наголо, с оттопыренными ушами и тонкой шеей, какой-то беззащитный в своей детскости, призывник Сева, растерянно, смешно приникнувший к окну вагона сплющенным о стекло носом, и его голос на перроне, на прощанье сказавший: "Не грусти, сестренка"

Протянув руку, Ира достала из-за картины, висящей на стене, маленький серый казенный бланк. В который уже раз прочитала сообщение о том, что на шестом месяце службы рядовой-десантник Авдеев Всеволод Георгиевич - пропал без вести во время выполнения интернационального долга на территории Демократической республики Афганистан. Не пропал Сева, а погиб от взрыва мины, и разнесло его бедного в клочья, почему и сообщили, что пропал. Только Генка Кузнецов, друг Севы, рассказал все Ирине, жутко плача пьяными слезами, глухо и страшно пристукивая протезами ног об пол этой самой кухоньки,

когда Елена Федоровна лежала в кардиоцентре.

- Ведь вот он, Севка, передо мной бежал. Брали мы тогда кишлачок один под Баграмом. Суки-духи плотно били по нам из минометов из-за дувалов. Видел я, откуда бьют. Кричал Севке, чтобы брал левее, там дыра в дувале была, можно было оттуда падлюк достать. Да куда там! Они стреляют, мы стреляем. Грохот... Тут-то и взрыв, прямо под ногами Севки... - умолк Генка, налил неверной рукой стопку водки, проглотил:

- Как рвануло! Я смотрю, ищу, а Севки нет нигде. Потом второй взрыв, ноги мне до колен - в кашу, - Генка тяжело вздохнул и протянул Ирине медаль покореженную "За отвагу", - это его, Севкина...

Ирина зажала в кулак медаль, уткнулась лицом в руки, лежащие на тетрадях, тонко пахнущих гуталином, кирзой, табаком и еще чем-то неуловимым, и горько беззвучно заплакала.

Глава 14. Тварь

Крепко спит Андрей, сквозь сон смутно чувствуя, что что-то тревожит его, не дает полностью погрузиться в сладкие ночные грезы. Вздрагивает, понимая, что чей-то взгляд сверлит его ненавистью и злобой. Осторожно Андрей переворачивается на спину, открывает глаза и цепенеет от ужаса. Низкий брезентовый потолок нависает над ним, но не это пугает Андрея. С провисшего палаточного полога, уцепившись суставчатыми лапами - когтями, свисает прямо над лицом огромный скорпион. Неуловимо быстро насекомое протягивает клешни к голове Андрея, впивается ими в лицо и приближает к шее мерзкое жало с каплей яда и смотрит немигающим взглядом равнодушной злобной твари в остановившиеся от страха глаза человека...

Какое нехитрое развлечение - бродить по залам краеведческого музея, глазеть на всяческие диковинки, предметы быта стародавнего, такие смешные, трогательные. Любоваться красотой природы, пусть даже такой - заспиртованной и засушенной.

По воскресеньям, когда родители заняты накопившимися за неделю и отложенными до выходных делами: стирка, генеральная уборка, готовка пищи на следующую неделю, они сами выпроваживают детей на улицу:

- Иди-иди, погуляй. Сходи с друзьями куда-нибудь. Ну что дома-то сидеть!

Занятие найти не трудно, даже в маленьком городе. Библиотека, кино, парк с аттракционами, да мало ли куда можно пойти. Но все это хорошо, когда тепло, а вот зимой здорово по городу не погуляешь, на лавочке не посидишь. Зато в музее и

тепло, и интересно.

Андрей жил в этом городе недавно и ему очень нравилось знакомиться с необычными особенностями нового для него края. С недавних пор Андрей ходил по залам музея не один. Теперь он проходил вдоль витрин, сжимая осторожно хрупкую ладошку любимой девушки. Посидев в кино, побродив по заснеженному городу, Андрей и Ленка заходили в музей. Прелесть! Начиная от встречающего их на втором этаже лобастого чучела зубра, заканчивая немецким шестиствольным минометом. Андрей ахает, удивляется, слушая Ленкины рассказы, лукаво посматривает на лицо девушки, воровато оглядываясь по сторонам, и если в зале они оказываются одни, Андрей целует Лену. Ленка дурачится, балуется и ведет Андрея к единственной экспозиции, которая восторга у него не вызывает.

- А теперь... Мы пойдем... - загадочно начинает Ленка, - и посмотрим...

- Ну, Аленушка, ну, перестань. Не могу я...

- На бабочек, на бабочек, - заканчивает хитрая Ленка.

- Да, прошлый раз ты тоже говорила "бабочки, бабочки", - не верит наученный опытом Андрей, - А там - скорпионы!

Ленка тихонько хихикает, вспоминая, как шарахнулся от выставки с насекомыми Андрей.

Андрея, еще маленького, ударил своим жалом крупный скорпион. Это было в Средней Азии, где семья Андрея жила по месту службы отца - офицера. Серьезных последствий не было. Быстро помогли медики из гарнизонного госпиталя. Но Андрей никак не мог забыть, как потянулся ладошкой к интересному забавному насекомому, чтобы погладить его колючую спинку, пожалеть за то, что все его не любят, давят сапогами и не разрешают играть с ним. Скорпион затих на потрескавшемся асфальте, расставил пошире членистые лапы, загнул к спинке хвост с жалом-крючком на хвосте, заметив приближающуюся к нему, сначала в виде тени, а затем - ненавистной человеческой руки, опасность. Как только рука человека приблизилась, почти касаясь панциря, скорпион метнул свой хвост, моментально пронзил жалом нежную кожу ребенка, вспрыскивая под нее яд, и как только рука отдернулась, тварь тут же исчезла в одной из многочисленных трещин. С тех пор Андрей видел в кошмарных снах скорпионов, а уж чтобы самому подойти к витрине музея и любоваться этой мерзостью было выше его сил.

- Пошли, пошли, - тихонько смеялась Ленка и волочила за руку упирающегося Андрея к галерее.

- Надо, Андрюшенька, волю воспитывать. Такой здоровенный, а букашек боишься! И это - мой мужчина!

В эти минуты Андрей почти ненавидел Ленку. Ему хотелось оттолкнуть ее от себя, наговорить гадостей, только чтобы не идти к этой чертовой галерее, в которой были выставлены насекомые.

- Ладно, Андрюшенька, если подойдешь к витрине, я тебя поцелую, - смеялась Ленка.

Собрав всю волю в кулак, Андрей делал шаг к стеклу, за которым в коробочках, в ярком свете, лежали засушенные твари, открывал глаза, и его плечи передергивались от отвращения. Он отступал назад и угрюмо уходил в другой зал. В такие минуты обещанная девушкой награда не радовала Андрея. Лена подходила к нему, нежно обнимала и целовала в перекошенные губы. Андрей вздрагивал, невольно защищаясь от прикосновения твари, стоящей перед глазами, и только мгновение спустя успокаивался. И такой он становился растерянный, жалкий, беспомощный, что Ленка с каким-то еще неведомым ей материнским чувством прижимала его склоненную голову к своей груди и целовала в макушку. Затем она брала Андрея под руку, и они уходили в другие залы. Пропуская девушку вперед, в дверях Андрей косился на галерейку и, бормоча с отвращением: "Тварь! Вот же тварь, а...", торопился поскорее уйти.

Через некоторое время Ленка начинала ехидничать:

- Как же ты служить-то будешь? А если в пустыню зашлют?

- Не, я с тобой в институт поступлю. А если провалюсь - в морфлот проситься буду.

- С ума сошел! Там же на год больше служить! А если не дождусь?! прищуривалась Ленка.

- Ты... - совсем подавленно замолкал Андрей.

- Дождусь, дождусь! - смеялась Ленка, успокаивая помрачневшего Андрея, Ты что? Я же люблю тебя!

Надо же было такому случиться, что и экзамены Андрей с треском провалил, и служить по призыву именно в пустыню отправили.

Кого интересовали его страхи? Призывную комиссию? Чихать они хотели на его страхи! Для них важно одно из двух - "годен - негоден".

- Годен!

Стальная, непробиваемая государственная воля, которую называют "почетная обязанность", подкрепленная понятием "интернациональный долг", как песчинку подхватила Андрея. Не обращая внимания на его желания и страхи, ураганом проволокла через воинский эшелон, курс молодого бойца, спецподготовку и шмякнула в море таких же песчинок на юге неведомого Афганистана настолько быстро, что, казалось, еще вчера звучала песня сидящих на перроне с мешками коротко стриженных

парней:

- Нас провожали, как обычно, на перроне

И на прощанье обещали: "Будем ждать!"

О назначеньи мы узнали лишь в вагоне,

Еще не зная, что придется испытать...

- Буду ждать, буду, буду! - заверяла ревущая Ленка, уткнувшись шмыгающим носом куда-то в шею Андрея.

Плакала мама, а отец просил не посрамить чести военного и часто отворачивался, смахивая с глаз невидимые никому слезы.

Ленка...

Накануне, из-за пьяного дыма проводов, неотвязных родственников им толком и поговорить-то не удалось. Никак было не избавиться от перебравшего дяди Коли, который насильно усаживал за плечи рвущегося к Ленке Андрея, и в который уже раз пьяно кричал:

- Племяш! Главное - не ходи туда, куда тебя старшина посылает! Не спеши выполнять приказ - вдруг его отменят! - и сам же гоготал над своими шутками.

Андрей верил, что Ленка дождется, еще и потому, что он у нее был первым мужчиной.

Из-за сальностей по этому поводу он даже поругался на проводах со своим дружком Генкой.

Только мысли о Ленке, воспоминания о ней и надежда на будущее примиряли с тяжестью службы, отгоняли страхи, позволяли забыться.

Душу отводил Андрей в разговорах с земелей. Земляки, да еще и из одного города! Это вам не два лаптя по карте! Да еще и в такой далекой враждебной стране. Так что такой земеля это уже почти родственник. Что от родственника скрывать?

Серега рассказывал и о себе, не стесняясь открыть душу Андрею. А Андрей поделился своим. Вспоминал, как горячими ночами Ленка говорила слова любви, что только для него одного купила настольную лампу с зеленым абажуром и только для него включала ее, выставив на подоконник своей кухни. Зеленый свет из окна первого этажа далеко виден, но не это главное. Означало это, что мать Ленки вновь уехала в Москву в командировку, и что Андрея с нетерпением ждет его Мечта, его Любовь, его Божество.

- И хитрая же девчонка! - хмыкал Сергей. - Поди, догадайся, к чему свет-то зеленый! Надо запомнить!

- Эх, Серега! Умная, красивая, нет другой такой девушки для меня. Отвернется если - жить не захочу! - горячо вздыхал Андрей. - Боюсь я, Серега. Дружок мой, Генка, знаешь, девчонок переменил? Жуть. Он мне вот что говорил...

Серега вскидывал брови, и Андрей делился своей тревогой:

- Где-то вычитал Генка, что.... как там, - Андрей морщился, вспоминая Генкины слова, - а, вот.., что девушка, дающая до свадьбы задаток, потом раздает товар свой всем и даром, - Андрей в отчаянии махал рукой, - а он, зараза, знает. Опытный. Говорит: "Распечатал девочку, так и знай, уже не остановится!". И подкалывает: "Сам ты сладенькое узнал? Что? Плохо? Больше не будешь? То-то! А ее на два года бросаешь одну. Она же живая, значит, очень скоро захочет". Мы с ним чуть не подрались. А теперь сам думаю и боюсь, а вдруг и правда?!

- Да ладно, чего ты начинаешь! - неуверенно успокаивал Серега, - Разные девчонки бывают. Дождется! - и, подпалив, сделав две-три затяжки, передавал папиросу с анашой, - На, дерни. Успокаивает.

Тревога Андрея была вызвана еще и тем, что после первого полугода службы письма от Ленки стали приходить реже и реже. Родители писали об общих вопросах, о гражданской жизни. О Ленке - ни слова. Как-то раз мама в ответ на одно из сумасшедших писем Андрея сухо и скупо написала, что Ленка очень занята учебой.

Чувствовалась неохотность этой приписки, и Андрей запсиховал. Огорчался, злился, ревновал и подозревал самое для себя худшее. В рейдах пер на рожон, старался быть впереди, ничего не боялся, кидался в самую гущу событий в надежде получить отпуск, попасть домой, узнать, что же происходит с Ленкой. И только через год узнал.

Случилось. Но не только то худшее, чего боялся Андрей, а еще страшнее.

Андрей получил письмо от Генки. Верный друг сообщил, что не писал от того, что боялся - Андрей не поверит. Тем более, что год назад из-за Ленки же и поругались. Но молчать больше не может.

Один из старшекурсников мединститута не только соблазнил Ленку, но и приобщил ее к наркотикам - посадил на иглу. Привыкание оказалось настолько быстрым, а зависимость настолько сильной, что через полгода Ленка дошла до состояния, при котором за очередную дозу ложилась под любого. А верный знак ее и Андреевой любви - лампа под зеленым абажуром - светит теперь любому, посвященному в Ленкину зависимость.

С болью в сердце, отказываясь верить, Андрей прочитал письмо, но сообщение о лампе убедило его бесповоротно в происшедшем.

Ни стреляться, ни вешаться Андрей не стал. Хотя мысли об этом и приходили в его измученную голову, но Андрей недавно был свидетелем подобного случая.

Месяц назад из отпуска пришел красавец сержант Вовка Кривцов. Вернулся какой-то квелый, малоулыбчивый, в отличие от себя прошлого, неунывающего, пышащего здоровьем и уверенностью. Провожали его в отпуск всем батальоном. Раздобыли и привели в порядок форму, натащили солдатских значков отличия: "Отличник Советской Армии", первый разряд классности, 1-я ступень ВСК, новенький гвардейский знак, "Парашютист-инструктор", Вовка надраил до солнечного блеска и без того новенькую медаль "За Отвагу". В общем, новенькой копеечкой уезжал Вовка из части, а вернулся ржавой железякой. Сбрил густые усы, за которыми даже в рейде ухаживал, часто расчесывая их специальной щеточкой, подстригся налысо, снял с груди медаль и ходил по части как-то серо и незаметно. Однажды ночью, после длительного рейда, в палатке все спали, что называется, без задних ног. Внезапно совсем рядом с Андреем раздался выстрел. Никто даже не пошевелился. Во - первых, стрельба в непосредственной близости дело не новое, только что в горах настрелялись по горло, во - вторых, те, кто сейчас в охране городка стоит, тоже могут пальнуть по невидимому врагу, а может и просто так, от тоски, по звездам смалит, в - третьих, если бы действительно нападение на городок было, сейчас такая суета началась бы!.. Так подумал во сне Андрей и другие ребята и, вздохнув в тяжелом забытьи, еще крепче погрузились в освежающий сон.

Утром их разбудил бешеный рев старшины, зашедшего в ротную палатку проведать своих пацанов. Андрей подскочил с кровати и увидел на соседней скрючившегося под одеялами Вовку. Сначала Андрей даже не понял, что же произошло. И только когда кто-то из ребят забросил боковое полотнище наверх и откинув три одеяла, заглушившие выстрел и укрывшие пороховую вонь и гарь, все стало ясно.

Вовка лежал на правом боку. Колени подтянуты к груди, между ними зажат автомат, ствол которого засунут в рот. На подушке лежала пачка дешевых сигарет "Донские", поломанный спичечный коробок и помятый конверт. Андрей не мог оторвать глаз от головы сержанта, у которой напрочь отсутствовал затылок.

Потом Андрея долго таскали в особый отдел, выпытывали, почему он не среагировал на выстрел ночью, как будто Андрей был в палатке один и только он мог слышать этот выстрел. Отцепились от Андрея не очень охотно, видно все же убедила их записка, оставленная Вовкой. Ту записку успели еще до прибытия особистов прочитать. Старшина вынул ее из конверта, пробежал взглядом, бросил на пол, процедив при этом непонятно кому

обращенные слова: "Вот же сука...", и ушел в штаб. Кто-то из ребят поднял листок и прочитал вслух сакраментальные слова: "В моей смерти прошу винить Людмилу". Все стало ясным и понятным.

Теперь Андрей не мог себя представить на месте Вовки. Ночами долго не мог уснуть, даже после тяжелого рейда. Ворочался, распаляя себя воспоминаниями, мучался от предательства Ленки. Не мог себе представить, что она вот так просто может обнажить свое прекрасное тело на простыне перед любым мужиком, что кто-то кроме него может прикасаться губами к ее светлым горошинкам сосков, к нежной шее, гладить ее мягкое податливое тело и, наконец, входить в нее, вызывая те же прерывистые стоны, которые, казалось, мог только он, Андрей, вызвать у любимой. Оказывается, не только он. Андрей стискивал зубы, сжимал кулаки в бессильной ярости, но не к Ленке, нет, к тем, кто втянул во все это любимую. Он все простил ей, все и продолжал служить, веря в то, что вернется, разгонит притон и - ах, как слепа любовь! - все-таки останется с Ленкой.

Плохо только, что к издерганной Афганистаном и анашой нервной системе вернулись с прежней силой старые страхи к скорпионам, которые он давил в себе.

Снилось Андрею, что бежит к нему навстречу по пустыне легкая, веселая, счастливая Ленка. Добежав, бросается на шею и крепко обнимает. Андрей, задыхаясь от счастья, целует ее в губы, а из губ девушки бьет его в лицо жало скорпионье. Андрей вскрикивает, но не просыпается...

...Среди убитых душманов бродит Андрей, заглядывает в мертвые пыльные лица и вдруг видит в засаленном халате и чалме лежит среди них... Генка. Бросается к нему Андрей, переворачивает на спину - вдруг жив еще? Чалма падает с головы Генки и видно, что она доверху наполнена скорпионами, да два-три на бритой Генкиной макушке шевелятся. Один из них быстро начинает к руке Андрея подбираться. Андрей отдергивает руку, Генкина изжаленная голова падает, раскалывается, и из нее высыпается целый комок копошащихся скорпионов. И бежит Андрей прочь в пустыню, задыхаясь от жгучего раскаленного воздуха и ужаса...

Андрей, крича от страха, просыпался в холодном поту, вскакивал с кровати. Быстро и нервно перетряхивал матрац и одеяло и, немного успокоившись, падал вновь в постель и валялся до утра.

Мальчишки в этой войне навидались всякого. После очередного рейда, понесенных потерь, крови, грязи спокойным ровным сном не спал никто. То и дело кто-нибудь срывался с лязгающей раздолбанными пружинами койки, смотрел безумно в

темень палатки, пил огромными глотками из металлической кружки воду, по-волчьи лязгал зубами о край посудины, и валился обратно на свое место, погружаясь в беспокойный муторный сон. Поспать необходимо. Отдохнуть после последнего рейда, да и перед новым, который не за горами, набраться сил надо.

Сережка, которому Андрей доверял свою боль и страхи, слушал, потирал огорченно плохо выбритые щеки, сочувственно кивал, как мог утешал друга. Повертев в руках, со вздохом возвращал единственную фотографию Ленки, с которой она, выпускница школы, смотрела открыто, по-доброму улыбалась детской счастливой улыбкой. Переводил взгляд на Андрея и видел в его глазах лихорадочный блеск, нездоровый румянец на осунувшемся лице. Понимал, что сейчас плохой боец его земеля, и старался быть повнимательнее к нему, особо опекал его на операциях.

Вот и в этом рейде...

Увидев, что неудобно залегшему Андрею самому не перебраться в более защищенное место под пулеметным огнем духов, Сергей выметнулся из своего укрытия, швырнул в короткой перебежке гранату и в прыжке толкнул Андрея в бок. Покатившись, оба залегли в ложбинке под невысоким карагачем. Оба торопливо поменяли магазины автоматов и открыли ответный огонь.

Немного позже, в госпитале, Сергей до конца понял, что же тогда произошло.

У раненного чьим-то выстрелом душмана дернулась подстреленная рука. Ствол автомата описал дугу и, прошивая воздух, очередью отсек от дерева, под которым лежали Андрей и Серега, кусочек корявой ветки. То ли азарт боя взвинтил до предела воспаленные нервы, то ли ночные кошмары сделали свое дело, то ли анаша, обострившая восприятие, но, когда колючий кусочек ветки попал прямо на открытую шею Андрея, он, как отпущенная пружина, взвился в полный рост из укрытия, завертелся на месте, обеими руками стряхивая веточку из-за ворота гимнастерки, визжа нечеловеческим голосом:

- Тварь! Тварь!

На секунду опешили обе воюющие стороны, но только на секунду.

- Ан.., - только и успел вскрикнуть привскочивший Сергей, как очередь из душманского пулемета остановила и наискосок разрезала, развалила вертящееся тело Андрея.

Сергей из этого рейда попал в ташкентский госпиталь с тяжелым ранением ноги, подлечился, комиссовался и прибыл

домой.

Только через пару месяцев он решился навестить родителей своего боевого друга.

Приняли его, еще заранее познакомившись по письмам. Накрыли скромный поминальный стол. Спрашивали, слушали, плакали. О службе, об Афгане, о сыне, о его гибели.

За столом, да за разговорами, даже такими горькими, время летит быстро. Увидев, что за окном смеркается, Сергей заторопился.

Разгоряченный водкой, воспоминаниями он вышел из подъезда. Уж было направился домой, но увидел уютную лавочку и решил присесть, покурить. Пристроив костыль, чтобы не упал, неловко вытянув ногу, еще болевшую после ранения, закурил, пустил дым к небу и залюбовался звездами. Красиво! Теплый ветерок, забираясь через распахнутый ворот, приятно холодил грудь. Хорошо! Поглядел на дом, в котором засветились окна. Уютно!

Вот окно квартиры Андрея - оранжевая штора. А на кухне темно, только огонек сигареты вспыхивает. Ясно. Мама Андрея плачет. Отец - военный человек, мужчина, курит на кухне, и тоже плачет. Не хочет, чтобы жена видела, и свет выключил.

Как будто не желая подглядывать за чужим горем, Сергей отвел глаза. Вот свет красивый, золотистый из чьей-то квартиры, а вот... Стоп! Глухо и больно стукнуло сердце.

Чья-то рука выставила на подоконник кухни и включила лампу под зеленым абажуром.

Не отрывая глаз от окна, Сергей зашарил руками, отыскивая костыль. Нашел его, вцепился мертвой хваткой, будто за спасительную соломинку.

Из подъезда вышла старушка, с неудовольствием покосилась на Сергея и стала звать:

- Кис-кис-кис... Барсик! Барсик! Куда ты, проклятый, сбежал? Кис-кис...

Сергей хриплым голосом спросил у старушки:

- Бабушка, скажите. А чье это окно? Кто там живет?

Старушка хотела видно не ответить, но медали на груди паренька произвели впечатление:

- Вишь лампу? Значит, соберутся седни наркоманы да проститутки. А собирает их одна тут... Тварь! - старушка заторопилась в дом, - Да тебе-то что, сынок. Шел бы ты отсюдова.

Сергей поднялся тяжело со скамейки, размахнулся широко и с силой швырнул костыль в окно с лампой.

С грохотом разлетелось стекло, лопнула упавшая на пол лампа...

Сергей шел, сильно хромая на больную ногу, не оборачиваясь, и шептал:

- Тварь! Тварь!

Глава 15. Излом

Ба-да-да-да... Ба-да-да-дах... - автомат.

Рвущаяся мощь и тяжесть в руках автомата - армия, солдат.

Бегу, задыхаясь, стреляю - приказ.

Страшно, боюсь погибнуть, но бегу - присяга.

Душманы стреляют в меня, я - в них - интернациональный долг.

Адское пекло, песчинками в кровь растерты все складки тела - Афганистан.

Добежал, разрушил, убил - правительственная награда.

Убили, замучали, растерзали - "груз 200" - "Черный тюльпан".

Вспышка, взрыв, выстрел, осколки, пуля - больно!

Очнулся? Жив? Потерпи, браток! - санитары. - Больно!

Несут. Погрузили. Свист, рокот - вертолета, база. - Больно!!

Осматривают, ощупывают. Чисто. Белое. - Врачи. БОЛЬНО!!

Черная зелень в глазах, наркоз, звон инструментов - операция. Боль...

Легче, койка, товарищи, бинты - госпиталь. Пить! Больно!

Птицы за окном поют, щебечут - Ташкент. Не Афганистан!

Медсестра какая красивая, заботливая - женщина. - Забыл женщин.

Ожидание. Выписка. Сборы. Нетерпение. Документы. Поздравления. Аэропорт не аэродром. - ОТПУСК!

Не верится. Неужели домой?! На целый месяц! - Сладкие грезы.

Отвык от гражданской жизни. А десять рублей это сколько? За речью следить и следить - через слово мат прорывается. Чувствую, какой стал неуклюжий, грубый. Какая смешная, непривычная гражданская одежда. Это что? Джинсы? А как же в них по горам да по дувалам скакать?! А женщин-то сколько! И не санитарки - не официантки даже, а так, просто красивые женщины. Оказывается, этот мир никуда не делся, стал еще красивее, - А мы там... Твою мать!

Не верю! Нет. Неужели родной город? Забытый? Изменился. Или я изменился? А это что построили? И этого вроде бы не было. Или было? И вот из-за того заборчика очень даже хорошо засаду устроить, как раз спуск под горочку... Ой, да что это я?! Волнуюсь. Родной двор, родной дом. Покурю пока. Да нет! Мама!!!

Не плачь, мама. Живой, живой. Да. Почти здоровый. Через месяц буду как новенький. Потому и в отпуске.

Как вкусно! Да что... война. Не разговорчивый? Отвык, отучился. Так точно, есть, отставить...

Да нет, не очень опасно. Кормят? Как положено. Да, купаемся.

Мам, я поспать. Какая белая мягкая постель! - Дома!!

Дома! Боже, как я отвык! Книги! Марки! Я когда-то собирал марки! Филателист, мать твою... Вот серии марок. Корея. Куба. Вьетнам. Афганистан... Да это же мои стихи. Какие смешные. Нелепые. Как же это все далеко!

Иду, мама, иду. Как вкусно!

Приготовить? Да что приготовишь, то и будет хорошо. У тебя все и всегда вкусно. Пельмени? Да-да, давали. И котлеты? Тоже, тоже давали.

Мам, я погуляю. Да, перебинтовал. Нет, я недалеко. И недолго. Во дворе с друзьями посижу. Соскучился. Вера? Еще не знаю. Мам, ну не расстраивайся, там все курят. Приду - брошу. Ну, я пошел. Нет, не болит. Мам! Ну что ты опять!

...Мамуль! Привет, убегаю. Да, с друзьями в одно место. Ну, ма, ну что я как мальчишка с куском буду бегать? Приду, поем. Ну, если с яблоками, то кусочек. Ма! Ну что, родственники не поймут? Мне осталось-то полотпуска. По городу побродить хочется. Может быть, вечером с Верой придем. Стесняется она. А ты поспи. Всю ночь около просидела, проплакала. Мам, ну я же слышал. Не беспокойся! Все будет хорошо.

Вер! Если все будет хорошо, приду, поженимся? Я тебя знаешь как люблю! Воробушек ты мой, Солнышко золотое!

Да ну ее, эту войну. Ни вспоминать не хочу, ни рассказывать. Гибнут ребята, поневоле задумаешься - за что. Завтра пойдем, я тебя с родителями познакомлю. Как? Уже сегодня? Ночь пролетела, как один час. Бедная мама! Наверняка всю ночь не спала. Так смешно и грустно. Она боится, что меня хулиганы могут убить. Правда, смешно? Нет? Не смешно? Ну не буду, не буду. Девочка моя любимая, сказочка, знала бы ты, как не хочется опять туда! Даже думать не хочу.

Ребята? Вот ребята замечательные. Знаешь, как они меня в день рождения поздравили?

В Афгане мы яичницы не видим. Наверное, трудно в такое пекло яйца перевозить - портятся. Если довозят - то мало. Получается одно на восемь человек. А если нет, как черт раздирает, до того хочется. Тем более, знаешь, что в выходные и праздничные дни по рациону положено вареное яйцо. Да мало ли что положено! На "положено"... наложено... Ой, прости, пожалуйста! Терпим, что поделать. Так вот - Твоя очередь - тебе достанется. Одно. На гражданке я их ни вареные, ни в яичнице

особо не ел. А там... Душу продал бы. Я до сих пор не знаю, как эти черти ухитрились сразу восемь яиц сэкономить. Утром в свой день рождения просыпаюсь, к счастью, не в рейде в тот раз были, а у меня прямо перед физиономией на ящике сковорода с восемью желтками. Представляешь, Радость моя, какой богатый подарок! Ведь каждый свою долю отдал, может быть на месяц-два вперед. Помнили, побеспокоились. Не дорог подарок... Только из этих ребят уже троих... Правда, не будем об этом. Ну что, пойдем?!

Мама, ты не знаешь, где мои учебники? Ну по которым в институт готовился! Ты их никуда не девай. Приду, снова пытаться буду поступать. Демобилизованным льготы при поступлении предоставляют. А засыпался я не сам. Это комиссии приемной приказали места оставить для детей всяких шишек. Как зачем?! Чтобы в армию не попали, да в Афган не загремели. Сколько служил, сколько спрашивал ни одного сына из семьи руководителя не встречал. Все простые ребята. Сельских много. Полно таких как я, которых под осенний призыв на экзаменах провалили. А в институте, я у Верочки спрашивал, или крайкомовские, или горкомовские, или райкомовские. Ты правда думаешь, что это случайно?! Эх, мама, мама! Ну, почему сволочи? Наверное, среди этих пацанов тоже люди встречаются. Хоть они уцелеют, если нам не повезет. Кстати, я узнал. Моя работа на экзамене была на "отлично" написана, но... Ты же у меня не партийный работник. Да я тебя все равно обожаю. Ничего, отслужу, вернусь и поступлю. Плохо, правда, что в армии готовиться некогда. Да, в общем-то, и думать отвыкаешь и нормально разговаривать. Только что не лаешь. Трудно будет готовиться, заново все вспоминать придется. Не беда! Я быстро отхожу. Вот уже стихи начал писать.

Не хочется, конечно, возвращаться. Но ты, мама, не волнуйся! Все будет хорошо, я вернусь. Женюсь. С Верой детей нарожаем. Будешь ты у меня молодая красивая бабушка!

Мама! Верочка! Да что же вы меня слезами заливаете?! Смотрите-ка, вся гимнастерка мокрая и медаль заржавеет. Служить осталось девять месяцев всего. Нет, все-таки целых девять месяцев. Что скрывать, на календарике каждый прошедший день зачеркиваю. Нас гоняют за это. Не дай Бог увидят!

Вот и самолет. Да, это мой! Напишу, конечно. Конвертов, сами знаете, сколько набрал. Ой, к Игорьковым родителям не зашел. Обидится. Черт! Забыл совсем! Вот гражданка, расслабляет. С одной стороны, как хорошо, в отпуске дома побывать. А с другой - потом втрое тяжелее...

Посадку объявили. Давайте прощаться. Ну успокойтесь, прошу вас. Да не рвите же себе и мне сердце, не надо! Мам, Вер, пустите, пора. Ну какие вы, ей-Богу! Ну будет, будет. Да не плачу я! Это вы ревете, а мне просто... да, вот, в глаз что-то попало. Все. Пора.

До свидания, мамочка, до свидания! До свидания, любимые мои. Солнышко, Сказочка, Воробушек, Девочка моя, до свидания! Ждите меня! Обязательно пишите. Да что же я и пальцы ваши разжать не могу! Ах, дорогие мои. Ну все, все, все, пора, побежал. Побежал, побежал, бегу, бегу, бегу...

...Бегу, задыхаюсь, стреляю - приказ.

Страшно, боюсь погибнуть, но бегу - присяга.

...Твою мать! - сержант

Рвущаяся мощь и тяжесть в руках автомата - армия, солдат.

Душманы стреляют в меня, я - в них - интернациональный долг.

Автомат - Ба-да-да-да... Да-да-да-дах...

Глава 16. Ночной полет

Очарование ночного полета Шурик почувствовал и понял, побывав в Белоруссии по турпутевке, когда из Минска возвращался домой на классном авиалайнере ИЛ-86. Родители частенько баловали его перед армией поездками по турам. Мол, пусть ребенок хоть мир посмотрит, да себя-молодца миру покажет. Рейс проходил глубокой ночью, пассажиры, погрузившись в удобные мягкие кресла, спали. Свет в салоне был приглушен до минимума, и этот полумрак убаюкивал, вносил какой-то особый, дополнительный уют. После очередного плавного разворота самолета Шурик выглянул в квадратное оконце иллюминатора и обалдел от восторга. Машина летела... в космосе. Бездонная чернота неба слилась с бархатной чернотой земли. Ночь выдалась безлунная и звездная. Редкие огни на земле с небольшой уже предпосадной высоты так были похожи на звездочки, что создавался полная иллюзия единого глубокого пространства. Звезды - вверху, внизу, по сторонам. Вот какой красотой любуются космонавты! У Шурика аж дух захватило от физического ощущения бездонности окружающего мира, а в моменты проваливания лайнера в воздушные ямы еще и от ощущения невесомости. Чуть-чуть, капельку воображения - ну чем не космический корабль!

Самолет стал заходить на посадку. Но очарование Вселенной не проходило. Огни посадочных дорожек только подчеркивали фантастичность картины. Шурик задумался. При таком уровне развития науки мечты фантастов о рядовых, рейсовых полетах

людей в космос, на Луну вполне скоро могут стать реальностью. Если не будет войн, то может уже в начале двадцать первого века можно будет запросто куда-нибудь слетать. Шурик прикинул, что в две тысячи первом году ему будет только 41 год. Разве это возраст? Для мужчины - чепуха! Ура! Только бы сбылось! А что, вполне допустимо!

Голос стюардессы, сообщающий по селектору о скорой посадке, о температуре воздуха в аэропорту Минеральные Воды, о правилах поведения во время выхода из самолета спугнул сказку, но не развеял ее очарования. Тем более, что для землянина встреча с землей всегда радость, пусть даже после короткой разлуки. Да еще и возвращение домой...

А вот и здание аэропорта, приветливо принимающее в свою внутреннюю чистоту и ухоженность полусонных путешественников. Все-таки воздушная служба это что-то особенное. Разве можно сравнить аэропорт со зданием железнодорожного вокзала? Вот уж точно, земля и небо. Какая-то особенная цивилизованность, дисциплинированность, комфорт, шаг в будущее и в изящных очертаниях лайнеров, и в приятно звучащих голосах диспетчеров по специально приглушенным динамикам, и в белоснежных рубашках летного состава, и в коротеньких темно-синих юбочках стюардесс, и в улыбках и вежливости, и в устройстве аэропорта и аэродрома. Необъяснимая прелесть! Даже запах внутри здания какой-то особенный, воздушный. Шурик давно ощутил в себе дрожь серебряной струны во время присутствия в аэропорту и теперь вновь наслаждался этим чувством необыкновенности. Шурик уже шагал к выходу, когда навстречу ему появилась группа стюардесс. Все как одна длинноногие, в белых блузках, в кокетливо надетых пилотках, молодые и красивые девчонки с чувством собственной значимости прошли мимо Шурика и скрылись в двери служебного входа. Шурик вздохнул, вот и люди здесь работают необыкновенные. Ну кто-нибудь хоть раз видел некрасивую, неряшливую, неухоженную стюардессу? А вот проводницу в вагоне... Да простят они. Эх, да что там! Нет. Не сравнить. Особый мир! И земля, привычная земля подчеркивает эту небесную особенность своей земной суетой, приземленностью. Очень быстро за ногу стаскивают с высот небесных выкрики таксистов:

- В город, в город...

Толкотня людей, торопящихся домой, обнимающихся перед расставанием и целующихся при встрече. Особенно быстро приводит в себя получение багажа и полностью отрезвляет цена, которую круто заламывают таксисты за проезд до города ночью.

- Не хочешь - до утра жди автобуса, давись в нем, - лукавят

водители, зондируя, знает ли прилетевший, что автобусы ходят всю ночь, и продолжают: - А так - три минуты. Хоть на этаж заеду. Сма-а-атри!

- Поехали, черт с тобой! - уж очень не терпится Шурику попасть домой, увидеть родителей, вручить им подарки.

Вот и конец сказке. Хотя... Отчего ночной город так красив? Оттого, что родной? Оттого, что ночью скрадываются, не видны недостатки? Оттого, что ночная подсветка уютно пробивается сквозь густую зелень, высвечивая особую цветовую гамму?

И земля красива, и небо очаровательно, и жизнь прекрасна!

Картины этой сказочной гражданской жизни, ощущение скорого полета, возвращения в родной город, домой, пусть даже в отпуск, всего на десять суток, не считая дороги, вновь натянули в душе Шурика ту заветную серебряную, тонко дрожащую струну. И она совсем уже было запела нежную свою песенку, как командир роты, капитан Вольский, хлопнув солдата по плечу, оборвал ее:

- Давай, Реутов, дуй в отпуск. Полетишь этим транспортом. Часа через три будешь в Ташкенте. Там отметишься - и дальше уже сам ищи возможности. Но чтоб через две недели - как штык!

С отметкой в отпускных документах, с вещмешком за плечами Шурик подошел к командиру АНа, с которым только что разговаривал капитан, уже убежавший по своим делам. Майор, с дергающейся от нервного тика щекой, махнул рукой в сторону раскрытого брюха самолета:

- Вали туда. Там есть солдаты. Покажут, как и что.

Самолет стоял на взлетно-посадочной полосе, уже просевший под тяжестью груза. Вокруг него суетились люди, заканчивая предполетную подготовку. Шурик встал в тени, чтобы и его не припрягли в работу. А что, отпускник он или нет?

Как только в распахнутую рампу самолета стали входить солдаты, Шурик кинулся за ними, оскользнулся почти гладкой подошвой ботинка на ребристой поверхности откинутой рампы, чертыхнулся, поднял глаза и обомлел. Вся полость самолета от низа до потолка была заполнена цинками, цинковыми гробами, грузом-200.

- Так это ж "Черный тюльпан"! - тихонько ахнув, Шурик вылетел на бетонку и побежал к командиру борта.

- Товарищ майор! Как же... Что же... С погибшими, что ли?!.

- А какого тебе... Может, еще стюардессу пригласить? - схватился за дернувшуюся небритую щеку майор, - Цаца какая, мать твою! Марш в самолет! А не нравится... в гарнизон, не хрена по отпускам шляться!

Шурик, понурившись, козырнул и поднялся в самолет, стараясь не глядеть по сторонам, спотыкаясь о какие-то крюки и

кронштейны, приваренные к полу, сквозь которые были протянуты канаты, задевая плечами о холодный металл гробов, прошел вглубь.

Почти у самой кабины летчиков в транспортных самолетах есть небольшой тамбур, в котором и разместились солдаты из похоронной команды. При тусклом свете лампы Шурик вгляделся в хмурые, неприветливые лица спутников, сидящих на замасленных одеялах и старых шинелях, брошенных прямо на пол. Сердце сжалось от тоски. Живые и мертвые! Какая радость в такой компании даже и домой в отпуск лететь! Солдаты молча отодвинулись от борта самолета, уступая место новичку у небольшого иллюминатора. Хотя. Что там можно увидеть в ночном небе Афганистана? Есть только небо в звездах. Струна давно уже тенькнула, порвавшись и царапая душу. Какой уж тут комфорт, какой там космос! Тем более вот он, перед глазами вариант очень даже возможного будущего Шурика. Этим мальчишкам в цинках уже никогда не вступить в двадцать первый век. Им, его ровесникам, не исполнится сорок один год. Они навсегда остались в своем восемнадцати-двадцатилетнем возрасте.

- Чо скис? - хрипло спросил сержант в грязном зеленом бушлате с замызганными скрученными лычками на матерчатых погонах. - Домой, что ли, в отпуск? Счастливчик! - вздохнул и неожиданно по-добрососедски подмигнул Шурику, - Не боись, скоро девок пощупаешь, а?! - и расхохотался, - Если долетим.

Шурик вежливо улыбнулся, но ничего не ответил. Звук закрывающейся рампы, рев прогреваемых запущенных двигателей, свободно проникающий внутрь самолета, все равно заглушали все. Прикрыл глаза и...

- Пристегните ремни безопасности, - услужливо подсказало сознание милым голосом стюардессы, настолько явно, что Шурик даже рукой пошарил в поисках замка того самого ремня. Тут же усмехнулся грустно, наткнувшись на бляху солдатского:

- Ага, ремни безопасности! Может, еще спинку кресла откинуть? - и крепко ухватился за натянутый вдоль борта металлический трос.

Сделав небольшую пробежку, самолет, гордо задрав нос в темноту ночного неба, оторвался от пыльной афганской земли и начал набирать высоту. Шурик не удержался от рывка и прилип спиной к чьей-то голове. Не обидно его ткнули в бок, и Шурик, обретя равновесие, смущенно кивнул пострадавшему.

Сквозь небольшое оконце в стене тамбура виднелись в неверном свете плафонов штабеля цинковых гробов, перетянутых намертво толстыми тросами. Шурик зябко поежился и мрачно

уткнулся в иллюминатор. Это увидели сидящие рядом солдаты. Сержант толкнул Шурика в плечо, и когда тот обернулся, протянул пол граненного стакана разведенного спирта. Грохот заглушал слова, поэтому, проливая жидкость на грудь, Шурик выпил и, принимая кусок хлеба, торопясь закусить, только благодарно промычал невнятно и кивнул сержанту. Спирт обжег пересохшую глотку, дернул желудок, но вскоре теплой волной плеснул в сердце и голову.

- Хорошие пацаны, - подумал Шурик, - бедные! Вот уж страшная служба, не позавидуешь! Видно, только водкой и держатся. А может, насмотрелись уже, привыкли! Конечно, привыкли, вон уже и карты достали, - и на приглашающий жест отрицательно мотнул головой, вновь уткнувшись в иллюминатор, попытался уловить хотя бы тень того сказочного гражданского ощущения полета. Какое там! Иллюзии вдребезги разбились о безмолвные неподвижные гробы. Чудеса на войне бывают. А сказки - нет. Шурка покосился на гробы. А для них и чуда не хватило. Разве его на всех хватит?

За стеклом иллюминатора непроглядная темень. Самолет, казалось, не летел, а крался, пробираясь над чужой землей с потушенными бортовыми огнями, отстреливая тепловые ракеты, уходил к границам Союза. Вспышки ракет не освещали, а лишь сгущали темень.

Шурик знал, что тепловые ракеты отстреливаются для того, чтобы снаряд, посланный с земли, "стингер", например, влетел не в самолет, а в более высокотемпературный объект, в ракету. Вот и летим, обнаруживая себя только яркими праздничными какими-то, но в то же время и тревожными огненными шарами.

Очередная тепловая ракета, отделившись от самолета, отвлекла на себя первый "стингер", взлетевший с горной вершины, но самолет крепко встряхнуло близким взрывом. Солдаты вцепились в канат и молча смотрели на Шурика, ожидая, что он скажет, так как он единственный, кто из них мог видеть, что твориться снаружи. Вот еще и еще один взрыв. Самолет круто накренился, пытаясь уйти из зоны обстрела. Вот еще взрыв, еще. Вот совсем рядом. Вместе с очередным разрывом что-то сильно грохнуло внутри грузового отсека. Переглянувшись, все кинулись к оконцу.

Один из тросов лопнул, не выдержав нагрузки. Взвившийся конец его с силой хлестанул по полу, оставив рваную вмятину в дюралюминий, саданул по разлетевшемуся стеклу тамбура. Самолет практически завалился на правое крыло. Уходя и унося с собой людей. И в это время самый верхний металлический ящик гроба выскользнул из-под троса, ослабевшего от рывков и

перегрузки, переставшего прижимать другой его край. В обрушившемся на уши свисте и визге, рванувшемуся сквозь выбитое стекло, гроб, как в страшном сне, беззвучно ударил в противоположный борт. Следом скользнул еще один, за ним другой. Шурик с ужасом увидел, как под тяжелыми ударами обшивка самолета стала расходиться. В отсек ринулся ледяной ветер неба, взметая опилки, куски бумаги и другой мусор. Теперь уже рев стоял неимоверный. Заложило адской болью уши. Прикрыв ресницами глаза от ударов мусора и пыли, сквозь прищуренные веки, Шурик следил, как в черной глотке неба безмолвно исчезали гробы. Один, другой, третий... Со стоном ахнули и, закрутившись, лопнули еще два троса. Гробы поползли к разверзнувшемуся отверстию, напоминавшему формой широкой раскрытый, кричащий от бессильного отчаяния рот. Медленно, плавно останки погибших воинов уходили в ночь, переваливаясь через дыру, скользили, съезжали, как потусторонний ненавоевавшийся десант, освобождая от страшной тяжести свой самолет, как будто желая завершить на земле какое-то дело.

Как самолет сел, Шурик не помнил, потому что от удара по голове чем-то сверху упавшим, от ужаса происходящего, потерял сознание. Очнулся в полной тишине. Дотронувшись до шишки на голове, ощутил под пальцами корку подсохшей крови.

Летчики чудом сумели дотянуть до Шинданда на разваливающейся машине. Пока Шурик валялся без сознания, диспетчеры вычислили маршрут "Тюльпана" и ахнули. По всем расчетам катастрофа произошла над договорным мирным кишлаком. Затрещали доклады в динамиках раций, погоны на плечах ответственных, и с рассветом в этот кишлак выехали грузовые машины в сопровождении звена вертолетов. Задание - отыскать выпавшие восемь гробов.

Кишлак встретил шурави горестными, злыми криками, подтвердившими правильность расчетов и опасений.

В темноте ночи, набрав в своем жутком полете безумную силу и скорость, цинковые гробы ужасными снарядами, пробивая хлипкие глиняные крыши домов, сыпались на безмятежно спавших женщин, детей, стариков. Падая с небес, забирали на небеса!

Исправить случившееся невозможно, но можно хотя бы объяснить. Самый дипломатичный офицер через переводчика сумел изложить ситуацию, очень тонко намекнув на то, что "стингер" мог взлететь и из этого кишлака. Но командование, учитывая потери в кишлаке, следствие проводить не будет. После такого разговора гробы помогали искать и выносить даже семьи погибших.

- Пять, шесть, семь, восемь, девять... - считал гробы офицер. - Стоп! Как девять?!

- Еще раз, - досадливо сплюнул старлей. - Раз, два, три,...семь, восемь, девять. Девять! Что за черт?! - махнул рукой. - Ладно, поехали. Дома разберемся. Может, там неправильно посчитали? Не мудрено! От такого не только ошибиться, можно с ума сойти! Погибших еще раз угрохать! - сам себе толковал офицер, трясясь на боковой скамье в кузове УРАЛа, глядя на изуродованные, помятые, лопнувшие гробы. - Кто же виноват, что духи пытались "Тюльпан" сбить? А только положено - виноватый чтобы был. Так что звезда с погона у кого-то все равно слетит.

И уже на аэродроме старший лейтенант прежде, чем идти докладывать о прибытии, сам поднялся в разодранный самолет, чтобы сверить цифры. Но и тут ему подтвердили, что всего гробов было сорок. Вот тридцать два. Значит, он должен привезти восемь. Пересчитали еще раз:

- Тридцать девять, сорок, сорок один..!

Могли не найти один, мало ли куда мог упасть, но чтобы еще один лишний появился? А, ну их к черту! Разберутся. На войне путаница и не такая бывает. Доложил старший лейтенант командиру полка и ушел, все же покачивая удивленно головой.

Командир приказал битые гробы менять на новые. Шурик узнал об этом, сидя в ангаре, от солдата, который был в поисковой группе и теперь переносил сюда найденные цинки. Здесь уже кипела работа. Поврежденные гробы распаивали, содержимое перекладывали в новые и тут же запаивали, приваривая таблички с номерами и краткими данными о погибшем.

Шурик чувствовал себя отвратительно. Всегда впечатлительный, мечтательный, романтичный, он очень тяжело пережил события ночного полета. Ему казалось, что никогда в жизни ни за что на свете он не сможет даже приблизиться к аэродрому. Что любой самолет, даже самый комфортабельный, будет напоминать ему одну и ту же ужасную мистическую картину шевелящихся, уходящих в ночное безмолвие в потустороннем спокойствии гробов. Вот этих самых, раскрываемых, источающих жутко-сладкий запах.

Сильно болела голова, тошнило от запаха и от удара по голове. Не хотелось двигаться, не хотелось никуда лететь, не верилось ни в какое будущее. Хотелось сидеть вот здесь, в углу ангара, курить, и чтобы все-все оставили в покое

Но, теперь уже знакомые, солдаты крикнули:

- Эй, отпускник! Иди, помогай! Чем быстрее сделаем, тем быстрее улетишь.

Отпускник! Все-таки домой хочется. Сердце дрогнуло. Домой! Хочу!

И Шурик нехотя, но поднялся и поплелся к позвавшим. Было не по себе. Видел, конечно, и убитых, и растерзанных взрывом, и изрезанных ножами. Но то все там, в бою, в родном полку. Видел, и как гробы готовят к отправке "Черными тюльпанами". Укладывали и расстрелянные тела, и просто оторванные взрывом руки-ноги, а то и вовсе одну ногу в ботинке, а для веса мешок с песком добавляли. Если есть голова, то родные перед погребением могут через окошко гроба в лицо кровинушки своей взглянуть в последний раз. А если нет... Если тело взрывом на части разнесло? Шурик даже горестно рукой махнул в ответ своим мыслям.

Кончится эта пытка когда-нибудь? Что там еще будет под крышкой этого гроба? Что еще ударит по взвинченным шуркиным нервам? Вздувшиеся внутренности, вытекшие глаза, изуродованное тело очередного пацана? Разлагающееся тело, которое даже мертвым остается дороже всего для родных или мешок с землей ничего собрать не смогли?

Солдаты отдирали еще горячую крышку с очередного гроба, но она шла нехотя, не желая расставаться с домовиной. Сержант из самолета с горелкой в руках глухо матерился:

- Вот блин, падлы рваные, зачем-то двойным швом запаяли, чтоб их...

Провел острым пламенем по ободку вокруг всего цинка еще пару раз, затем подсунул сплющенный конец монтировки в образовавшуюся щель, налег на другой конец всем телом. Крышка громко кракнула, отделяясь от гроба, и наполовину отошла от него. Солдаты, натянув брезентовые рукавицы, подскочили к крышке, ухватили ее и единым усилием поволокли было прочь, но, увидев содержимое ящика, выронили ее, едва успев отскочить в сторону.

Аккуратно, покойно во всем пространстве цинка нашли пристанище... тщательно уложенные, старательно распределенные пачки долларов, афошек, чеков, сто и пятидесятирублевых купюр, еще какой-то валюты, а в "ногах" лежали полиэтиленовые пакеты с белой порошковой начинкой - наркотика и два автомата АКСУ с рожками к ним.

Подошел заглянувший в ангар и увидевший немую сцену командир местного полка, на ходу ругая солдат, быстро глянул в гроб и заорал :

- Все вон! Быстро!

После секундной заминки, растерявшиеся солдаты кинулись из ангара.

- Видал? Денжищ! Это что же такое? И автоматы! Ни фига покойничек!

Закурили, недоуменно переглядываясь. В это время в ангар заскочили несколько офицеров.

Совсем скоро подполковник вызвал в ангар невольных свидетелей:

- Неосторожное слово - и под трибунал. Секретная операция командования. Наркотики для медицинских целей. Валюта - в фонд государства. Всем молчать!

Под усиленной охраной тщательно уложенный груз был переправлен в самолет. И уже в ташкентском аэропорту, не гражданском, а военном, Шурик увидел-таки, что тот самый цинк забирала специальная команда. Настороженная, безмолвная, молниеносно действующая.

Несколько часов спустя, проезжая в автобусе по улицам родного города, Шурик успокоенно думал о том, что есть в нашей армии настоящие профессионалы, действующие умело и слажено на пользу родному Союзу Советских Социалистических Республик.

Прошло двадцать лет.

Валерка, поцеловав детей на ночь, забираясь под одеяло, под теплый бок жены, рассказывал о том, как прошел сегодняшний день на его хлопотливой таможенной службе.

- Читаю паспорт... Батюшки, Шурка! Ну, я тебе рассказывал - служили вместе. А я его и не узнал! Кожаный плащ, стильная черная одежда, золотой перстень... Богатючий, видимо!..

Валерка даже зажмурился и почмокал губами, чтобы подчеркнуть шикарность внешнего вида бывшего однополчанина.

- Сопровождает цинковые гробы. Какой-то похоронной фирмой заведует. Платят, видно, добре. Смерть чужая. Привык. Шутит.

Я спрашиваю:

- На кого работаешь?

- На мафию. А в гробу - золото и бриллианты, - и смеется. Я "Бриллиантовую руку" вспомнил, говорю:

- Да пошел ты, не подкалывай!

А он мне:

- Проверяй! Вскрывай!

- Открыли? - испуганно спросила жена.

- Ты что! Это же какой сволочью надо быть, чтобы чужим горем прикрываться и в гробах что-то перевозить. Послал я его в шутку, пригласил в гости. Когда опять к нам служба занесет, обещал быть. Куда-то он в Азию, в бывшую республику свой груз повез. Вот так себя "новые русские" в этой жизни находят.

В это же время Шурка... Нет, все-таки Александр Георгиевич, сходя по трапу самолета, краем глаза, сквозь дымчатые очки, внимательно проследил, как забирала цинк специальная команда. Настороженная, безмолвная, молниеносно действующая.

Убедился, что все сделано правильно, усмехнулся каким-то своим мыслям и неторопливо направился к зданию аэропорта, приветливо принимающего пассажиров в свою внутреннюю чистоту и ухоженность.

Глава 17. Очередь

Хорошо возвращаться домой с войны. Приятно покачивает на рельсах вагон, весело и сладко стучат на стыках колеса. Домой, домой, домой! Или еще веселее на отдельных участках: жив-жив. Жив - жив! Хорошо остаться живым, курить сигарету в тамбуре, болтать в попутчиками. Досадно, что особенно рассказать им нечего. Разве что про постоянный страх и жуть, что могут убить, а так... война и война. Что в ней может быть интересного? Это, наверное, есть что рассказать летчикам, танкистам, саперам, а у пехоты почти два года одно и то же. Побежал, упал, перекатился, дал очередь, еще очередь, вскочил, пригнулся, побежал, упал, ну и так далее. Очередь, очередь, очередь - успевай только магазин сменить - и снова очередь, очередь, очередь. В моджахедов, в тебя, в моджахедов, в тебя. Мины, пустыня, скалы. Скалы, пустыня, мины. Писатель, может быть, сумел бы что-то описать. А солдат... Кощунственно звучит, но однообразна война в Афганистане. Побежал, упал, перекатился, очередь, очередь. Ну, гранату кинул. Хочется рассказать о войне, а не получается. Попал ты выполнил боевую задачу - остался жить, кто знает, может, и награду получишь. Попали в тебя - семья получит "груз-200". Нехитрая штука война для солдата. Ее всю можно в десятиминутный разговор пересказать, объяснить. Истрепанные, доведенные до предела нервы - это от желания выжить. Появившаяся в двадцать лет боль в сердце - от переживаний, гибели товарищей, неутоленного чувства мести и незнания, кому ты должен мстить: им ли, духам, или тем, что по другую сторону кремлевской стены. А как?! Вот и тянет струны нервов на холодные, стальные колки острых спиц, изредка, но все чаще вонзающихся в сердце. Раны от душманской очереди. Настигла, достала очередь за четыре месяца до благословенного дембеля. Ранение серьезное, но не смертельное. Пропороли бок три пули, выпущенные духами из автомата Калашникова. Что ж, хорошее оружие у нас. Врачи сказали, чуть правее, чуть левее - и наповал уложили бы. Говорят повезло! Хорошенькое везение. Ранение - это не маминых пирожков пожевать. Хотя, с другой стороны, -

могли убить. Запросто. А как жить-то хочется в двадцать лет! Только вот насчет маминых пирожков придется потерпеть. Продырявленные, сшитые кишки только-только начали подживать, поэтому еще с годик пробавляться кашами, сидеть на диете - так это назвал хирург, оперировавший Бориса и присутствующий на врачебной комиссии, которая комиссовала рядового Суржикова из рядов Советской Армии. Потом, понемногу, можно будет есть и обыкновенную пищу. Никогда не знал Борис, что пища есть мягкая: кефир, сметана, яйцо, масло, каша, и грубая или твердая: пироги, борщи, мясо и все остальное столь же грубое, но чертовски вкусное. Так что, если все будет в порядке, года так через три можно будет и шашлычком с винцом побаловаться. Да разве в этом дело?!

Главное - живой!

Главное - домой.

Курить бы поменьше. Тем более, врачи запретили. Да очень уж дым сигаретный помогает смягчить волнение. С каждой минутой ближе и ближе, ближе и ближе - в такт колесам - дом, мама, отец. Как там? Что изменилось за два года?

В письмах родители рассказывали, что все хорошо, но как же они могли написать солдату плохие вести?! Из писем другим ребятам из роты Бориса от родных, друзей и девчонок тоже мало что понятно. Горбачев проводит перестройку, все надеются на окончание войны. Да и офицеры толковали о скором выводе войск. Часто в разговорах обсуждали, что сильно изменилась жизнь в Союзе. Кто говорит - в хорошую сторону, кто - в плохую. Непонятно. Вот и попутчики жалуются на трудности. Ладно, разберемся. Солдата, едущего с войны домой, да еще и с медалью "За отвагу" и двумя нашивками на груди: желтой и красной, разве могут испугать гражданские трудности?!

Крепитесь, родители, ваш помощник едет. Еще сутки - и дома!

Нет, не заснуть. Может, еще сигарету? Все равно не спится. Сердце, правда, разнылось. Ничего, курить можно бросить. Придется.

Еще одна иголочка покалывает, покалывает. Ведь дал же себе слово не вспоминать об этом. Что же такое, не вспоминал, или думал, что забыл обо всем. Эх, Лера, Лера, Валерия! Девчонка с таким именем для их городка - уже редкость. Неожиданно для Бориса сдружились еще в девятом классе, а на выпускном бале вспыхнула любовь. Бессонница, ночные прогулки, нежные слова, отшибающие память поцелуи и, как высшая точка наслаждения друг другом, ночь перед отправкой в армию. Прошло два года, а Борис полностью помнил, ощущал пальцами, губами, всем телом

чуть вибрирующую под его ладонью кожу Леры, ее плоский живот, вытянутые бедра, маленькую острую грудь, теплые терпкие губы, безумные горячие слова и неожиданно прохладные упругие ягодицы. Что уж там лукавить, все два года помнил, только год назад приказал себе вычеркнуть из памяти заветное. Валерия сама написала, что в институте на вечере познакомилась с молоденьким лейтенантом-моряком и теперь выходит за него замуж. Жить и служить они будут во Владивостоке. Вот так!

Покурим. Врачи в госпитале говорили, что на сытый желудок курение не так вредит, как натощак. Да после еды и кишки не так сильно болят. Неловко из термоса горячую манную кашу наливать и есть. С виду - здоровенный парень - и манная каша. Смешно!

С попутчиками повезло. Понимают. Пока выходил, в термос масла добавили. Действительно, кашу маслом не испортишь! Вкусно. Добрые люди. Рассказывают, что с продуктами тяжело, а сами наперебой предлагают поесть то, что с собой в дорогу взяли. А узнали, что нельзя - вот потихоньку масла добавили. А говорили, что со сливочным совсем плохо. Видно, подействовало, что из Афгана, что ранен. Неудобно, но не отбавлять же теперь. Борис смущается, да и люди своей душевности стесняются. На его "спасибо" лишь недоуменно кивнули. Все-таки хороших людей много! А то что вот на кашах посидеть придется, не страшно. Может, даже и хорошо. На продуктах сэкономим. Вот так родителям и сказать. Отшутиться по поводу развороченного живота. Не хватило Борису духу написать, что же с ним действительно произошло, отписался легким ранением, а почему комиссовали? - так до дембеля ж меньше месяца осталось, что ж государственные денежки переводить на перевоз солдата в даль такую, а потом обратно.

Эх, ладно, сердце сердцем, а все-таки еще сигаретку.

Домики за заплаканным осенним окном тамбура промелькнули. Уютно огоньки светятся в окнах. Из поезда все кажется игрушечным. И деревья, и мосты. Даже города, когда проезжаешь, многоэтажки, стоящие неподалеку, как ненастоящие. Вот эта, что сейчас промелькнула, как две капли воды похожа на его родной дом.

А эти полустанки! Какая прелесть! Жизнь бьет ключом! Уютные такие, родные. Как велика земля, какие разные люди. После уже ставшего привычным Востока, пестрого и шумного, но-таки враждебного, живущего своими традициями, непонятными обычаями, как приятно видеть Родину. Все понятно. Станционные смотрители, здания вокзалов, с их толкотней и суетой, подвыпившими носильщиками и строгой дорожной милицией.

Если остановка пять-десять минут, а то и все пятнадцать-двадцать, сколько удовольствия можно получить на одних только привокзальных базарчиках! Пройти, прицениться, повдыхать вкусные запахи вареной картошки, обильно политой пережаренным салом с луком, соленых крепких огурчиков с прилипшими к ним листочкам смородины, маринованных грибков, заманчиво поблескивающих из банок, густо просоленной рыбы, истекающей жирком в газетных листах. Кое-где мужики успевают разжиться самогоном или дешевым вином, и в вагоне начинается небольшое пиршество. Люди угощают друг друга, словно торопятся растратить за время дороги все доброе, что в них есть, и что глубоко спрятано в большинстве из них в повседневной серой жизни.

Борис с удовольствием бродил по рядам импровизированного базарчика, молча осматривал кулинарные прелести русской земли, едва слышно вздыхал и уходил в вагон. Даже если и мог бы употреблять все эти забытые разности, то купить-то все равно не на что было. В кармане тоненькой пачечкой сжались чеки, а от дембельского червонца, что положен по истечению срока службы, здорово не разгуляешься. Хорошо еще в Ташкенте обменял сколько-то чеков, чтобы доплатить за билет в плацкартном вагоне. Проезд солдату до места службы и домой положен бесплатный, но только в общем вагоне. Да и поехал бы в общем, только побоялся, что в толчее той можно повредить раненый живот. Так и ехал. В ресторане договорился с сердобольной старушкой-посудомойкой, и та за его дембельский червонец варила ему раз в сутки жиденькую манную кашу.

На одной из станций в здании вокзала Борис накупил на оставшийся полтинник газет и теперь читал их взахлеб, пытаясь проникнуться, понять новую жизнь Со всех страниц в лицо ему кричало какое-то, вроде бы и старое, но все же новое слово "перестройка", рядом - Горбачев. А что это такое, никак не мог понять из скользких газетных статей. Вроде бы даже смело написано, какой-то хозрасчет, безалкогольные свадьбы, кооперативные кафе, но что к чему совершенно не понятно. Вот и об Афгане. Не, это лучше не надо. Чувствуется одно, что кругом проблемы, проблемы, проблемы... Но сдвиг какой-то произошел. Лишь бы не по фазе. Борис улыбнулся, вспомнив любимую присказку командира роты. Итак, сдвиг произошел. Теперь-то уж точно страна заживет богато и счастливо. Ты смотри, фермеры появились, готовы страну накормить своим трудом. Ух ты, какие перемены! Пока в газетах, потом и в жизни.

Отношения с Америкой потеплели, смягчились. Видимо и правда скоро войска из Афгана выведут. Ох, скорее бы! Сколько

ребят еще могут погибнуть или, наоборот, могут быть спасены! За последний год потери, потери и потери, конца и краю им не видать. Сколько горя в семьях! Какие ребята гибнут! Восемнадцать - двадцать лет. Могли бы трудиться, семьи создавать, детишек сколько появилось бы! И опять сердце стукнулось болезненно - эх, Лера, Лера, Валерия! Да и искалеченных молодых парней в Союз вернулось несчитано-немеряно. Как и кто они теперь?

Темнеет за окном. И теперь, вроде, и не окно это, а зеркало. Ой, на себя лучше не смотреть, за дорогу оброс сильно, да и бриться нечем.

Поезд устало втянулся к перрону и, протяжно фыркнув, остановился. Борис подхватил свой вещмешок, перекинул через руку шинель, тепло попрощался с попутчиками, прикрыл локтем живот, чтобы не толканули в кипении людей, вышел из вагона и пошел через здание вокзала к остановке автобуса.

Изменился город. Стал не такой зеленый, может быть, из-за осени, и грязный какой-то. Все равно - яркий и родной. Люди красивые А девчонок сколько! Во, цветник! Учащенно забилось сердце, заколотилось, натыкаясь на острые иголочки. Перехватило дыхание от прилива радости. Жив! Дома!

Здравствуй, мама! Здравствуй, папа! Наконец-то, добрался! Поседели-то как! Морщин прибавилось. Ну, не плачьте, мам, все будет хорошо. Па, ну скажи ты ей!

Уже за первую неделю Борис стал приходить в себя. Отоспался, повидался с друзьями. Говорили, наговориться не могли. Обо всем. Все новости перебрали. Кто из одноклассников куда попал, чем занят. Какие события произошли. Конечно, говорили о войне. Но больше как о службе в армии, чем о том, что было на самом деле. Порассуждали.

- Помнишь, Боря, на классных часах учитель говорил, что не может быть хорошего без плохого, - горячился заводной "философ" Юрка Бабич - третейский судья всех школьных недоразумений. - Не может быть только один цвет. Будет ночь - будет день. Не может быть только одно зло! Обязательно должно быть добро.

Юрка успокаивался, замечая, что собеседники прислушиваются к нему, закуривал и продолжал развивать свою мысль:

- Ранили тебя, Борька, - плохо, конечно, но ведь ты уже дома. Не ранили бы - еще полгода в Афгане, могли бы и убить. Вот и выходит парадокс. Душманская очередь жизнь тебе спасла!

- Черт! А выходит, что так, - соглашался Борис.

На душе было светло и радостно. В приемной комиссии

института приняли его документы на подготовительный факультет. Занятия там начинались в декабре. Сейчас только конец октября. Устроился на временную работу в батину бригаду, даже станок токарный его же дали, на котором до армии успел поработать.

Но и еще не поэтому сладко ныло сердце. Получил вчера письмо от Леры, Леры, Валерии. Не срослось, не сложилось у нее с моряком, вот и едет домой, а Борису кажется - к нему. Но письмо-то прислала. Значит, и к нему тоже.

- Борюшка, сынок, что-то приболела я. Приготовить приготовила, хотела уже и стол накрывать, а масла нет. В магазин хотела пойти, да что-то ноги отказывают. В очереди мне не выстоять, - просительно смотрела мать на сына, Может, ты сходишь? Как себя чувствуешь, сынок?

Очередь была огромная, страшная, серая, хмурая и злобная, как пыльная извилистая дорога в Афганистане. Борис присвистнул. Часа три стоять. За чем очередь? За чем, за чем! За маслом! А вот рядом - люди ждут, когда колбасу привезут. Дальше там, видишь, народ за водку бьется. Борис прикинул, нет, уходить нельзя, место займут.

Через час ожидания заныли ноги, запекло в боку. Отойти покурить? Только недалеко и ненадолго. Вроде бы уже машину разгружают. Сколько? А черт его знает! Если в пачках, то через полчасика начнут продавать. Если на развес - то через час, а то и поболе. Скажи спасибо, что вообще привезли!

Опять курить? Да что тебе не стоится! Мы уже в возрасте, стоим, а тебя, молодого, ноги не держат. Молодежь такая дохлая пошла! Меньше бы курил. Да. Работать не хотят, шляются по городу. Стой, не дергайся. Мы тут с утра стоим и ничего. А тут, смотрите, только подошел - и сразу хочет!

Словно искра попала в пороховой погреб. Перекошенные злобой лица, гневные несправедливые слова о молодых. Шел бы работать! На заводах рабочим по килограмму дают масла. Не нравится, не стой! Ишь, какие! Да все без очереди норовят. Наглые.

Объяснять? Рассказывать о ранении? О том, что от захлестнувшей волны негодования сердце начало пощипывать стальными кусачками? Нет.

Уйти? Глупо. Тем более, вот уже и продавать начали. Ох! Очередь сломалась, смялась, скомкалась в единую потно-багровую кучу. Стадо разъяренных зверей без единой капли разума в глазах. С ревом, криками, матом. Ах! Притиснули к самому прилавку. Был последним, стал одним из первых. Но больно как печет в боку, больно как! Ладно, купить - и быстро

домой. А, вот в чем дело! Привезли гораздо меньше, чем ожидалось. Хватит немногим, вот остальные и поперли. Обидно, если не достанется. Да и есть тогда чего? У продавщицы только в лице и осталось что-то человеческое. Стыдно, но что делать?

- Девушка! Мне только пачку. У меня под расчет, - потной ладонью протянул Борис мятые деньги и талон на масло. - Мне нельзя не купить. Я ранен в Афгане, мне надо...

О-о-о! Как заревели! Боже! Что кричат-то! Где бы это я рожу наел? Лоб здоровенный, хам! Да как же без очереди? Очереди-то нет! Ударили? Кто это в спину так больно двинул? Сколько злобы! Скорее, скорее отсюда. Спасибо, девушка! Пропустите. Да пропустите же! Нет, не любовница она мне. Просто человек... Пропустите-е-е...

Невдалеке от магазина, на лавочке сидел Борис. Мокрый от холодной испарины, с закрытыми глазами, посеревшим лицом. Надо быстрее домой. Обедать. Через два часа на смену. Как там мама? Где же масло? Лера, Лера, Валерия...

Из подъехавшей "Скорой помощи" вышел немолодой врач. Осмотрев Бориса, приказал:

- Носилки!

- Что, в третью городскую? - спросил водитель.

- В морг. Похоже - инфаркт.

- У такого молодого? - без всякого удивления буркнул шофер, разворачивая машину на проспект.

- Наши очереди кого хочешь в могилу загонят, - устало проговорил врач, выворачивая из мертвых пальцев Бориса добытую с боем пачку сливочного масла.

Глава 18. Бача

Обращение "бача" значит намного больше, чем "брат", "друг", "родной". Это обращение - особый знак единства. По нему отличают своего от остальных. Понимают, поддерживают, помогают, многое прощают. Невидимыми прочными нитями пережитого это обращение связывает накрепко тех, кто имеет на это право, навсегда.

"Бача" в переводе на русский язык - "парень", "пацан". Совсем другой смысл вкладывают в него, обращаясь друг к другу, ветераны афганской войны. Ветераны... Этим людям, многие из которых еще не перешагнули сорокалетний рубеж, такой определение совсем не подходит. И, когда в школьном актовом зале, где проходил вечер встречи с бывшими солдатами, молоденькие учительницы нажимали на слово "ветеран", многие чувствовали себя неловко. Хотя, когда зазвучали песни, начали читать стихи и была показана инсценировка одного из эпизодов

книги местного автора о той войне, очень неплохо исполненная школьниками, почувствовалось, - да, пережито, да, пройдено. Возбужденная, растревоженная память возрождала яркие образы, подсказывала, казалось бы, начисто, напрочь забытые детали. Но в ответ на предложения рассказать о былом - или покашливание, или смущенное молчание. Как детям рассказать про ЭТО?! Некоторые рассказывали о каких-то второстепенных деталях скупо и неохотно, теряясь и замолкая, комкая невнятный рассказ. Другие советовали:

- Слушайте наши песни. В них очень много сказано. Лучше и не надо...

Когда наступило время неофициальной части и школьники разошлись, вручив вконец измученным афганцам положенные в подобных случаях гвоздики, взрослых пригласили в столовую.

Серебряный звон медалей, пламенеющие пятиугольники орденов на гражданских пиджаках. Любопытные взгляды смущали ветеранов. Сели за скромно, но красиво накрытые столы, подняли тост.

К третьей рюмке разговорились. По разные стороны зала слышалось:

- Бача, а не тебя ли я в Кабульском госпитале в восемьдесят втором в августе из машины на носилках тащил?!

- Эй, Колек, бача, помнишь, когда в Шинданде Мишку духи зарезали...

Наполнив в третий раз стаканы, внезапно встали, разом умолкнув, дав понять хозяевам сегодняшнего вечера, что и их приглашают присоединиться, выпили, помолчали, помянули в тишине погибших.

Теплее стало в зале, разговорились ребята, зазвучали рассказы воспоминания. Солдату близко и понятно солдатское.

Со всеми вместе сидел за столом Славка. Он с женой недавно переехал в этот город, только-только устроился на работу. Когда встал на учет в военкомате, его пригласили в городской совет ветеранов войны в Афганистане, познакомились и предложили пойти в школу на вечер. Славка, подумав, согласился.

Его доброжелательно приняли в общий круг, ободряли, предлагали:

- Выпей, бача, - заботливо передавали закуски.

Славка смущенно отговаривался старым ранением, из-за которого врачи выпивать не рекомендовали. А вот закуски стал поклевывать и понемногу почувствовал себя легче, свободней. Хорошо познакомиться, запомнить имена он не успел, старался поменьше говорить и побольше слушать.

По левую руку от него румяный здоровяк с пустым левым

рукавом и орденом Красной Звезды на пиджаке под дружный хохот рассказывал:

Заскочил я за сопочку, так нужда прихватила, что глаза на лоб... Рота-то дальше движется, а дело у меня, сами понимаете, срочное. Штаны скинул, автомат на колени, от блаженства глаза закрыл, джелалабадские мандарины матерю со стоном. Полегчало. Глаза открываю... Мать твою... Вот они - два душка красавчика из-за другой сопки вышли, смотрят на меня, смеются, винтовками показывают, мол, вставай сержант Игнатов, штанишки натягивай и пошел с нами. Я сам и подумать не успел, что сейчас сделаю, а им-то откуда в голову могло прийти такое. Прям как Рэмбо какой! Задницей упал в то самое да засадил по ним длинной очередью. Наши примчались - ничего понять не могут. Два трупа лежат, и я на спине по сопочке катаюсь. Думали, что ранили меня. А я об песок вытирался. Воды-то там - только что во флягах и была. Так меня потом на марше перегоняли из конца в конец роты. Как только ветер изменится - так и бегу в ту сторону, куда ветер дует...

За противоположным от Славки концом стола сидел кудрявый бородатый парень, зажав коленями гриф стоящей на полу гитары. Это он во время торжественной части пел красиво, умело перебирая струны и знакомые и новые для Славки песни.

Теперь он сидел молча, что-то чиркая авторучкой на салфетках, изредка морщась от громкого смеха товарищей. "Андрей Черных!", - вспомнил Славка.

Шум разговора разрастался, истории следовали одна за другой, время летело. Славка было забеспокоился, что пора уходить, уже поздно, что хозяевам неудобно сказать первым об окончании застолья, как вдруг Черных поднялся со своего места, чуть качнувшись, все же выпили немало:

- Мужики, я тут накропал малость. Хочу сказать спасибо тем, кто нас пригласил. Пора нам и честь знать. А перед посошком прочитаю. Можно? смутился, кашлянул, вопросительно посмотрел на сидящих.

- Давай, бача!

- Андрюха, читай! - прокричали и замолкли.

Славка не любил стихи, но, уважая товарищей, стал внимательно слушать.

Андрей вздохнул и, крепчая голосом, звонко и жестко начал читать:

- Взрыв, звон-н-н!!!

...Строчка трассера промчалась,

А душа во мне живет!

Вся содрогнулась и сжалась,

С диким криком
вместе с телом
побежала
К пулеметному оскалу,
К вспышкам в ночь.
Вдруг, гоня удачу прочь,
Пуля-дура в жизнь вмешалась,
В черном поле обозналась
Не меня ж она искала?
И ворвалась мне в живот.
Пронеслась юлой с косою,
Протаранила как бык,
И ужалила осою,
К позвонку придя впритык.
Мириадом ярких солнц
Осветила врата ада
И поставила пред садом
Райских кущ...
Вскрик, стон-н-н!
Мама, мама, я вернусь...*

Славка слушал и чувствовал, как начинает обрываться дыхание.

- Ё-мое! Ведь это обо мне... Ведь это же я... Это меня в живот ранили там, под Кандагаром! Божечка! У меня ведь врачи пулю два часа в кишках искали. Да вот же и сама она, как брелок к ключам на память подвешена. На выписке из госпиталя врач подарил. Сказал, что у самого позвоночника была. Как Андрей... Откуда... Ведь меня здесь никто не знает! Может и Андрюха?

Даже руки у Славки задрожали. Нет. Вот теперь непременно нужно выпить! Это я у ворот рая стоял! Я в беспамятстве маме кричал: "Вернусь!".

За секунду заново пережил он свое смертельное ранение, операцию, невозможное, нереальное возвращение к жизни. Под понимающие взгляды ребят он налил полстакана водки и махом отправил внутрь, даже не почувствовав вкуса.

Сидящий рядом бача сочувственно поддел вилкой кольцо соленого огурца и протянул Славке:

- Что, прошибло, браток? Хлебнул там-то?

Славка утвердительно кивнул головой и захрустел огурцом. Прожевав, проглотив, выдавил из себя с трудом:

- Это я свое возвращение из райских кущ обмыл.

- Сашка я, - напомнил свое имя поддержавший сосед, - сейчас посошок все выпьют, закусят, расходиться начнут. Особо не спеши, посиди. Отпустит и пойдешь.

Славка смущенно-утвердительно хмыкнул, чувствуя, что начинает хмелеть. Посидел, припоминая, как выписался из госпиталя, как ехал поездом домой, как познакомился в вагоне с девушкой и на всю жизнь связал с ней судьбу. Вспомнил скромную свадьбу и заторопился. Что же это он! Домой пора. Почти все разошлись. Да и жена дома одна. Скорее, скорее к ней. Домой.

Славка вышел со двора школы одним из последних и подошел к автобусной остановке, когда основная часть ребят уже разъехалась, только трое курили на скамейке и, продолжая начатый разговор, пригласили его присесть рядом.

- Нет, Санек, она не была "чекисткой". Что ты! Ее с собой из Союза комполка привез. Она военнослужащей была, прапорщиком в секретной части. Ты помнишь командира? Он лет на двадцать старше ее был, но сумел увлечь, закружить голову. По нему многие женщины страдали. Дульцев полковника и полк получил перед самым вводом в Афган и ее с собой прихватил. Так что там они вместе были. Как в Душманстане женщины ценились, ты помнишь. Жена - в Союзе, а эта, Маринка - с ним...

Помолчали. Закурили по новой сигарете. Славка внимательно слушал, пропустив свой автобус, по-ночному громко стукнувший дверями, с гудением отходящий от остановки.

- Берег он ее!.. Видимо, тоже к сердцу припала. Говорили, что из ревности чуть одного штабиста не пристрелил. Да ты вспомни, Сань, капитана Шаркова. Ну, помнишь, он еще все время по складам шнырял? Во! - удовлетворенно перевел дыхание рассказчик. - Его и хотел грохнуть, когда с рейда с полком вернулся. Тот хлюст возле секретки с букетом тюльпанов прохаживался. Потом... А, ты не знаешь! Тебя тогда ранили. Через месяц нападение на наш гарнизон было. Да мощное такое! Мы еле отбились. Первый и второй батальоны на Пандшер ушли, а мы только из рейда вернулись и отдыхали. Духи около часа ночи напали с той стороны, где склады ГСМ, помнишь? Кувыркались мы с ними до рассвета. Наломали они тогда дров! В шумихе, уходя, утянули они с собой Дульцева, пятерых офицеров и эту девчонку. Две недели мы их искали. Когда нашли в одном из кишлаков, в живых только командир и Маринка остались, - вздохнул говоривший. Терзали их, конечно, словами не передать. Дульцев потерял все, что могли отрезать. Девчонка тоже была еле живая, исполосована до синевы металлическим прутом, сигареты об ее тело гасили... А сколько духов ее насиловали!.. Да, еще на левой руке пальцы отрубили...

Полковника довезли живым в полк. Он на следующий день застрелился. Девчонку в госпиталь в Союз отправили. Больше

ничего не знаю. Но мы после этого озверели и духам так... Эй, бача! Что с тобой?

Славка с помертвевшим белым лицом неловко, боком сползал на узкую скамейку. Его подхватили, поймали такси и отвезли домой. Мало ли. Перепил, может, человек...

Дома Славка отказался от чая, сказал, что сильно хочет спать. Жена присела рядом, с тревогой глядя в лицо мужа.

Чувствуя, что сердце отпускает, засыпая, Славка пробормотал:

- Ты тоже ложись. Все в порядке, бача.

- Да, да, я сейчас...

Марина прошла на кухню, неловко, беспалой рукой придерживая коробок спичек, подкурила сигарету и глубоко задумалась.

* стихи неизвестного автора

Глава 19. Афганский синдром

Я - афганец. Но не по национальности, а по принадлежности к той войне!

Меня отправило на войну мое правительство.

Тысячи, десятки тысяч раз я погибал. Мое тело рвало на части иностранное и советское оружие.

Миллионы раз мою жизнь спасали и руки врачей, и умные, доблестные, имеющие честь офицеры, перед которыми я преклоняю колени.

Миллионы раз равнодушные, продажные души посылали меня на верную смерть, хорошо зная об этом и беспокоясь только о своем благополучии и очередном повышении.

Я - афганец.

Меня благословляли. Меня проклинали.

Меня называли воин-интернационалист, ветеран войны, гордились мной.

Мне бросали :

- Оккупант, захватчик, убийца, - и я не знал, куда девать глаза от стыда и что сказать в ответ.

Меня забывали. И я страдал от ненужности своей, от незначительности жертвы, которую я принес.

А в жертву я приносил самое дорогое для меня - мою жизнь!

Я - афганец.

Сколько раз огнем обиды полыхало мое лицо, и кровь бросалась в голову, когда я слышал:

- Мы тебя туда не посылали!

Посылали!

Посылали прямым приказом и молчаливым согласием. Ты -

чин самого высокого ранга, понимающий позор и несправедливость афганской войны, ты - чиновник низкой ступени, опасавшийся потерять партбилет и сытную кормушку, вы остальные, спрятавшие словно страус голову в песок, в душе своей говорящие:

- Слава Богу, не меня, не моего...

Твоего!

Я - афганец. Я не простил!

Я не простил за свои глаза, вырванные взрывом мин, вырезанные кинжалом, выбитые камнями позора и унижения.

Я не простил за свои внутренности, вывалившиеся в пыль из разодранного живота и затоптанные в чужую землю вашими ногами.

Я не простил за бесстыдно распахнутый пах. Врезанный, пузырящийся кипучей кровью.

Я не простил за доведение меня до бессилия человеческого, солдатского, мужского.

Мне дали понять, что слушать меня не хотят, велят мне умолкнуть. И я замолчал на многие годы. И вот заполыхала Чечня.

И я не могу молчать.

Опять убивают в мирное время. Таких же солдат и офицеров, каким был и я.

Я - афганец.

Мальчишка. Школьная скамья не успела остыть после меня, когда я ходил уже по колено в своей и чужой крови, уже дрался в позорной войне, уже подыхал от страшного солнца, привязанный веревками к столбу в центре чужого кишлака, уже замерзал на жутких скалах Гиндукуша, уже тихо умирал на ржавой койке медсанбата...

Что я успевал узнать о жизни? Школьные годы. Первую любовь. Ужас пыток. Тяжесть испытаний. Кошмар убийства. Ожог пощечины, полученной от тебя, мой народ. И черный бархат последнего поцелуя - смерти.

Я - афганец.

Я - офицер-профессионал, выбравший войну своим ремеслом, знавший, что это на всю жизнь, понимающий, в отличие от солдат, на что иду, успевший познать счастье своей семьи, оставивший на земле своих детей. Моя душа разрывалась на части между жалостью к солдатам и чувством долга, присягой в верности тебе, мой народ, между честью офицера и бесчестьем оккупанта.

Это мне кричали, отдавая приказ, уничтожить вместе с чужими своих:

- Подберите сопли, майор, и выполняйте приказ! Это война. К черту сантименты.

И я выполнял приказ.

Я - афганец.

Мою душу изорвали страшные картины войны. Моему мозгу не дают покоя воспоминания о погибших, замученных пытками моих товарищей, об издевательствах со стороны старослужащих, об искалеченных хороших ребятах. Я сходил с ума от невыносимых тягот, выпавших на мою долю, моих друзей, моих солдат, моего народа. Моя психика не выдерживала напряжения противоречий, и я становился равнодушным, жестоким садистом и убийцей, выполнявшим любой приказ не раздумывая. В мой сон долгие годы, еженочно, приходят тельце девчонки, изломанное пулями моего автомата, раздавленное тело старика, расплющенное гусеницами моего танка, разорванный труп мальчишки, оказавшегося там, где упал снаряд моего миномета...

Моя душа преображалась, и я, на всю жизнь поняв, насколько уязвим и беззащитен человек, навсегда отказался от насилия и оружия.

От сумасшествия меня лечили. Я проходил курс реабилитации и слышал за своей спиной:

- Он - афганец. Они все того...

И, обернувшись на опасливый шепоток, я видел, как ты, мой народ, крутил пальцем у виска.

Я - афганец.

Мои навыки использовали бессовестным образом и уголовный мир, и государство. И убийство на сегодня - самая обычная, привычная для всех вещь. Потому, что к гибели привыкли, когда горел Афган.

Только одна ты, мама, тихо плакала от бессилия, когда меня призывали на войну, и рвала на себе одежды от черного горя, узнав, что меня больше нет.

Только ты да отец не отказывались от меня, изуродованного войной инвалида.

Только от вас, родные мои, не слышал я ни одного горького слова в свой адрес.

А ты, народ мой...

Поймешь ли, что война касается не только семей погибающих, их родных, любящих, любимых?!

Что это касается тебя.

Не торопись переключать канал телевизора на развлекательный фильм. Вглядись в страшную гримасу военных новостей. Не твоего ли сына несут санитары раненого или убитого? Вслушайся в звуки музыки. Не похоронный ли марш для

детей твоих звучит?

Неужели только у матерей российских такая черная доля?! Навсегда?

Люди! Призываю вас! Остановите войну! Не допустите новой войны!

И если вы сделаете это, вы спасете... нет! Теперь уже не меня - СЕБЯ.

Поверьте. Прислушайтесь. Задумайтесь.

Это говорю вам я - АФГАНЕЦ!

* * *

Документ-справка о потерях в Афганистане

Всего убито, умерло от ран и болезней - 13833 человека,

в том числе 1979 офицеров.

Всего ранено - 49985 человек,

в том числе 7132 офицера.

Стали инвалидами - 6669 человек.

Находится в розыске - 330 человек.

Награждены орденами и медалями СССР были 200 тысяч человек, из них 76 стали Героями Советского Союза. Всего прошли через Афганистан 546255 человек.

(Данные генерального штаба ВС СССР, 1989 год)

Гласность. - 1991. - No 29.

* * *

По уточненным данным в Афганистане с 1979 по 1989 годы погибли:

русские - 6888
украинцы - 2378
белорусы - 613
узбеки - 1086
казахи - 362
туркмены - 263
таджики - 236
киргизы - 102
грузины - 81
азербайджанцы - 195
армяне - 95
молдаване - 194
литовцы - 57
латыши - 23
эстонцы - 15
абхазы - 6
балкарцы - 9
башкиры - 98
буряты - 4

евреи - 7
ингуши - 12
кабардинцы - 25
калмыки - 22
каракалпаки - 5
карелы - 6
коми - 16
марийцы - 49
мордва - 66
народности Дагестана - 101
осетины - 30
татары - 442
тувинцы - 4
удмурты - 22
чеченцы - 35
якуты - 1
другие народы и национальности - 168
Потери по возрастам:
до 20 лет - 8655, в том числе 2 офицера
20-25 лет - 3557, в том числе 842 офицера
25-30 лет - 878, в том числе 640 офицеров
30-40 лет - 573, в том числе 396 офицеров
свыше 40 лет - 170, в том числе 99 офицеров.